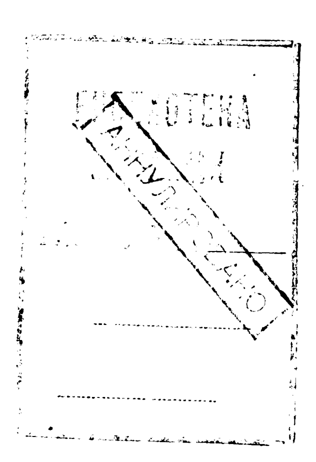
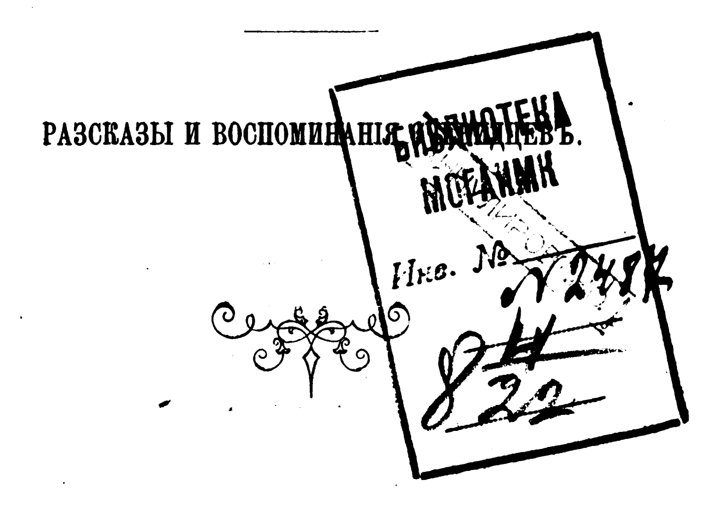
HDI
HW 6EPY N



БУНТЪ

ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ

въ 1831 году.



РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

Кровавыя событія, совершившіяся въ іюлѣ мѣсяцѣ 1831 года, на берегахъ рѣки Волхова, — чрезвычайно еще мало извѣстны въ нашей литературѣ, между тѣмъ, сами по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ онѣ въ высшей степени интересны и поучительны. Безчеловѣчно-замученные мятежными поселянами офицеры, а затѣмъ, въ свою очередь, жестоко-истязанные убійцы — были искупительною жертвою громаднѣйшей ошибки, сдѣланной въ 1820 годахъ учрежденіемъ военныхъ поселеній.

Начинаясь верстахъ въ пяти отъ Новгорода, поселенія тянулись по берегамъ Волхова на далекое пространство. Занимая уѣзды Новгородскій и Старорусскій, онѣ раздѣлялись на четырнадцать округовъ; въ каждый округъ входили поселенія одного полка, который дѣлился на три баталіона, а эти послѣдніе дробились на роты, капральства и взводы. Въ 1831 году два дѣйствующіе баталіона изъ каждаго поселеннаго полка ушли въ походъ противъ возставшихъ Поляковъ — какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ русскихъ губерніяхъ. Въ поселеніяхъ осталось по одному баталіону отъ полка — резервныя роты и строевые резервные

же баталіоны. Такимъ образомъ, по Волхову вытягивались поселенія полковъ: императора австрійскаго Франца I (между большой московской дорогой и Волховымъ), далѣе—короля Прусскаго, далѣе—полки графа Аракчеева; наслѣднаго принца Прусскаго и другіе. Полки раздѣлялись полями и лугами, принадлежавшими каждому округу; въ самомъ округѣ каждая рота жила отдѣльно: имѣла—свою ротную площадь, гауптвахту, общее гумно и риги, — офицеры жили тутъ же въ особыхъ домикахъ. Всѣ хозяйственныя работы производились не иначе какъ подъ надзоромъ и по распоряженіямъ офицеровъ. Для руководства имъ была издана масса правилъ и уставовъ: о расчисткѣ полей, рубкѣ лѣсовъ, содержаніи въ чистотѣ избъ и т. п. Эти правила имѣли для офицеровъ и для военныхъ поселянъ одинаковую силу съ рекрутскимъ уставомъ.

Въ лицѣ поселенныхъ офицеровъ сосредоточивалась власть и помѣщиковъ, и военныхъ командировъ. Палки, шпицрутены, розги, кулачная расправа—все это было въ полномъ развитіи. И нельзя быть излишне строгимъ къ лицамъ, прибѣгавшимъ къ этимъ мѣрамъ: они были дѣтьми своего времени, они были исполнителями той общей системы, которая была принята тогда относительно солдата — безразлично, какъ строеваго, такъ и поселеннаго.

Заря нравственнаго возрожденія русскаго солдата и признаніе какъ въ солдатѣ такъ и въ крестьянинѣ человѣческой личности — съ правами на милосердіе и справедливость къ ней—была въ то время еще очень, очень далека........

Въ настоящей книгѣ мы представляемъ сборникъ нѣсколькихъ разсказовъ, написанныхъ очевидцами кровавыхъ іюльскихъ событій 1831 года.—Эти разсказы—принадлежатъ: капитану Заикину, подполковнику Панаеву, протоіерею Воинову, чиновнику Соколову и купцу Красильникову. Первыя четыре сказанія составляютъ *все*, что до сихъ поръ было въ нашей литературѣ относительно бунта военныхъ поселянъ. Разсѣянныя въ разныхъ повременныхъ русскихъ изданіяхъ послѣдняго десятилѣтія эти разсказы являются теперь соединенными въ одной книгѣ, причемъ воспоминанія Заикина, Панаева и Воинова изданы со списковъ болѣе исправныхъ, нежели съ какихъ нѣкоторые изъ нихъ были нами же прежде напечатаны въ журналахъ. Въ дополненіе къ этимъ разсказамъ мы нашли не лишнимъ привести небольшую выдержку изъ статьи г. Соколова, помѣщенной имъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, кажется 1863 г.; въ отрывкѣ изъ разсказа г. Соколова читатели найдутъ нѣсколько, хотя и весьма бѣгло набросанныхъ, чертъ рисующихъ распорядки нисшей мѣстной администраціи въ 1831 году, распорядки — во многомъ отношеніи — послужившія причинами бунта Новгородскихъ военныхъ поселянъ.

Затѣмъ замѣтка, обязательно доставленная намъ достопочтеннымъ Холмскимъ купцомъ А. М. Красильниковымъ—бросаетъ свѣтъ на состояніе умовъ поселеній ближайшихъ къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя были охвачены пожаромъ мятежа.

Въ приложеніяхъ къ книгѣ, кромѣ документовъ подкрѣпляющихъ свидѣтельство разскащиковъ-очевидцевъ,

мы помѣстили разсказъ Ивана Шишкина, бывшаго въ 1812 году ополченнымъ офицеромъ, о бунтѣ народнаго ополченія въ этотъ достопамятный годъ. Независимо оттого, что сказаніе г. Шишкина изложено съ замѣчательнымъ, по своему времени, дарованіемъ, оно интересно и вполнѣ пригодно для настоящаго сборника потому, что многія черты волненія ратниковъ въ 1812 году, весьма тонко подмѣченныя авторомъ, замѣчательно однородны съ тѣми, которыя проявляются въ волненіяхъ поселянъ 1831 года. Считаемъ при этомъ необходимымъ замѣтить, что разсказъ г. Шишкина хотя и былъ уже напечатанъ нами въ текущемъ году въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, но только — въ извлеченіи; въ настоящей же книгѣ мы его приводимъ съ подлиннаго списка автора цѣликомъ, безъ малѣйшихъ пропусковъ, вслѣдствіе чего онъ почти на цѣлую треть болѣе нерваго своего изданія.

Настоящему сборнику мы намѣревались предпослать составленный уже нами—по сказаніямъ современниковъ и нѣкоторымъ подлиннымъ документамъ — обзоръ исторіи русскихъ военныхъ поселеній, — но отложили печатаніе этого труда до слѣдующаго предположеннаго нами выпуска матеріаловъ къ исторіи этого окончательно погребеннаго учрежденія. Между тѣмъ, настоящій выпускъ, являясь первою книгою о бунтѣ военныхъ поселянъ, вызоветъ, какъ мы надѣемся, замѣчанія, дополненія и разъясненія — со стороны лицъ, видѣвшихъ, слышавшихъ и, такъ или иначе, дѣйствовавшихъ или даже и пострадавшихъ въ кровавые іюльскіе дни 1831 года. Такимъ образомъ этотъ мрачный

эпизодъ въ новѣйшей русской исторіи теперь же войдетъ въ рядъ тѣхъ вопросовъ, которые вызывая пытливое любопытство любителей отечественной старины, подвергаются, къ чести настоящаго времени, всестороннему изслѣдованію... Таковое изслѣдованіе внесетъ конечно новыя данныя — и намъ представится возможнымъ напечатать свой трудъ въ болѣе полномъ и обстоятельномъ видѣ, нежели какимъ явился бы онъ теперь, при относительной еще скудости матеріаловъ по этому предмету.

Поправка. Обращаемъ вниманіе читателей на одну довольно важную погрѣшность, вкравшуюся въ нашъ сборникъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его — напечатано: «капитанъ Саурскій» — читай: «штабсъ-капитанъ Савурской», такъ значится въ имѣющихся у насъ выпискахъ изъ дѣлъ Старорусскаго архива, обязательно сообщенныхъ намъ сыномъ этого злополучнаго и достойнаго офицера — инженеръ-полковникомъ и инспекторомъ классовъ въ Инженерной Академіи А. А. Савурскимъ.

I.

Разсказъ командира 2-й роты императора австрійскаго Франца I поселенаго полка канитана Заикина.

I.

Причины недовольства военныхъ поселянъ.—Мѣры предосторожности противъ холеры. — Подписка. — Слухи о мятежѣ.

Въ 1831 году, при открытіи компаніи противу польскихъ мятежниковъ, Гренадерскому корпусу велѣно было выступить въ походъ, а потому дѣйствующіе баталіоны, по сформированіи, отдѣлясь отъ оставшихся въ округахъ поселеній резервныхъ и поселенныхъ баталіоновъ, двинулись къ границамъ Царства Польскаго.

Зима 1830—1831 года была очень холодная.

26 Декабря, около Новгорода, показывались на небѣ необыкновенныя сѣверныя сіянія, продолжавшіяся часа по три. Поселяне выходили изъ своихъ домовъ и, удивляясь небесному явленію, говорили между собой: «это не къ добру; настали послѣднія времена!» Припоминали при этомъ и комету, бывшую въ 1811 году.

Въ то время въ Россіи дѣйствительно было много бѣдствій, отъ гнѣва Божіяго и междуусобія. Но поселяне спокойно занимались своими работами и устройствомъ домашнихъ заведеній. Дѣятельность и быстрота внутреннихъ распоряженій по военнымъ поселеніямъ были вполнѣ совершенны.

Весною 1831 года, для содержанія карауловъ въ Новгородѣ и приготовленія къ смотру начальника штаба, генерала Клейнмихеля, — всѣ резервные баталіоны выступили изъ округовъ; по недостатку въ нихъ офицеровъ, были командируемы отъ поселенныхъ баталіоновъ ротные командиры, которые, по сему случаю, и находились въ Новгородѣ, а, по окончаніи очереди, возвращались въ роты свои къ управленію хозяйственною частію; во время же ихъ отсутствія, обязанность по этому предмету лежала на фельдфебеляхъ.

По наступленіи лѣта 1831 года, резервные баталіоны выступили въ лагерь, находившійся при *Княжьемъ дворѣ.*

Въ Новгородѣ тогда была чрезвычайная тишина. По базарамъ изрѣдка показывались служивые для покупокъ.

Извѣстно, чего стоятъ Россіи военныя поселенія. Основанныя по мысли императора Александра I, онѣ, при содѣйствіи графа Аракчеева, устраивались весьма поспѣшно. Управляя огромною массою поселеній, графъ Аракчеевъ въ такомъ значительномъ предпріятіи весьма много увлекся мечтою о скорѣйшемъ распространеніи этого нововведенія — и хотя своими строгими мѣрами во многомъ успѣлъ, но благосостояніе ввѣренныхъ ему подчиненныхъ было поставлено въ весьма тѣсныхъ границахъ. Такимъ образомъ, главная цѣль осѣдлости была какъ бы въ туманѣ; одна наружность блистала.

По разнымъ неудобствамъ и трудности исполненія распоряженій высшаго начальства — съ самаго начала зажглась искра неудовольствія въ поселянахъ, подвергавшихся таковымъ перемѣнамъ; богатые изъ нихъ

сдѣлались по состоянію посредственными, а имѣвшіе посредственный достатокъ очутились бѣдняками. Зато иному лѣнивому, но бѣдному уже издавна крестьянину давали всѣ средства исправить свое состояніе: при передѣлѣ полей бѣдному лѣнтяю доставалась хорошая пашня, а трудолюбивому и богатому—дурная, которую должно было вновь удобрять, не имѣя отъ казны никакого пособія. Въ общественныхъ нарядахъ всѣ несли одинаковую тягость. Все это производило зависть и ропотъ. Казенные дома, требованіе чистоты въ оныхъ, для иныхъ семействъ тѣснота жилищъ (всѣ дома, какъ извѣстно, были одинаковыхъ размѣровъ для всѣхъ семействъ безразлично); дальнее разстояніе отъ домовъ — полей, сѣнокосовъ и другихъ хозяйственныхъ угодій, все это весьма разстроивало первобытное состояніе жителей, обращенныхъ въ военныхъ поселянъ. Вслѣдствіе всего этого военные поселяне, какъ должно полагать, ожидали только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы разрушить сдѣланныя преобразованія. Такія благопріятныя обстоятельства представились поселянамъ въ слѣдующемъ случаѣ.

Неизвѣстная до того времени въ Россіи холера появилась со всѣми ужасами эпидеміи: множество народа сдѣлалось ея жертвою. Наконецъ, она достигла до Петербурга и дала здѣсь поводъ къ народному волненію. О причинахъ холеры, въ особенности послѣ вызванныхъ ею волненій, пошли въ народѣ самые нелѣпые толки. Высланный изъ столицы простой народъ, проходя мимо военныхъ поселеній, распространялъ слухи — что холеры, какъ болѣзни, не существуетъ, но что поймано множество злодѣевъ отравляющихъ съѣстные припасы и даже цѣлыя рѣки. Поселяне, съ любопытствомъ внимая разсказамъ, по врожденному

простому народу легковѣрію, принимали ихъ за истину — и тѣмъ болѣе увлекались этими бреднями, что болѣзнь появилась уже тогда въ Новгородѣ и въ округахъ поселенія.

Бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Томашевскій, предписалъ по всѣмъ округамъ: постановить секретнымъ образомъ журналъ о предосторожностяхъ противъ холеры.

Баталіонный командиръ, подполковникъ Бутовичъ, подобнымъ же образомъ увѣдомилъ о семъ ротныхъ командировъ, которые и собрались на квартирѣ Бутовича. Мѣры эти состояли главнымъ образомъ въ томъ, чтобы удерживать поселянъ отъ отпусковъ изъ ротъ (для чего была разставлена на границахъ округа стража) учредить карантины и во всемъ наблюдать чистоту. Во время разсужденій объ этомъ членовъ, вошелъ аптекарь Гопольдъ и, слыша распоряженія комитета, сказалъ г. Бутовичу, что онъ только что возвратился изъ Новгорода, гдѣ слышалъ о высочайшемъ повелѣніи, на основаніи котораго, уничтожаются карантины во всѣхъ городахъ; это извѣстіе весьма насъ удивило. Тѣмъ не менѣе, журналъ былъ составленъ и отправленъ по начальству. Вскорѣ поселяне, узнавъ, что всѣ члены собирались въ квартиру подполковника, и незная причины этого собранія, стали переходить отъ одного предположенія къ другому и наконецъ выдумали, что гг. офицеры собирались для составленія подписки объ отравленіи поселянъ ядомъ. Эти толки послужили къ возбужденію между ними недовѣрія къ начальству.

Въ это время изъ лагеря, при Княжьемъ дворѣ, отдѣленъ былъ отрядъ — и составленные изъ него маршевые баталіоны отправлены къ С.-Петербургу, но,

недоходя станціи Чудова, были возвращены обратно въ лагерь, куда они и направились поспѣшно проселочными дорогами.

Вскорѣ по прибытии ихъ туда, въ городѣ Старой Русѣ и округахъ 2-й и 3-й Гренадерскихъ дивизій сдѣлался неслыханный мятежъ. Отъ старорусскаго мятежа заразились почти всѣ округа возмутительнымъ духомъ. Въ Россіи давно не было такихъ бѣдственныхъ происшествій; неистовый народъ ожесточился до такой степени, что — забывъ вѣрность и присягу, данную государю, — дерзнулъ варварскимъ образомъ убивать своихъ начальниковъ, предавалъ ихъ тиранскому мученію, наконецъ намѣревался истребить всѣхъ офицеровъ, находившихся въ поселеніи, не щадя при этомъ ихъ семействъ. Сама природа измѣнилась въ то время и показала картину прогнѣванныхъ небесъ: вездѣ горѣли лѣса, трава на лугахъ, а мѣстами выгорали цѣлыя поля, засѣянныя хлѣбомъ. Густыя облака дыма носились въ воздухѣ и затмѣвали солнце; выжженная земля громадными пустырями виднѣлась во всѣ стороны. По ночамъ воздухъ наполнялся непроницаемымъ туманомъ, отъ котораго утренняя роса была причиною большаго падежа скота. Народъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, также былъ въ уныніи: многіе поселяне уже умирали холерою; другіе, предубѣжденные противъ этой болѣзни, полагали, что умершіе суть жертвы отравы. Нѣкоторые поселяне по ночамъ стерегли колодцы; впрочемъ, о старорусскомъ мятежѣ не было говорено еще явнымъ образомъ; я самъ, командуя поселенною ротою, до времени ни отъ кого не слыхалъ объ этомъ происшествіи.

II.

Начало безпорядковъ въ поселенномъ императора Франца I полку. — Отказъ поселянъ косить сѣно. — Поимка мнимаго отравителя. — Открытый мятежъ поселянъ. — Самосудъ поселянъ и кровавые допросы. — Роковая рига. — Солдаты резервнаго баталіона отступаются отъ своихъ офицеровъ. — Гибель штабъ-лекаря, баталіоннаго и ротныхъ командировъ. — Изувѣченіе прочихъ служащихъ лицъ. — Арестъ полковаго священника. — Вынужденное благословеніе. 16 іюля 1831 года.

15 Іюля 1831 года, я получилъ предписаніе баталіоннаго командира распорядиться помѣщеніемъ на квартирахъ имѣющую прибыть ко мнѣ 7-ю фузелерную роту; она плыла по озеру Ильменю на катерахъ; было приказано — размѣстить ее по гумнамъ и не дозволять новоприбывшимъ ни какого сношенія съ поселянами.

Едва я успѣлъ обо всемъ этомъ распорядиться, какъ увидѣлъ роту, идущую по дорогѣ съ пѣснями. Командиръ оной, поручикъ Забѣлинъ, отведя людей въ назначенныя имъ гумна и отдавъ нужныя приказанія, зашелъ ко мнѣ и, между разговорами, сообщилъ, что въ Старой Русѣ не спокойно; впрочемъ, не объяснилъ подробно о причинахъ волненій. Пробывъ нѣкоторое время у меня, Забѣлинъ ушелъ на свою квартиру, а я, объѣхавъ роту свою и не найдя никакихъ безпорядковъ, возвратился на ротный дворъ, для отдачи приказаній.

Десяточные унтеръ-офицеры, собранные у меня, объявили о согласіи военныхъ поселянъ, вмѣсто сбора съ нихъ для пожарныхъ лошадей по 9 пудовъ и 33 фунтовъ сѣна, скосить общимъ порядкомъ (т. е. всею ротою сообща) съ береговъ Витлинскаго ручья

траву. Для этого, я велѣлъ наряжать съ 16 Іюля, нужное число людей, которые въ этотъ день и должны были собраться на лѣвомъ флангѣ роты у Витлинскаго моста.

16 Іюля, въ 8 часовъ утра, вышелъ я для осмотра этой работы; шедшій за мной съ прочими унтеръ-офицеръ Михайло Чернобаевъ говорилъ поселянамъ тихо, — но такъ, что я, идя возлѣ него, могъ слышать:

— Ну, что-же вы сами не говорите капитану?

Поселяне молчали.

Когда же я прошелъ нѣкоторое разстояніе, то унтеръ-офицеръ Абрамъ Емельяновъ сказалъ:

— Люди не желаютъ косить общимъ порядкомъ, но хотятъ сдавать сѣно каждый отъ себя, по той причинѣ, что они неимѣютъ лѣтошняго сѣна; свое-же остается еще не скошеннымъ по пожнямъ, и поселяне не имѣютъ чѣмъ прокормить своихъ лошадей.

Обратясь къ поселянамъ, я сказалъ:

— Кто изъ васъ не желаетъ косить? Выходи впередъ!

Всѣ отвѣчали въ голосъ:

— На этомъ покосѣ у насъ находится лучшая трава; если мы сдадимъ лучшее сѣно, то у насъ у самихъ мало останется сѣна хорошаго; въ общихъ покосахъ, кидаемыхъ по жребію, иному достанется на часть почти одна дурная трава.

Такъ какъ однако предстояла нужда для корма пожарныхъ лошадей, то я приказалъ раздѣливъ ротѣ участки между собою, тотчасъ ихъ скосить — и начать то, что будетъ скошено, сдавать пожарнымъ лошадямъ. Все это и было тотчасъ-же начато. При этомъ, замѣтивъ хозяевъ Конона и Ивана Яковлевыхъ дерзкими, я приказалъ привести ихъ на ротный дворъ; а самъ, побывъ на работѣ нѣкоторое время, отправился туда.

же и, найдя тамъ этихъ поселянъ, хотѣлъ наказать ихъ какъ за дерзость, такъ и за тотъ неприличный солдату видъ, съ какимъ они разсуждали о покосѣ.

Это было часу въ 11-мъ утра.

Въ это время прибѣжалъ ко мнѣ кантонистъ Петръ Кузьминъ и объявилъ, что у Витлинскаго моста пойманы унтеръ-офицеръ шоссейной команды и дѣвка, у которыхъ найденъ ядъ; оба они имѣются-де у всѣхъ въ подозрѣніи на счетъ отравы.

Вслѣдствіе этого донесенія, я въ ту же минуту выѣхалъ на большую дорогу и встрѣтилъ здѣсь толпу поселянъ, которые вели пойманныхъ солдата и дѣвку; у перваго были связаны руки за спину и лицо избито до крови. По приближеніи моемъ, поселяне остановились.

Я сказалъ имъ: «какъ смѣли вы отлучиться съ своей работы?»

Тогда поселяне, указывая на найденную при унтеръ-офицерѣ купоросную кислоту и хлоровую известь, съ неистовымъ видомъ отвѣчали:

— Можно-ли намъ быть на работѣ, когда этотъ злодѣй сыплетъ ядъ въ воду? Онъ, можетъ быть, отравилъ ручей, изъ котораго теперь нельзя пить воду. Да если-бы мы его не поймали, то онъ всыпалъ бы ядъ въ варившуюся на берегу кашицу; шутка-ли, сколько-бы поморилъ народу! Мы не отступимъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не откроетъ намъ и другихъ подобныхъ ему злодѣевъ!

Я приказалъ имъ молчать, и замѣтивъ при томъ, что здѣсь находились почти всѣ унтеръ-офицеры, приказалъ имъ разогнать толпу на работу; а самъ, подойдя къ пойманному унтеръ-офицеру, спрашивалъ: откуда онъ, и что сдѣлалъ? Тотъ отвѣчалъ мнѣ на

это, что, по глупости своей, взялъ съ собою эти вещества съ тѣмъ, чтобы дѣвку, въ этотъ день изъ квартиры его бѣжавшую, съ которою онъ давно живетъ, догнавъ, воротить въ свой домъ, а въ случаѣ ея упорства хотѣлъ постращать ее этими веществами; предметы же эти розданы были нашимъ докторомъ, по всѣмъ шоссейнымъ казармамъ, по приказанію начальства, для окурки отъ худаго воздуха и отъ холеры. И вотъ, когда этотъ унтеръ-офицеръ вздумалъ употребить противъ бѣглянки эту острастку, — она, вмѣсто того, чтобы испугаться, стала стращать его, что пойдетъ въ нижній земскій судъ, донесетъ на его злоупотребленія и пожалуется на него за вытерпѣнныя побои; тотъ разсердясь на это, повалилъ ее на землю и хотѣлъ ударить; но она закричала «караулъ» — и на крикъ этотъ прибѣжалъ вблизи находившійся унтеръ-офицеръ 7-й фузелерной роты, а за нимъ сбѣжались и поселяне.

Поселянинъ Гаврила Дементьевъ при этомъ сказалъ, что проѣзжавшій въ это время мимо голова, Иванъ Ивановъ, не велѣлъ отдавать пойманныхъ унтеръ-офицера и дѣвку начальникамъ, пока онъ не воротится изъ Новгородскаго нижняго земскаго суда.

Унтеръ-офицеръ 7-й фузелерной роты прибавилъ, что засталъ обоихъ обвиняемыхъ въ такомъ положеніи: шоссейный унтеръ-офицеръ, поваливъ женщину на землю, давилъ ей колѣномъ грудь и хотѣлъ влить ей ядъ въ ротъ; но она, ударивъ рукою по склянкѣ, вышибла ее изъ рукъ, послѣ чего свидѣтель нашелъ пузырекъ этотъ въ травѣ.

При распросѣ женщины, послѣдняя подтвердила сказанное унтеръ-офицеромъ 7-й роты, прибавивъ къ тому, что у шоссейныхъ въ сундукахъ много еще находится такого яда.

Въ то время, какъ я былъ занятъ распросами, унтеръ-офицеры донесли мнѣ, что поселяне вышли у нихъ изъ повиновенія.

Я началъ самъ унимать поселянъ и болѣе дерзкихъ хотѣлъ ударить; но они прятались одинъ за другаго и дерзко кричали, что не разойдутся. При этомъ находились унтеръ-офицеры 7-й роты: Максимъ Евстигнѣевъ и Петръ Матвѣевъ; тутъ же были поселенные унтеръ-офицеры: Михайло Чернобаевъ, Василій Епифановъ, Никита Онуфріевъ, Абрамъ Емельяновъ, Андрей Васильевъ, Ларіонъ Булатовъ, Михайло Яковлевъ и Ермолай Ефимовъ; рядовые: Гаврила Дементьевъ, Евстигнѣй Ивановъ, Иванъ Ивановъ, Емельянъ Ивановъ, Кононъ Яковлевъ, Ефимъ Филиповъ, Яковъ Гусаковъ, Ѳедоръ Тесенинъ, Иванъ Никифоровъ, Макаръ Ивановъ и прочіе, — всѣхъ не возможно припомнить, но только набралось поселянъ значительное число. Обратясь къ унтеръ-офицеру, я приказалъ каждому вести свой десятокъ по домамъ.

Поселяне при этомъ закричали:

— И въ Новгородѣ не одинъ разъ ловили такихъ злодѣевъ, но губернаторъ также ничего имъ не дѣлалъ и отпускалъ ихъ на волю!

Унтеръ-офицеръ Максимъ Евстигнѣевъ, обратясь къ поселянамъ, махнулъ рукою и сказалъ: «ведите ихъ въ ригу, тамъ допросимъ!» и толпа повела пойманныхъ большою дорогою въ ригу. При этомъ я приказалъ толпѣ вести пойманныхъ на ротный дворъ, откуда на лошади хотѣлъ отправиться къ баталіонному командиру; но поселяне не слушая меня, повернули къ гумну, гдѣ стали опять допрашивать. Потомъ нѣсколько унтеръ-офицеровъ пошли въ казарму шоссейныхъ — осма-

тривать: не найдется ли еще яду; но они однако ничего тамъ не нашли.

Въ это время подъѣхалъ резервнаго баталіона маіоръ Баллашъ и хотѣлъ, вмѣстѣ со мною, разогнать толпу; но ему сказали:

— Покамѣстъ ты цѣлъ, убирайся отсюда, а не то!.. при этомъ хотѣли взять за узду его лошадь; но онъ, оставя ихъ, пошелъ вмѣстѣ со мною на квартиру, гдѣ я обо всемъ происшествіи вкратцѣ написалъ рапортъ баталіонному командиру, и съ коннымъ унтеръ-офицеромъ отправилъ его въ штабъ *). Баллашъ при этомъ говорилъ: «лучше бы простой запиской увѣдомили, а по рапорту это происшествіе сочтется за весьма важное». Послѣ этого Баллашъ пошелъ отъ меня къ 7-й фузелерной ротѣ. Между тѣмъ я отправился опять къ гумну. Одна часть поселянъ была въ ригѣ, другая сидѣла при большой дорогѣ и громко разсуждала объ этомъ происшествіи. Въ это время прибыли поселяне изъ другихъ ротъ; тогда же вошли въ гумно поручики Забѣлинъ и Чернцовъ. Пробывъ здѣсь недолго, и, видя что всѣ вышли изъ повиновенія, офицеры эти отправились къ своимъ ротамъ; вслѣдъ за уходомъ ихъ явился баталіонный командиръ; я встрѣтилъ его разсказомъ обо всемъ происшедшемъ. Съ нимъ вмѣстѣ вошли мы въ гумно; здѣсь при входѣ нашемъ водворилась тишина. Поселяне предъ этимъ о чемъ-то сговаривались; всѣ стали въ одно мѣсто. Подполковникъ Бутовичъ, поздоровавшись съ поселянами, спросилъ: зачѣмъ собрались они такой толпой съ работы и, нарушая порядокъ, осмѣлились самовольно взять шоссейнаго унтеръ-офицера и въ чемъ они его подозрѣваютъ?

На это поселяне въ одинъ голосъ закричали:

---

*) См. приложеніе II-е въ концѣ книги.

— Если бы не поймали унтеръ-офицера, то никого въ живыхъ бы не осталось. Онъ намъ признался, что у нихъ по всѣмъ казармамъ розданъ ядъ, по приказанію начальства и докторовъ; вотъ до чего дожили, что и начальство вздумало насъ морить, — говорили поселяне: — да вотъ и ядъ, стало быть всѣ подкуплены.

Подполковникъ Бутовичъ, разспросивъ унтеръ-офицеровъ, сказалъ имъ: «то, что вы называете ядомъ, употребляется напротивъ съ пользою: это хлорноватая известь, которою окуриваются казармы и дома для очищенія воздуха. Я самъ дѣлаю это».

На это поселяне отвѣчали:

— Знаемъ мы, какая это окурка; она насквозь прожигаетъ, а по нашему это называется — мышьякъ!

Тогда Бутовичъ обращаясь къ поселянину, съ дерзкимъ видомъ къ нему подходившему, сказалъ:

— Молчать мерзавецъ! сегодня громко кричишь, но я тебя проучу — завтра пойдешь сквозь строй!

Только-что онъ договорилъ это слово, какъ толпа, двинувшись впередъ, закричала:

— Сквозь строй, кого? за что? пусть всѣхъ насъ гонятъ сквозь строй!

Толпа надвигалась все ближе и ближе; глаза поселянъ сверкали, лица были блѣдны, во ртахъ виднѣлась пѣна (?).

Стоявшіе сзади толкали на насъ переднихъ. Опасаясь за г. Бутовича, я толкнулъ ближайшихъ ко мнѣ и закричалъ: «тише, тише, что вы осмѣливаетесь дѣлать!?» но они, не умолкая, продолжали наступать.... Вдругъ за нами раздался крикъ:

— Вотъ сама холера пріѣхала!

Взглянувши, я увидѣлъ штабъ-лекаря Богоявленскаго, котораго вели подъ руки на середину. Одни

кричали «ура», другіе: «сюда, сюда его!» трудно было тогда удержать волненіе. — Послѣ того закричали:

— Говори, гдѣ у тебя ядъ? и толпа съ поднятыми руками, вооруженными шворнями и вилами, бросилась къ Богоявленскому.

Я съ подполковникомъ Бутовичемъ остались сзади; 4-й поселенной роты унтеръ-офицеръ Евдокимовъ, подойдя ко мнѣ и схватя за руку, закричалъ: «куда? не уйдешь!» но моей роты унтеръ-офицеръ Григорій Логиновъ толкнулъ его такъ, что тотъ чуть не упалъ, и, взявъ меня за руку, сказалъ: «уйдите, ваше благородіе, отсюда! видите, какъ народъ озлился», и съ этими словами Логиновъ вывелъ меня изъ риги.

Выйдя оттуда, я увидѣлъ подполковника Бутовича, выбѣжавшаго съ другой стороны; маленькіе кантонисты бросали въ него земляными комками. Выйдя съ нимъ на дорогу, я сталъ уговаривать стоявшихъ тутъ поселянъ, чтобъ они шли въ ригу съ нами спасти отъ смерти доктора Богоявленскаго, — но вскорѣ увидѣлъ какъ онъ самъ выскочилъ оттуда и въ безпамятствѣ бѣжалъ по пашнѣ, едва держась на ногахъ, весь избитый и оборванный, часто падая и торопясь опять подняться. Наконецъ, выбившись изъ силъ, Богоявленскій упалъ у полевой канавки и уже не могъ встать; два поселянина подбѣжали къ нему, схватили подъ руки и повели опять въ ригу. Между тѣмъ какъ мы уговаривали поселянъ, въ ригу принесли сундукъ и скамейку, посадили доктора и стали стращать смертію, если онъ не признается въ отравленіи ядомъ.

— «Намъ уже извѣстно, говорили поселяне,— что всѣ начальники недавно сдѣлали подписку отравить насъ, то говори намъ: кто подписался?» При этомъ поставя черницу и положивъ лоскутокъ бумаги, допрощики

требовали, чтобы докторъ написалъ имена «подписавшихся на холеру».

Сперва тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ ни о какой подпискѣ, что холера распространилась по всей Европѣ и, идя полосою, оставляетъ за собой заразительный воздухъ, для очищенія котораго хлорная известь есть самое лучшее средство. Недавъ ему кончить, стали опять наносить удары.

Поселянинъ Яковъ Григорьевъ, указывая на потолокъ, сказалъ: «что его слушать! давайте-ка веревку, повѣсимъ его!»

Тогда со всѣхъ сторонъ раздались вопли: «вѣшать, вѣшать!»

Богоявленскій, испугавшись, сталъ писать имена всѣхъ начальниковъ, кромѣ меня, неизвѣстно почему имъ пропущенному, — и самъ подтвердилъ, что была подписка.

Тогда поселяне обрадовались этому заявленію и, не спрашивая уже ни о чемъ, закричали: «болѣе ничего не нужно!—вотъ доказательство, что насъ отравляютъ!» и положили Богоявленскаго почти мертваго къ сторонѣ.

Здѣсь необходимо пояснить, какъ Богоявленскій попалъ въ эту страшную передѣлку. Подполковникъ Бутовичъ, видя изъ рапорта моего, что поселяне въ купоросной кислотѣ и хлорной извести видятъ отраву, взялъ Богоявленскаго съ собою нарочно для разъясненія сомнѣній поселянъ и докторъ сдѣлался первою жертвою. Унтеръ-офицеръ Ларіонъ Булатовъ, первый вышедши изъ риги и подойдя къ подполковнику, сталъ просить билета для поѣздки вмѣстѣ съ виновниками отравленія въ С.-Петербургъ. Г. Бутовичъ долго не соглашался, но когда его увѣрили, что если онъ под-

пишетъ билетъ, то всѣ разойдутся по своимъ мѣстамъ,—тогда онъ подписалъ его и при томъ сказалъ:

— Вы должны заявить, что билетъ этотъ отъ меня вынудили.

Между тѣмъ поселяне нетолько не думали расходится, а напротивъ многіе съ дерзкимъ видомъ подходили къ Бутовичу и говорили, что онъ все самъ отъ себя выдумывалъ, потому что подкупленъ. Бутовичъ, сидѣвшій уже въ кабріолетѣ, не зналъ, что предпринять, наконецъ сказалъ мнѣ: «все это надѣлалъ Богоявленскій» и приказалъ мнѣ идти къ толпѣ сколь можно уговаривать ее разойтись.

Подойдя къ толпѣ, я началъ ласково говорить имъ:

— Ребята! неужели вы мнѣ недовѣряете? до сихъ поръ я всегда былъ вами доволенъ и теперь увѣренъ, что меня послушаете! Скажите мнѣ, что вы вздумали дѣлать?

— Пусть распустятъ резервный баталіонъ изъ ригъ по домамъ, закричали мнѣ: — зачѣмъ ихъ тамъ поставили? Небось думаютъ, что солдаты будутъ съ нами драться? да мы кольями закидаемъ ихъ, да и какъ осмѣлятся! когда уже на то пойдетъ, то мы въ штабѣ кирпича не оставимъ!

Я возразилъ имъ: «послушайте, то, что вы намѣрены дѣлать, есть уже возмущеніе, нарушеніе закона и присяги! Рано-ли, поздно-ли, вы вспомните меня, что я вамъ говорилъ правду; по крайней мѣрѣ, вы можете сколько нибудь исправить это тѣмъ, что уговорите товарищей вашихъ отъ дальнѣйшихъ поступковъ. Да и въ чемъ претензіи ваши? вы хотите, чтобы распустили резервный баталіонъ? Онъ единственно поставленъ съ тѣмъ, чтобы содержать малый карантинъ для сбереженія вашего здоровья. Вы просили о биле-

2

тѣ — баталіонный командиръ подписалъ его; обѣщали идти по домамъ — и не расходитесь; скажите, чего-же вы еще хотите?

Къ несчастію слова мои были напрасны. Поселяне отвѣчали съ неистовымъ видомъ:

— Мы видимъ изъ рѣчей вашихъ, что вы еще ничего не знаете и имѣете простую душу; посмотрите, какъ насъ морятъ: въ магазеѣ вѣрно весь хлѣбъ отравленъ; нѣтъ мѣста, гдѣ бы не было положено яду! Страшно подойти къ колодцамъ; куда не пойди, вездѣ думай о смерти — и отъ кого? Отъ начальниковъ, вѣдь намъ все открылъ Богоявленскій!

Другіе кричали: «ступай, ступай съ Богомъ! — счастливъ, что ты не подписался, а то бы и вашему благородію было бы худо; мы знаемъ кого ищемъ!»

Послѣ продолжительнаго увѣщанія я наконецъ сказалъ имъ:

— Если вы забыли долгъ вашъ и вѣрите какимъ-либо злодѣямъ болѣе, нежели мнѣ, то повѣрьте — что за вину вашу получите достойное наказаніе! вспомните, что я, какъ начальникъ вашъ, не желаю ни вамъ, ни себѣ чего либо вреднаго.

Не успѣвъ унять мятежниковъ, я пошелъ къ Бутовичу, который тихо говорилъ съ маіоромъ Султановымъ, пріѣхавшимъ изъ штаба.

Когда я разсказалъ ему о замыслахъ поселянъ, то Султановъ сказалъ: «мнѣ кажется, одно средство остается — ѣхать въ Новгородъ къ генералъ-лейтенанту Эйлеру или къ губернатору, словесно донести о происшествіи и просить распоряженія».

Подполковникъ Бутовичъ изъявилъ на то согласіе, и Султановъ задворками отправился. Вслѣдъ затѣмъ и Бутовичъ, ударя по лошади, шибко поѣхалъ къ ригѣ,

въ которой была расположена 7-я фузелерная рота. Имѣя надежду на эту роту, подполковникъ хотѣлъ съ помощью ея возстановить порядокъ. Командиръ роты поручикъ Забѣлинъ выстроилъ ее въ полной амуниціи — и Бутовичъ, ласково поздоровавшись съ людьми, сказалъ:

— Ребята! я твердо увѣренъ, что вы сохраните честь свою; вы — примѣрная рота.

Солдаты молчали.

Бутовичъ продолжалъ: «вамъ извѣстно, что поселяне, эти глупые и необузданные мужики, сдѣлали тамъ необыкновенный шумъ; я вполнѣ увѣренъ, что вы далеки отъ того, чтобы забыть присягу, вами данную; если поселяне вздумаютъ дѣлать какіе нибудь безпорядки, то позволяю вамъ, для удержанія ихъ отъ буйства, сдѣлать нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ и, сколько возможно, стараться не допускать ихъ до дерзостей *)».

На это изъ фронта отвѣчали ему: «мы не можемъ этого сдѣлать, стрѣляютъ только въ непріятелей». По всему фронту пронесся ропотъ. Бутовичъ, видя ихъ возмущенными, сказалъ: «по крайней мѣрѣ проводите меня въ Штабъ, гдѣ вамъ должно держать караулъ и гдѣ вы будете отъ меня получать винную и мясную порцію!»

Рота въ одинъ голосъ отвѣчала: «намъ не нужна ваша порція, а отпустите изъ ригъ по квартирамъ, а здѣсь еще насъ отравятъ!»

Въ это время многіе изъ бывшихъ тутъ поселянъ, видя намѣреніе Бутовича, начали перемигиваться съ ротою — и одинъ изъ нихъ сказалъ: «какой онъ намъ начальникъ, когда подговариваетъ противъ насъ стрѣ-

*) Объ этихъ словахъ Бутовича—поселяне впослѣдствіи показали при допросахъ слѣдственной коммисіи. *Примѣч. Автора.*

лять! онъ вѣрно подкупленъ, измѣнщикъ; пойдемте, ребята къ товарищамъ».

Придя къ ригѣ, гдѣ было много собравшись народу, выдумали на Бутовича, будто бы онъ 7-й ротѣ сулитъ каждому по сту рублей, что бы въ нихъ стрѣляли и что теперь-де онъ остался тамъ, дабы подговаривать солдатъ противу поселянъ. При этомъ всѣ бывшіе тутъ закричали:

— А когда такъ! пойдемъ же всѣ туда и возьмемъ его!

Съ этими словами поселяне пѣшіе и бывшіе на лошадяхъ верхомъ бросились къ 7-й ротѣ.

4-й поселенной роты рядовые Өедоръ Семеновъ и Куринъ — первые подошли къ подполковнику, стоявшему съ поручикомъ Забѣлинымъ передъ ротою, все еще бывшею во фронтѣ. Поселянинъ Өедоръ Семеновъ былъ сильно пьянъ; приблизясь къ Бутовичу, онъ сказалъ: «здравія желаю вашему высокоблагородію»! и, подойдя еще ближе, прибавилъ: «желаете-ли умереть съ покаяніемъ?» А потомъ, ударивъ его по головѣ, сорвалъ эполеты и закричалъ: «берите его! онъ насъ бы всѣхъ уморилъ и не далъ бы покаянія — вѣдь отъ него у насъ и холера!»

Поручикъ Забѣлинъ выхватилъ у солдата Сверидова ружье и крикнулъ ротѣ: «что жъ вы смотрите, впередъ за мной, колите ихъ мужиковъ!»

Но что онъ могъ сдѣлать одинъ противъ толпы! Ружье тотчасъ у него вырвали, самаго его свалили съ ногъ и начали бить ногами, а потомъ — полагая, что онъ уже мертвъ, — отступили и смотрѣли на него; но онъ, опамятовавшись, поползъ къ ротѣ, которая (вмѣсто того, чтобъ защитить его) отступила назадъ — и изъ фронта мигали поселянамъ, чтобы они взяли его. Поселянинъ Ефимъ Филиповъ подошелъ къ нему и за

ноги перетащилъ черезъ канаву, гдѣ находился и Бутовичъ. Связавъ ихъ возжами отъ его же лошади, запряженной въ кабріолетъ, повели ихъ съ страшнымъ шумомъ большою дорогою.

Между тѣмъ, какъ это происходило у 7-й роты, я былъ оставленъ Бутовичемъ на площади и долго уговаривалъ поселянъ разойтись по домамъ. Наконецъ вижу, что поселяне стали уходить и собираться въ сторонѣ въ большую кучу, которая съ большимъ вниманіемъ слушала разсказъ пришедшихъ изъ 7-й роты. Затѣмъ всѣ тотчасъ бросились туда. Останавливая нѣкоторыхъ, я спрашивалъ: «что это значитъ? куда бѣжите?» Но поселяне, ничего не отвѣчая, торопились къ ригѣ, въ которой была расположена 7-я рота....

Вскорѣ, я увидѣлъ, что по большой дорогѣ отъ множества шедшихъ людей поднимается пыль; въ серединѣ облака пыли вели лошадь, запряженную въ кабріолетъ, а сзади — связанныхъ Бутовича и Забѣлина; гулъ отъ крика толпы далеко раздавался. Вслѣдъ затѣмъ я увидѣлъ бѣгущаго брантмейстера Емельянова; остановивъ его, я спросилъ: «что это значитъ?» Махнувъ рукой съ видомъ отчаянія, Емельяновъ отвѣчалъ: «ведутъ начальниковъ уже избитыхъ».

Говоря откровенно, я рѣшительно потерялся и незналъ, что предпринять. Разсчитывая, что изъ командуемой мною роты нашлось бы много благоразумныхъ поселянъ, съ которыми я бы могъ что нибудь сдѣлать къ водворенію спокойствія — я обратился къ нѣкоторымъ изъ нихъ, попавшимся мнѣ на глаза, и уже не тономъ приказанія, а просьбы убѣждалъ, чтобы они, собравшись, противудѣйствовали убійствамъ; но на всѣ эти убѣжденія мнѣ отвѣчали:

— Что мы сдѣлаемъ противъ цѣлаго баталіона, да и

резервный баталіонъ имъ поможетъ — тогда пропали и мы, и наши семьи; да и вашему благородію лучше скрыться, а то пропадете даромъ, — вишь какъ народъ озлившись!

Я вошелъ въ свою квартиру, чтобы сколь возможно успокоить семейство. — Страшный шумъ на ротной площади привлекъ меня къ окну.

На площади толпа остановилась.

Бутовичъ поднявъ руки, просилъ мятежниковъ усмирится; но мятежники смотрѣли на него кровожадными взорами и, казалось, хотѣли тутъ же растерзать его. Поселянинъ Чебыкинъ первый ударилъ его, за нимъ другіе — и потомъ подполковника и поручика потащили въ ригу. Между тѣмъ на площадь со всѣхъ четырехъ сторонъ скакали верхами поселяне, вооруженные кольями съ насаженными на нихъ штыками, а также съ шворнями въ рукахъ и другимъ оружіемъ. Командиръ 4-й поселенной роты штабсъ-капитанъ Пановъ — увидѣвъ, что его роты поселяне устремились съ работы въ 2-ю поселенную роту, и желая знать причину такого безпорядка,—отправился самъ туда и, догнавъ нѣкоторыхъ, спрашивалъ: «куда и зачѣмъ такъ скачутъ?» Ему на это ничего не отвѣчали. Когда Пановъ подъѣхалъ къ ротѣ, то отъ поселянина Козлятинова узналъ подробно о происшествіи. Соскочивъ съ лошади и пустивъ ее на волю, Пановъ перелѣзъ черезъ заборъ въ ротный садъ, а потомъ черезъ другой заборъ вскочилъ во дворъ и черезъ сѣни вошелъ ко мнѣ въ квартиру. Бросясь ко мнѣ, онъ просилъ, чтобы я гдѣ нибудь его спряталъ. Едва успѣла женщина отвести его въ подвалъ, какъ поселяне его роты, пріѣхавъ верхомъ и сойдя съ лошадей, вошли ко мнѣ и начали требовать его выдачи. Я отвѣчалъ, что не видалъ его, и не знаю гдѣ

онъ находится; но они сказали, что видѣли его какъ онъ перелѣзалъ чрезъ заборъ. Не слушая меня, мятежники начали искать Панова и, найдя, повели на площадь, гдѣ его встрѣтили прочіе поселяне, вышедшіе изъ риги; при этомъ несчастнаго нѣсколько разъ ударили кольями. Вырвавшись изъ рукъ злодѣевъ, Пановъ побѣжалъ отъ нихъ пашнею; но его тотчасъ же поймали, повалили и начали опять бить кольями. Поселянинъ его роты, Куринъ, зайдя къ нему съ головы, сказалъ:

— «Ты самъ изъ нашего происхожденія, а также вздумалъ травить насъ!» при этомъ ударивъ его шворнемъ по лицу, Куринъ прибавилъ: «сохи и бороны не смазаны известью!»

Пановъ упалъ безъ чувствъ; его потащили въ ригу.

Въ это время пришла ко мнѣ штабсъ-капитанша Ганеманъ просить, чтобы я далъ ей пожарную лошадь съѣздить въ 1-ю поселенную роту, къ зятю своему капитану Саурскому; но всѣ лошади были захвачены поселянами, а потому и просьбу ея удовлетворить не было возможности. Она задворками пошла по направленію къ 1-й поселенной ротѣ, но, не доходя еще ее, встрѣтила своего зятя: его везли въ телѣгѣ и осыпали побоями.

Между тѣмъ, въ ригѣ неистовые мятежники, упившись кровію, а наиболѣе 4-я поселенная рота въ изступленіи кричала: «когда уже пошло на то, такъ лучше ровно всѣмъ отвѣчать! мы убили своего командира, пусть и прочія роты ведутъ сюда своихъ начальниковъ!»

Въ это время моя рота, твердо защищая меня, не позволяла поселянамъ прочихъ ротъ ворваться ко мнѣ на квартиру; когда же и прочія роты поѣхали искать

своихъ начальниковъ, крича съ адскою злобою: «всѣхъ, всѣхъ должно здѣсь положить, чтобъ и съ корнемъ вонъ», то ко мнѣ явились моей роты многіе унтеръ-офицеры и поселяне, и говорили: «спасайтесь, прочія роты кричатъ и непремѣнно требуютъ вашей выдачи; лучше остерегитесь, спрячтесь куда нибудь, а мы скажемъ, что вы уѣхали въ Новгородъ!»

Я воспротивился ихъ предложенію, мнѣ казалось постыднымъ прятатся отъ опасности; но встревоженное семейство и поселяне увлекли меня съ квартиры: меня заперли съ семьей въ сараѣ, чрезъ пять дворовъ отъ моей квартиры, въ домѣ подъ № 72, у поселянина Ивана Онисимова.

Въ отсутствіе мое дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Инженеръ-подполковникъ Николай Ивановичъ Панаевъ, находясь въ округѣ при производствѣ разныхъ работъ, видя въ штабѣ всюду смущеніе и страхъ (офицеры и семейства ихъ искали, куда бы укрыться отъ неистовства поселянъ; впрочемъ, онъ и самъ былъ человѣкъ семейный) и какъ непринадлежащій къ нашему полку офицеръ, рѣшился ѣхать во 2-ю поселенную роту. Придумывая средства къ прекращенію безпорядковъ на площади, Панаевъ всталъ съ дрожекъ, и, перекрестясь, пошелъ прямо къ бунтовавшимъ поселянамъ. Дѣлая видъ, что ни о чемъ не знаетъ, Панаевъ сталъ спрашивать поселянъ: «что вы братцы тутъ дѣлаете? зачѣмъ собрались и гдѣ подполковникъ Бутовичъ?»

Многіе, совсѣмъ его не зная, стали разсказывать объ отравѣ; соглашаясь съ ихъ мнѣніемъ, Панаевъ попросилъ у нихъ позволенія войти въ ригу; иные, подозрительно поглядывая на него, отвѣчали: «ступай, да смотри—оттуда трудно выйти». Бывшіе здѣсь унтеръ-

офицеры, узнавъ Панаева, вошли съ нимъ въ ригу. Въ то время Бутовичъ былъ почти уже при концѣ жизни и лежалъ, прислонясь къ стѣнѣ. Богоявленскій лежалъ возлѣ него, но уже разтерзанный. Далѣе видѣнъ былъ Пановъ опрокинутый лицомъ къ землѣ; съ него текла кровь. Одинъ Забѣлинъ, въ забытьи, взбирался на стѣну и, будучи еще въ силахъ, чтобъ держатся на ногахъ, — ничего вокругъ себя не видя, весь въ ранахъ, поправляя волосы, — извергалъ бранныя слова на поселянъ, которые, смѣясь сему, подставляли ему зеркало и просили его посмотрѣть на себя. Бутовичъ, увидя Панаева, сказалъ: «вотъ какъ насъ здѣсь мучаютъ, заступитесь Николай Ивановичъ!»

Но Панаевъ ему отвѣчалъ: «вѣдь я сколько разъ говорилъ вамъ, что распоряженія ваши бѣды вамъ надѣлаютъ», и, обратясь къ унтеръ-офицерамъ, просилъ ихъ, чтобы позволили, по крайней мѣрѣ, послать за священникомъ причастить Бутовича и исповѣдать.

Услыша это, поселяне закричали на Панаева:

— «А ты что тутъ пришелъ? не заступаться ли за него хочешь? Мы и тебя тутъ угостимъ!» — Но унтеръ-офицеры стали ихъ унимать и вывели вслѣдъ затѣмъ Панаева изъ риги. Поселяне кричали ему вслѣдъ: «эдакъ, пожалуй, будетъ уговаривать, да и освободятъ ихъ; — тогда всѣмъ бѣда будетъ!»

При этомъ поселяне, Павелъ Макаровъ и Куринъ, стали добивать несчастныхъ желѣзомъ по головамъ. Макаровъ кричалъ всѣмъ: «бейте до смерти, я одинъ за все буду отвѣчать» и, такимъ образомъ, умертвили всѣхъ.

Въ то время привезли капитановъ Саурскаго и штабсъ-капитана Занозина; перваго, стащивъ съ телѣги, ударили объ мостовую, а потомъ били кольями —

и уже мертваго стащили въ ригу; а Занозинъ, ставъ на колѣни, приносилъ имъ всевозможныя увѣренія въ своей невинности — и поселяне, ударивъ его раза два, по просьбѣ Панаева, отпустили; потомъ бросились всѣ на встрѣчу къ Соколову, который, разговаривая въ своей ротѣ съ пріѣхавшимъ изъ Новгорода маіоромъ Султановымъ, шелъ по дорогѣ. Маіору Султанову поручено было начальствомъ собрать резервный баталіонъ, окружить имъ Волитовскій госпиталь и стараться посредствомъ этого баталіона удержать поселянъ отъ буйства. Соколовъ говорилъ ему:

— Что вы полагаетесь на резервъ? посмотрите, что дѣлается во 2-й ротѣ!

— Ничего не смѣютъ сдѣлать, отвѣчалъ Султановъ: — я самъ сейчасъ туда отправлюсь; что за бѣда, хоть и ударятъ разъ по шапкѣ!

Съ этими словами маіоръ вышелъ распорядиться находящеюся тутъ 8-ю фузелерною ротою. Соколовъ же вошелъ въ свою квартиру. Вслѣдъ за нимъ вошли къ нему нѣсколько поселянъ его же роты и велѣли ему за ними слѣдовать; затѣмъ, насильно вытаща, стали его бить кольями до тѣхъ поръ, пока онъ не упалъ; тогда, навязавъ ему веревку на шею и посадя на лошадь, съ такимъ позоромъ, большою дорогою, препроводили во 2-ю поселенную роту. Дойдя до роковой риги, поселяне заспорили: одни хотѣли взять его на гауптвахту, другіе съ яростію кричали: «сворачивай въ ригу, пусть съ прочими лежитъ тамъ спокойно». При этомъ Панаевъ убѣдительнѣйше просилъ поселянъ оставить Соколова живымъ.

— Послушайте меня, говорилъ инженеръ-подполковникъ: — вѣдь надобно же кого нибудь изъ нихъ оставить для отвѣта, его будутъ судить!

При этомъ, показывая строгій видъ Соколову, Панаевъ продолжалъ: «если ты окажешся виновнымъ, то тебя будутъ какъ чудовище возить въ желѣзной клѣткѣ!» Нѣкоторые изъ поселянъ, опомнясь, стали соглашаться съ Панаевымъ; такимъ образомъ, поселяне Михаилъ Моргуновъ и Фролъ Елисѣевъ, которыхъ Соколовъ упрашивалъ о защитѣ, вырвавъ его изъ рукъ убійцъ, повели на ротный дворъ и спрятали тамъ у каптенармуса; поселяне его роты, не зная о томъ, нѣсколько разъ подходили къ дому, гдѣ Соколовъ лежалъ подъ койкой, искали его и обѣщали непремѣнно убить, — но, не находя его, все больше и больше озлоблялись. — Между тѣмъ Соколовъ, слыша угрозы, полагалъ себя въ большой опасности и просилъ жену каптенармуса выпустить его вонъ; та долго его удерживала, наконецъ должна была исполнить его волю. Соколовъ побѣжалъ задворками и, бросившись къ кучѣ бревенъ, спрятался въ нихъ; несчастный думалъ, что его никто не видѣлъ, но маленькій кантонистъ сейчасъ же его открылъ: Соколова взяли во второй разъ, и стали осыпать ударами еще съ большею жестокостью, чѣмъ прежде. При этомъ злодѣи хотѣли протащить его въ ригу; Панаевъ однако, собравъ около себя толпу поселянъ, не потерявшихъ еще разсудокъ, сталъ говорить имъ, что выйдутъ худыя послѣдствія, если они убьютъ Соколова и прочихъ, — что въ горячности они поступаютъ не похристіански и гнусными поступками подвергаютъ себя и товарищей строгой отвѣтственности.

Внимая этимъ словамъ, поселяне стали уговаривать другъ друга и вырвали Соколова изъ неминуемой смерти. Соколову связали руки, которыя находившійся тутъ кантонистъ Филатовъ тихонько развязалъ, и затѣмъ отвели на гауптвахту.

Тогда какъ это происходило здѣсь, въ 3-й ротѣ поселянами былъ пойманъ маіоръ Султановъ, распоряжавшійся усмиреніемъ мятежа. Схватя его, поселяне допрашивали: зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Новгородъ? а потомъ связали и вмѣстѣ съ ветеринаромъ — на котораго имѣли подозрѣніе, что онъ моритъ скотъ, — посадя обоихъ въ телѣгу, повезли во 2-ю роту, говоря дорогою:

— Вѣрно Султановъ ѣздилъ доносить на насъ начальству,—а у этого бездѣльника (то есть ветеринара) мы отыскали полный шкафъ яду (т. е. лекарствъ); отъ него у насъ и была такая зараза на скотъ....

Этихъ несчастныхъ привезли во 2-ю роту въ то время, когда во второй разъ нашли Соколова, около котораго собравшійся народъ буйствовалъ. Услыша, что везутъ Султанова и ветеринара, отчаянные злодѣи изъ толпы встрѣтили ихъ дикими криками:

— Вставайте-ка дружки, вотъ мы потѣшимся надъ вами! — потомъ стали обыскивать ихъ карманы, и втаща въ ригу, повалили возлѣ убитыхъ; затѣмъ несчастныхъ начали, допрашивая, бить чѣмъ ни попало по груди, по лицу и животу и лишили жизни.

Такимъ образомъ, въ ригѣ лежали убитыми: два штабъ-офицера, штабъ-лекарь, три ротныхъ командира и ветеринаръ.

Убійство Султанова и ветеринара происходило въ то время, какъ резервный баталіонъ, въ полной походной амуниціи, входилъ на площадь 2-й поселенной роты, для усмиренія мятежниковъ.

Здѣсь кстати упомянуть, въ какомъ нравственномъ состояніи былъ резервный баталіонъ. По приказанію маіора Султанова, весь резервный баталіонъ долженъ былъ окружить госпиталь и собраться ко 2-й поселенной ротѣ, около которой находившаяся 7 фузелерная

рота учавствовала за одно съ поселянами въ бунтѣ. 8-я фузелерная рота, собравшаяся у госпиталя, долго ожидала особыхъ приказаній и колебалась идти — куда слѣдовало; 9-я фузелерная рота пособляла въ возмущеніи поселянамъ; 3-я гренадерская, будучи въ такомъ же настроеніи духа, первая прошла прежде въ штабъ, а потомъ остановилась у моста 2-й поселенной роты. Въ это время везли тѣло поручика Синявскаго, умершаго холерою; подойдя ближе и узнавъ, что происходило на площади, вся похоронная процессія разсыпалась — и остальные, весьма не многіе изъ участниковъ въ церемоніи препроводили тѣло задворками на кладбище.

Командиръ 3-й гренадерской роты, поручикъ Чернцовъ говорилъ своему батаЛіонному командиру Баллашу, что нечего имъ дожидать прочихъ ротъ, — что въ ихъ глазахъ происходятъ убійства; но тотъ отвѣчалъ: «не ваше дѣло, надо подождать». Въ это время изъ фронта кричали «ура»; потомъ, одна за другою, роты начали соединяться съ мятежниками — и, такимъ образомъ, на ихъ сторону перешелъ весь резервный баталіонъ. И вотъ 3-я гренадерская рота, взойдя первою на площадь, встрѣтила Соколова, вытащеннаго изъ бревенъ; тотъ бросился было къ нимъ въ ряды; но барабанщикъ, оттолкнулъ его отъ себя, сказавъ: «это не наше дѣло» и отдали его на жертву поселянамъ.

Изъ другихъ воротъ 9-я фузелерная рота едва вступила на площадь, какъ 4-й поселенной роты поселянинъ Колесовъ подъѣхавъ на лошади къ фронту этой роты, схватилъ за галстухъ командира ея, штабсъ-капитана Ганемана, и на лету потащилъ въ ригу; фельдфебель и прочіе закричали поселянину въ слѣдъ: «постой, постой не тронь его, отдай прежде находящіяся при немъ наши артельныя деньги» — и Колесовъ съ

досадою выпустилъ добычу изъ рукъ. Другіе поселяне вырвали у Ганемана полусаблю, сбили съ головы киверъ и швыряли его ногами, потомъ подъѣзжали къ резервному баталіону и спрашивали: хороши ли ихъ начальники и убить ли того или другаго? Г. Панаевъ, получа отъ многихъ поселянъ довѣріе, уговорилъ ихъ взять Ганемана на гаубтвахту. Въ то время, какъ инженеръ-подполковникъ съ истиннымъ героизмомъ, ходилъ по площади отъ поселянъ къ резерву и обратно, уговаривая ихъ возстановить спокойствіе и тишину, — нѣкоторые изъ злодѣевъ, отойдя къ сторонѣ, стали сговариваться въ заключеніе дня положить и Панаева. Подойдя къ нему мятежники стали ругать его за то, что онъ уговариваетъ оставлять въ живыхъ пачальниковъ; при этомъ одинъ изъ поселянъ ударилъ его по затылку; но Панаевъ сказалъ имъ:

— Постойте ребята! посмотрите, я уже сѣдъ и послужилъ довольно царю моему: каждый волосъ мой принадлежитъ ему; хотя васъ много и вы можете дѣлать мнѣ дерзости, но вспомните — что вы дѣлаете? Знайте, что государь меня лично знаетъ; я вмѣстѣ съ нимъ росъ и воспитывался,—неужели изъ васъ сыщется кто нибудь, кто рѣшится пролить невинную кровь, за которую будете отвѣчать и въ этой и въ будущей жизни? Богъ хранилъ меня отъ пуль и ядеръ враговъ отечества;—слава Богу, у насъ еще существуютъ законы; на нихъ лежитъ право обвинять и оправдывать. Опомнитесь, ребята! — и послушайте меня старика; я могу еще вамъ быть полезенъ!

Подобными убѣжденіями многіе были тронуты и притомъ, уже упившись местію, съ своей стороны, также стали подумывать о послѣдствіяхъ своихъ пре-

ступленій, а потому и сказали Понаеву: «хорошо, когда такъ, будь ты нашъ начальникъ,—тебя мы готовы слушать!» и стали унимать другъ друга.

Начинало темнѣть.

Въ это время изъ Новгорода ѣхалъ полковой священникъ Лавръ Смѣлковъ. Еще дорогою слыша о происшествіи, онъ тихо подвигался впередъ; назадъ воротится было нельзя, а потому онъ и рѣшился ѣхать прямо къ собравшимся и ожидающимъ его поселянамъ. Тѣ стали его спрашивать:

— Откуда, батька, ѣдешъ?

Священникъ отвѣчалъ: «по собственной надобности пробывъ въ Новгородѣ, запоздалъ и спѣшу исполнить нужныя требы».

— Ну, это еще не большая нужда, стали говорить поселяне: — вылезай изъ телѣги-то, намъ нужно съ тобой поговорить и посовѣтываться, а то вѣдь и насильно высадимъ! Посмотри, сколько тутъ покойниковъ, и посовѣтуй намъ: слѣдуетъ ли ихъ хоронить по христіански?

Другіе говорили ему: «никакъ и ты, батька, говорятъ, что подписался на холеру,—и за одно съ ними вздумалъ насъ морить? покажи-ка намъ, что ты везешь изъ города — не ядъ ли? Ну, поскорѣй, а не то вѣдь»…. и при этомъ поселяне показали ему колъ.

Отецъ Лавръ сталъ бунтовщиковъ усовѣщевать, грозить имъ, что на страшномъ судѣ дадутъ они великій отвѣтъ; но видя, что его вовсе не слушаютъ и шарятъ руками въ телѣгѣ,—отыскивая ядъ,—ударилъ что есть мочи, по лошади. «Держи! держи!» закричали ему вслѣдъ. Поселяне, шедшіе по дорогѣ, стали кидать въ отца Лавра вилами и косами, а поселянинъ 4-й роты Колесовъ, догоняя, пересѣкъ ему дорогу.

Лошадь, испугавшись кинулась въ сторону, опрокинула телѣгу и отецъ Лавръ зашибъ себѣ руку *).

Поселяне, подбѣжавъ, схватили отца Лавра за бороду и повели назадъ къ ригѣ, сопровождая конвоемъ съ кольями;—встрѣчные поселяне осыпали священника всевозможными ругательствами.

— «Вотъ и видно, что виноватъ, говорили они между прочимъ—зачѣмъ ты навострилъ лыжи? какой ты попъ, вотъ ужо мы тебя, бездѣльника, проучимъ!»

Идущая уже съ площади 3-я гренадерская рота, смѣясь, кричала:

— Дѣльно, давно-бы ему надо вырвать бороду!

Г. Панаевъ началъ опять останавливать мятежниковъ въ дерзостяхъ, потомъ, обращаясь къ священнику, сказалъ: «что вы выдумали дѣлать? Знаете, что за это васъ растригутъ! Ребята! вы обѣщали меня слушать, такъ усердно прошу васъ: оставьте его, и посадите на гаубтвахту; ему и безъ того будетъ весьма худо; я обо всемъ лично донесу государю и удостовѣряю васъ, что ихъ засудятъ — и они будутъ самые несчастные!

Съ этими словами Панаевъ тутъ же приказалъ отцу Лавру взять образъ и благословить народъ; на гауптвахтѣ нашли ветхій ликъ пророка Иліи, восходящаго на небо, подали священнику — и онъ, прочитавъ какую-то молитву, благословилъ народъ.

Послѣ этого утихло. Поселяне закричали:

— Шабашъ! не будемъ больше шумѣть, ребята, — по домамъ!

Панаевъ сталъ уже отдавать приказанія резервно-

---

*) Священникъ П. В. Воиновъ — говоритъ, что Лавру Смѣлкову поселяне переломили руку. (См. ниже разсказъ свящ. Воинова о бунтѣ воен. посел.).

му баталіону идти въ штабъ, но поселяне воспротивились этому, говоря: «пусть, съ Богомъ, идутъ на квартиры; имъ и такъ надоѣло стоять по ригамъ!»

Затѣмъ общимъ совѣтомъ утвердивъ своимъ начальникомъ Панаева, поселяне начали расходиться съ площади по домамъ. Въ ригу къ покойникамъ и къ гаубтвахтѣ, гдѣ содержалось довольное число лицъ, мятежники приставили, недовѣряя резерву, караулъ отъ себя, вооруженный, за неимѣніемъ ружей, дрекольями — и этимъ окончился кровавый день 16 іюля 1831 года.

III.

Посылка депутатовъ къ государю. — Продолженіе волненій. — Подписка въ повиновеніи выборному начальнику. — Новые аресты мнимыхъ отравителей. — Допросъ капитана Соколова у труповъ его товарищей.

17 и 18 Іюля 1831 года.

Запертый въ сараѣ съ семействомъ и не имѣя возможности выбраться оттуда, я ежеминутно ожидалъ прихода поселянъ; изъ говора проходившихъ я узнавалъ о смерти того или другаго изъ товарищей. Между тѣмъ совершенно уже стемнѣло. Вдругъ услыхалъ я шаги большаго числа людей. Признаюсь, кровь бросилась въ голову. Я намѣревался дорого продать свою жизнь. Семейство, встревоженное приближеніемъ поселянъ, разразилось рыданіями.

Вскорѣ послышались знакомые голоса:

— Не бойтесь, ваше благородіе, это мы.

Отперли дверь и ко мнѣ вошли унтеръ-офицеры Авдѣй Михайловъ и Ларіонъ Булатовъ съ другими поселянами.

— Ступайте теперь домой! сказали мнѣ вошедшіе:— слава Богу, что остались живы; тутъ Богъ знаетъ, что происходило; теперь не опасайтесь, никто васъ не тронетъ, а то здѣсь вамъ быть хуже: подумаютъ, что вы спрятались оттого, что виноваты.

Такимъ образомъ, совершенно успокоившись, я пришелъ на квартиру и остался въ тишинѣ и безопасности.

Въ ту же ночь поселяне, выбравъ отъ себя депутатовъ, по два отъ каждой роты, и отдавъ имъ пойманныхъ унтеръ-офицера шоссейнаго и женщину, — на почтовыхъ лошадяхъ отправили ихъ въ С.-Петербургъ съ просьбою къ императору на начальниковъ и съ запискою, вынужденною у доктора Богоявленскаго.

Рано утромъ, 17 Іюля 1831 года, поселяне одинъ по одному, стали собираться на площадь; собрались въ кружокъ и стали толковать сначало тихо, но когда набралось ихъ много, то начали шумѣть и, спустя нѣкоторое время, привели солдатку Сыропятову и поселянина Дмитрія Комкова; обоихъ связавъ, били и втолкнули на гауптвахту.

Пришедшій ко мнѣ поселянинъ Моргуновъ разсказывалъ, что Сыропятову долго искали и нашли спрятанною подъ койкою: «а взяли за то, что она часто ходила къ вамъ на кухню, то и думаютъ, что была подкуплена вами кидать въ колодцы ядъ; Комковъ же взятъ за тоже, да сверхъ того онъ замѣченъ въ чародѣйствѣ».

— «Да и про васъ что-то худо говорятъ»—доносилъ Моргуновъ — и при этомъ разсказалъ, какъ онъ находился ночью на часахъ при убитыхъ въ ригѣ; всѣ они были черны какъ уголь—и въ ригѣ отъ ихъ тѣлъ уже сдѣлался дурной воздухъ; кто-то изъ нихъ ночью оч-

нулся и сталъ приподыматься, но его тутъ же добили. Моргуновъ впрочемъ не зналъ, кто именно было очнулся: Саурскій или Богоявленскій; «но теперь всѣ они лежатъ, уже окоченѣвши, въ запекшейся крови, такъ что никого нельзя узнать».

Таковыя вѣсти привели меня въ содроганіе.

Наканунѣ роковаго дня Саурскій бывши на имянинахъ баталіоннаго командира, такъ весело распѣвалъ, акомпанируя на фортепіянахъ,—и на другой день его не стало! Завѣривъ, что меня никто не тронетъ, поселянинъ ушелъ.

Я сѣлъ подъ окно и сталъ вслушиваться въ рѣчи довольно громко разговаривавшихъ поселянъ. Почти всѣ унтеръ-офицеры и поселяне моей роты кричали нѣкоторымъ злодѣямъ, возстававшимъ противъ меня:

— Что вы, и сегодня хотите затѣвать такую же кутерьму? что вамъ сдѣлалъ нашъ капитанъ? Вѣдь глаза у васъ, какъ у быковъ, налились кровью!

Тѣ отвѣчали: «видно вы за одно съ капитаномъ—крупу дѣлите; да погодите, ужо соберутся прочія роты, то насильно вытащимъ его! Что онъ за святой поглядываетъ въ окошко, небось замѣчаетъ за нами;—вотъ дураки то, кабы угомонили ихъ всѣхъ, такъ дѣло-то вѣрнѣе было; а то, посмотрите, бѣда будетъ—всѣмъ достанется!

Тутъ однако недали имъ долго говорить: злодѣевъ уняли и даже пристыдили; тогда тѣ дали рѣчамъ своимъ другой оборотъ. «Капитану—говорили они—гораздо безопаснѣе находиться на гауптвахтѣ, чѣмъ на квартирѣ». Съ этимъ многіе изъ поселянъ стали уже и соглашаться. Услыша эти слова, семейство мое встревожилось—и я, опасаясь, чтобы ко мнѣ не ворвались на квартиру, рѣшился самъ выйти на площадь и пошелъ

на встрѣчу злодѣямъ. Увидя меня, всѣ приблизились— и я спросилъ ихъ: «о чемъ вы такъ спорили? если вы считаете меня виновнымъ, то объясните: я вѣдь тутъ на лицо—и прежде нежели кто либо изъ васъ рѣшится сдѣлать мнѣ дерзость, пусть скажетъ, что я сдѣлалъ дурнаго противъ кого либо изъ васъ»?

Всѣ молчали, потомъ нѣкоторые заговорили:

— Мы васъ ни въ чемъ не винимъ и знаемъ, что вы имѣете простую душу; но хотимъ обезпокоить вопросомъ: какая у васъ была подписка на холеру? Намъ священника Лавра жена открыла, что Бутовичъ пріѣзжалъ къ нимъ ночью, вошелъ черезъ окно и, вынувъ саблю, принуждалъ его подписаться на холеру и въ Ильинъ день отравить всѣхъ виномъ; да вотъ въ 1-й поселенной ротѣ нашли въ колодцѣ записку Саурскаго, сколько въ него положено яду; да и писарь Штоцъ признался, что и весь провіантъ въ магазинѣ отравленъ, — то мы просимъ васъ, если вы что знаете, раскройте намъ о такомъ умыслѣ и скажите: въ какихъ колодцахъ брошенъ ядъ? Будьте увѣрены, что пальцемъ васъ никто не тронетъ.

Я отвѣчалъ имъ: «постойте, дайте мнѣ вамъ сказать: если вы полагаете, что у меня въ квартирѣ есть ядъ, то позволяю вамъ осмотрѣть ее,—а если не найдете?»

Всѣ заговорили: «мы были вами всегда довольны!»

Я продолжалъ: «и такъ, если вы имѣете какое либо ко мнѣ довѣріе, то клянусь вамъ, что ничего, ни о какой отравѣ, ни отъ кого не слышалъ, да и съ какою цѣлію была бы подписка отравить васъ? не было бы подчиненныхъ, не было бы нужды и въ начальникахъ».

Тутъ изъ толпы отвѣчалъ кто-то: «мы видимъ, что вамъ ничего неизвѣстно; намъ и Богоявленскій сказалъ,

что васъ опасались, такъ какъ, по добродушію, вы все открыли бы».

При этомъ прочіе поселяне прибавили: «смотрите, остерегитесь отъ прочихъ ротъ, не выходите; мы васъ не выпустимъ изъ дому; — вѣдь много добрыхъ, много и злыхъ; за вами примѣчаютъ».

Хотя за тѣмъ я и говорилъ поселянамъ, что они за легковѣріе и буйство раскаются; но видно было, что этими словами они были недовольны. Я благополучно возвратился на квартиру. Между тѣмъ, изъ прочихъ ротъ собралось множество поселянъ; подходили они къ гауптвахтѣ ротной, въ которой находились подъ арестомъ: полковой священникъ, капитанъ Соколовъ, штабсъ-капитанъ Ганеманъ, фельдшеръ Черепановъ, поселянинъ Комковъ, деньщикъ штабсъ-капитана Саурскаго, солдатка Сыропятова, фельдфебель 2-й поселенной роты, учитель школы Тарковъ и два кантониста. Всѣ они помѣщались въ маленькой кордегардіи весьма тѣсно; караулъ занимали поселяне, каждый изъ часовыхъ вмѣсто ружья имѣлъ дубинку. Пошумя, поселяне разошлись къ вечеру по домамъ *).

*) Дѣло не обошлось въ тотъ день такъ мирно: въ десять часовъ утра 17-го іюля 1831 г., поселяне этого полка большою толпою устремились за Волховъ въ сосѣдній округъ — короля Прусскаго полка. Здѣсь прежде всего они возмутили резервную роту этого полка, а затѣмъ и весь полкъ. Въ этомъ округѣ, какъ и въ предъидущемъ повторилась одна и таже трагедія: арестъ ротныхъ командировъ, затѣмъ баталіоннаго; но къ этому присоединился грабежъ офицерскихъ квартиръ и пьянство. Въ самую полночь на 18-е іюля, мятежники Прусскаго полка казнили на площади четырехъ изъ арестованныхъ ими лицъ: маіора Яцковскаго, капитана Дасаева, штабсъ-капитана Денисова и аптекарскаго ученика. — Любопытно, что и въ этомъ округѣ инженерный офицеръ—капитанъ Костеровъ — избранъ былъ поселянами въ начальники, что не мѣшало впрочемъ подчиненнымъ безпрестанно грозить ему смертью (См. ниже разсказъ священника этого округа Воинова). *Примѣч. издат.*

А въ штабѣ подполковникъ Панаевъ, собравъ отъ роты по два депутата, дѣлалъ свои распоряженія и требовалъ отъ поселянъ подписки въ повиновеніи къ его приказаніямъ.

Послѣ того стали повѣрять комитетскую сумму и не досчитались 10,000 руб. ассиг. по неизвѣстной никому причинѣ, ибо сумма находилась у жены покойнаго подполковника Бутовича, которая передала ее для сбереженія штабсъ-капитану Носову — въ запертой шкатулкѣ, отъ которой, при ревизованіи денегъ, потеряли ключь; насъ же, настоящихъ членовъ комитета, меня и капитана Соколова, не пригласили,—неизвѣстно по какой причинѣ — къ повѣркѣ суммы; повѣривъ ее дали въ каждую роту вѣдомость, сколько оказалось денегъ; а потомъ со взводомъ, при барабанномъ боѣ, денежный ящикъ, грамоту императора и знамена препроводили въ квартиру г. Панаева.

18-го іюля утромъ происходило тоже, что было и наканунѣ: собираясь на площади, поселяне кричали и отыскивали вездѣ ядъ, и совѣтывались какимъ образомъ поступить съ оставшимися офицерами? 4-я поселенная рота толпою пришла въ штабъ; здѣсь отыскали и поймали многихъ офицеровъ, и посадили ихъ на полковую гауптвахту. А именно: маіора Кутузова, лекаря Гутникова, аудитора Симкова, аптекаря Ропальда и полиціймейстера Парфенова. Поймали писаря Штоца, надѣли на него петлю и потомъ привязали къ хвосту лошади; испугавшаяся лошадь протащила его по землѣ значительное разстояніе; но ловкостію своею и присутствіемъ духа писарь спасся отъ смерти, при чемъ впрочемъ помогли ему и нѣкоторые изъ поселянъ находившіеся въ штабѣ. Такъ прошелъ третій день буйствъ. Онъ заключенъ былъ тѣмъ, что взяли съ гаупт-

вахты полуживаго капитана Соколова (почти одной его роты унтеръ-офицеры) и повели, подъ большимъ конвоемъ, въ ригу къ покойникамъ; положивъ его возлѣ мертвыхъ, несчастному стали угрожать, что если онъ не признается въ подпискѣ и отравленіи ихъ ядомъ, то его тутъ же умертвятъ. Къ счастію, Соколовъ былъ предупрежденъ поселяниномъ моей роты Савиномъ Аверьяновымъ и другими, что его сговорились только постращать, но не убивать. По этому Соколовъ твердо отвѣчалъ допрощикамъ, что ни какой подписки на отраву не было, и клялся имъ въ своей невинности. Унтеръ-офицеры сказали только «вставай» и повели Соколова чрезъ площадь, обратно на гауптвахту, говоря, что на другой день и прочихъ, такимъ же образомъ, будутъ допрашивать, что и исполнили *).

IV.

Новыя истязанія арестованныхъ. — Уборка труповъ изъ риги.—Погребеніе замученныхъ. — Показаніе священника о подпискѣ начальниковъ на холеру.—Волненіе поселянъ противъ выборнаго начальства.—Попытка штурмовать штабъ.—Осмотръ бумагъ о холерѣ. — Злодѣйскій умыселъ.

19 и 20 Іюля 1831 года.

19-го іюля, кромѣ офицеровъ, передопросили съизнова всѣхъ арестованныхъ. Допросъ сопровождался же-

*) Между тѣмъ въ сосѣднемъ округѣ короля Прусскаго полка въ тотъ день, 18-го іюля, выбрали восемь депутатовъ къ Государю (ихъ тогда же и отправили въ Царское Село). Затѣмъ, истязывали розгами и палками арестованныхъ служащихъ. Истязанія производились на площади, отъ имени батальона. Въ ночь на 19-е іюля поселяне уже этого полка повалили въ округъ графа Аракчеева полка; возбудили здѣсь въ свою очередь мятежъ и приняли участіе въ кровавой расправѣ. 19-го іюля послѣ обѣдни (то былъ воскресный день) поселяне Прусскаго полка совершили еще нѣсколько звѣрскихъ убійствъ и подняли полкъ Наслѣднаго принца прусскаго. (См. ниже разсказъ III-й). *Примѣч. издат.*

стокимъ наказаніемъ розгами; несчастные однако твердо стояли въ своемъ словѣ, что ничего не знаютъ; тогда, кромѣ Соколова и солдатки Сыропятовой, всѣхъ повели въ ригу; здѣсь стояли двое зимнихъ дровней, запряженныхъ пожарными лошадьми. Войдя въ ригу, поселяне стали опять спрашивать арестованныхъ, — причемъ, не стѣсняясь, при трупахъ, осыпали несчастныхъ бранью. Сами не смѣя брать убитыхъ, поселяне принуждали приведенныхъ выносить тѣла изъ риги.

Вотъ сцена! Окоченѣвшіе члены—въ томъ самомъ положеніи, какъ были при послѣднихъ минутахъ,—волочились по землѣ. Всѣ говорили, что подполковникъ Бутовичъ имѣлъ видъ спокойнѣе прочихъ.

— «Ну, что же вы пришли, стоять что ли!» прикрикнулъ на арестованныхъ одинъ поселянинъ и притомъ сталъ подвигать къ нимъ обезображенные трупы офицеровъ; съ нихъ и одежда была уже почти разграблена. Такимъ образомъ, кое-какъ помѣстивши четыре трупа на однѣ дровни, а три — на другія, убійцы поволокли свои жертвы лѣтнимъ путемъ на дровняхъ; спустившіеся члены волоклись по землѣ. Отведя своихъ арестантовъ на гауптвахту, поселяне взяли отца Лавра и насильно повели его на кладбище.

Не входя въ церковь, поселяне кое-какъ побросали трупы въ двѣ приготовленныя рядомъ могилы: въ одну—четырехъ, въ другую—трехъ. Послѣ того одинъ старикъ сталъ ихъ въ ямѣ поправлять; между тѣмъ сверху кричали: «клади ихъ по чинамъ, старшаго подъ низъ».

Отецъ Лавръ, облачась, началъ службу, по окончаніи которой поселянинъ Николай Сорокинъ, подойдя къ нему, сказалъ: «стань теперь самъ на край могилъ и признавайся, а не то живаго положимъ подъ самый низъ покойниковъ!»

Отецъ Лавръ, испугавшись такой угрозы, сталъ на колѣни и сначала усовѣщевалъ, а потомъ нашелся вынужденнымъ сказать имъ, что точно была подписка объ отравѣ,—что подписались тѣ самые, которые лежатъ въ могилѣ и,—по требованію поселянъ—далъ какую-то записку *). Тогда обрадовавшись вынужденному признанію, бунтовщики стали зарывать могилы и съ торжествомъ явились на площадь.

Въ то время пришелъ ко мнѣ старикъ, неслужащій инвалидъ Михайло Мартемьяновъ—тотъ самый, который въ ямѣ укладывалъ убитыхъ. Поглаживая сѣдую бороду, онъ, съ видомъ показывающимъ желаніе что либо вывѣдать, сказалъ:

— Здравствуйте, ваше благородіе, похоронили мы сейчасъ покойниковъ; ну, ужъ какія были страсти!

Разсказавъ о похоронахъ, онъ прибавилъ: «а вѣдь отецъ-то Лавръ сознался, что точно была подписка». При этомъ Мартемьяновъ пристально смотрѣлъ мнѣ въ лицо.

Я его спросилъ, не смутясь: «какая подписка?»

— Да не бойтесь ничего, спрашивали и о васъ, кричали отцу Лавру: «не подписался ли капитанъ, мы его сейчасъ разорвемъ»; но онъ сказалъ, что твоего благородія фамиліи подписано не было, но кромѣ васъ,— всѣ виноваты!

Видя меня встревоженнымъ этими словами, онъ прибавилъ: «небось, тебя не зачто обидѣть» — и потомъ, чрезъ нѣсколько времени, ушелъ.

---

*) Священникъ П. В. Воиновъ въ своемъ разсказѣ (см. ниже № III). о событіяхъ 1831 года увѣряетъ, очевидно со словъ самаго же отца Лавра Смѣлкова, что этотъ послѣдній встрѣтилъ угрозу поселянъ—быть заживо погребеннымъ — съ большою твердостью духа.
Примѣч. издат.

Поселяне, собравшіеся у гауптвахты, долго о чемъ то спорили съ отцемъ Лавромъ и, составивъ совѣтъ изъ избранныхъ умниковъ, пошли въ ротный комитетъ сочинять жалобу на начальниковъ; изъ офицеровъ при этомъ находился, равно какъ и въ прошедшіе дни, избавленный ими отъ смерти штабсъ-капитанъ Занозинъ. Будучи изъ сдаточныхъ, этотъ офицеръ поддѣлывался къ нимъ, получилъ довѣріе и находился при ихъ совѣщаніяхъ. Въ комитетѣ написали они неизъяснимыя глупости на счетъ ихъ отравленія. Г. Занозинъ, выслушивая рѣчи и самъ совѣтуясь съ поселянами, вывѣдывалъ ихъ намѣренія и обо всѣхъ доносилъ г. Панаеву,—который, въ чемъ только можно, исполнялъ ихъ просьбы, самъ же старался удерживать ихъ въ повиновеніи къ себѣ. Моя рота, по внушенію моему, дала даже Панаеву подписку въ томъ, что будетъ его слушаться; но прочія роты, узнавъ о томъ, стали сильно негодовать.

20 іюля Панаевъ приказалъ всѣмъ поселянамъ собраться въ третью поселенную роту для служенія общаго молебна; но 7-й фузелерной роты унтеръ-офицеръ Михаилъ Евстигнѣевъ съ прочими, смѣнясь съ караула изъ штаба, сталъ ругать поселянъ моей роты, собравшихся на площади, говоря: «что вы одни на выскочку дали подписку Панаеву! отчего прочія роты не сдѣлали этой глупости?»,—и прибавилъ: «если вы не отберете подписки обратно, то мы всѣхъ васъ подымемъ на штыки»; потомъ поселяне пошли и къ другимъ ротамъ уговаривать ихъ отобрать изъ квартиры Панаева знамя и грамоту, говоря: «у насъ остались свои офицеры въ живыхъ, то пусть они лучше будутъ начальниками, а нечужой офицеръ»; при этомъ стали шумѣть и кричали: «слушайте, слушайте Панаева, онъ

васъ выведетъ на свѣжую воду—и теперь уже видно, какъ онъ вооружаетъ противу васъ разервный баталіонъ и ругаетъ всѣхъ, а что будетъ еще далѣе!»

Тутъ же согласились выбрать вмѣсто Панаева—меня, а вмѣсто Баллаша—штабсъ-капитана Носова; но этого намѣренія исполнить имъ не удалось. Г. Панаевъ, будучи при всѣхъ смятеніяхъ на лицо, могъ дѣйствовать на нихъ смѣлостью рѣчей своихъ и удерживалъ начальство за собою. На меня хотя поселяне не имѣли претензій и довѣряли мнѣ, но могли постоянно меня стращать и тѣмъ удерживать въ бездѣйствіи.

Вскорѣ послѣ того 7-я фузелерная рота опять зашумѣла и отправила, отъ имени всѣхъ, унтеръ-офицеровъ Авдѣя Михайлова и Онуфріева сказать Панаеву: «что прочія роты, не желая повиноваться ему, вынудили и отъ нея таковое условіе, а потому просятъ его возвратить ихъ подписку». Г. Панаевъ, смутясь, отдалъ имъ ее, а по окончаніи молебна отправился въ штабъ на свою квартиру. Здѣсь около нея собрались поселяне съ намѣреніемъ отнять отъ него знамя и грамоту. Тогда Панаевъ вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Носовымъ уговорили стоящаго на караулѣ за старшаго унтеръ-офицера Семена Перекопова—оградить знамя и грамоту отъ такого намѣренія поселянъ,—и Перекоповъ, внимая голосу совѣсти и благоразумія, сообщивъ о томъ караулу, сталъ твердо защищать входъ въ штабъ; всѣ собравшіеся поселяне были разогнаны. Этотъ поступокъ резервнаго баталіона или караула отъ этого баталіона вызвалъ между поселянами страшный ропотъ. Поселяне вознамѣрились истребить всѣхъ оставшихся офицеровъ; послѣ того кидались они всюду; нѣкоторые толпами подъѣзжали къ Новгороду, но видя цѣпь уланъ и пушки, возвращались домой болѣе преж-

няго безпокойными и, собираясь на площади, громко кричали: «надо-бы было всѣхъ добить!» Въ это время вошелъ ко мнѣ поселянинъ Романовъ и сказалъ, что поселяне дожидаютъ только своихъ депутатовъ изъ С.-Петербурга и—чуть что нибудь случится, то хотятъ затѣвать вторичный бунтъ и тогда.... тутъ онъ пожалъ плечами, выразивъ весьма понятный для меня жестъ.

— Что же они говорятъ обо мнѣ? спросилъ я:—вѣроятно тоже хотятъ убить?

Правда, ваше благородіе, кричатъ, чтобъ и корня не было,—да я уговаривалъ другихъ, и многіе со мною тоже говорили: «за что нашего капитана убивать» и прочіе тогда сказали: «вѣдь, дескать, чуть-что и онъ никуда не уйдетъ, какъ гость сидитъ—приди и бери».

Слыша это, я опять вышелъ на площадь къ собравшимся поселянамъ и, какъ будто бы ничего не зная, сказалъ: «здравствуйте»! Нѣкоторые отвѣчали что-то; затѣмъ стали говорить, что долго что-то не возвращаются наши депутаты изъ Питера; «говорятъ, что противъ насъ идетъ оттуда антирелія; дѣло то не такъ будетъ ладно, придется всѣмъ положить животы».

— Кто это сказалъ вамъ? не безпокойтесь, не можетъ этого быть. Государь вѣрно пощадитъ своихъ подданныхъ, притомъ вѣдь теперь здѣсь всѣ успокоились, а раскаяніе не только государь, но и Богъ прощаетъ.

Услыша это, нѣкоторые обратились къ толпѣ и сказали: «вотъ и видно, что ничего не знаетъ!» Потомъ, обратясь ко мнѣ, одинъ изъ поселянъ сказалъ: «а что я чай и вашему благородію не хорошо смотрѣть на экой штурмъ?»

— «Да, признаюсь, отвѣчалъ я,—вотъ третій день, какъ я не имѣю покоя; да и вы теряете время, а теперь

бы только работать да работать: посмотрите, рожь-то вся пересохла, ужъ и зерна свѣтятся; а сѣнокосъ безъ сѣнокосителей».

— Да, да, сказали они, почесывая затылки,—прогнѣвили Господа; дѣло пришло такое, что и воля стала не своя!

Между тѣмъ писарь Петровъ отозвалъ меня къ сторонѣ и сказалъ: «скоро соберутся сюда съ другихъ ротъ для перемолвища, то опасайтесь: вѣдь много добрыхъ, много и злыхъ; они думаютъ, что вы вышли что-нибудь отъ нихъ вывѣдать».—При этомъ находились также священникъ и дьяконъ Сыркова монастыря, *) пришедшіе послѣ молебна къ капитану Соколову; но, видя безпорядокъ, они удалились—и я пошелъ на квартиру. Поселяне, впрочемъ, замѣтно нѣсколько пришли въ себя—такъ что когда я проходилъ мимо толпы, то они посторонились, чтобъ дать дорогу и сняли фуражки; но спустя нѣкоторое время набрались толпы на площадь съ цѣлаго баталіона; казалось, опять начнется буйство. Раздѣлясь на нѣсколько кучекъ, съ большимъ шумомъ, разсуждали поселяне о томъ, что имъ дѣлать?—тѣ, которые были болѣе виновны въ убійствахъ,—хотя и чувствовали, что поступки ихъ незаконны и придется за нихъ отвѣчать, но хотѣли, чтобъ и прочіе были въ равномъ отвѣтѣ; они то и возбуждали къ буйству, льстя всѣхъ надеждою, что дѣло ихъ справедливо и что-де государь будетъ доволенъ, что истребили отравителей; при всякомъ возраженіи разсудительныхъ поселянъ, мятежники поднимали крики и заглушали слова благоразумныхъ поселянъ. При этомъ говорили,

*) Сырковскій—Новгородскій дѣвичій монастырь на рѣчкѣ Стипенки, въ шести верстахъ отъ Новгорода,—построенъ въ 1548 году бояриномъ Сырковымъ. *Примѣч. издат.*

что всѣхъ должно искоренить, въ противномъ же случаѣ придется самимъ погибнуть.

Вечеромъ, часу въ 8-мъ, Николай Сорокинъ съ нѣсколькими поселянами вошелъ ко мнѣ и сказалъ, что всѣ вообще поселяне поручили ему осмотрѣть секретныя бумаги на счетъ холеры, полученныя мной отъ начальства. Показавъ ему бумаги, я доказывалъ, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ противу нихъ дурнаго намѣренія и что онѣ, данныя къ руководству и предосторожности отъ холеры, выражаютъ заботливость начальства о ихъ здоровьѣ. Выслушавъ и нахмуривъ брови, Сорокинъ вышелъ; потомъ поселяне подошли къ гауптвахтѣ и громко спорили съ отцемъ Лавромъ на счетъ этихъ предписаній. Съ наступленіемъ ночи поселяне разошлись по домамъ — съ намѣреніемъ на слѣдующій день всѣхъ безъ изъятія офицеровъ, подобно какъ 16 числа, лишить жизни.

V.

Возвращеніе выборныхъ поселянъ изъ Царскаго Села.—Пріѣздъ генералъ-адъютанта Орлова.—Высылка арестованныхъ офицеровъ въ Новгородъ.—Выпивка въ честь водвореннаго спокойствія.—Панихида.—Проповѣдь архіерея Тимофѣя.—Аресты поселянъ.—Прибытіе императора Николая Павловича.—Рѣчь Государя къ поселянамъ.

21—26 іюля 1831 г.

21 числа, въ 9 часовъ утра, къ общему благополучію, прибыли изъ С.-Петербурга на двухъ тройкахъ посланные отъ поселянъ депутаты, которые, по прибытіи въ Ижору, были представлены императору и были допущены къ объясненію.

Государь сказалъ имъ: «кровожадные злодѣи! еще не успѣли умыть рукъ вашихъ въ невинной крови и

дерзаете предстать ко мнѣ; знаю всѣ ваши дерзкіе замыслы. Кого вы убили? Начальниковъ, Богомъ и мною поставленныхъ!»...

Изъ числа депутатовъ былъ Осипъ Козьминъ, прежде бывшій надъ Вышенскою волостію головою; ему сказалъ государь:

— «И ты здѣсь,—тотъ самый, котораго братъ мой удостоивалъ посѣщеніемъ».

Бывшій голова отвѣчалъ: «мы вашимъ императорскимъ величествомъ всегда весьма довольны; но начальство измѣною хотѣло погубить всѣхъ отравою».

Тутъ подалъ онъ росписку Богоявленскаго.

Государь сказалъ ему и прочимъ: «если я сейчасъ велю изъ васъ, изверговъ, тянуть жилы, что тогда вы будете говорить? то самое и росписка ваша». Послѣ сказалъ: «если въ васъ есть хоть искра человѣколюбія, то раскайтесь въ своихъ поступкахъ;—я пріѣду и, можетъ быть, помирюсь, а между тѣмъ отслужите общую панихиду по убіеннымъ и отговѣйте недѣлю, тогда я увижу....»

Конечно, депутаты были поражены такимъ пріемомъ и поняли, что дѣло ихъ — преступленіе.

Чрезъ четверо сутокъ возвратились они обратно въ округъ и сказали, что вслѣдъ за ними будетъ генералъ-адъютантъ графъ Орловъ. Генералъ уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы къ пріѣзду его баталіонъ былъ собранъ въ штабъ. Изъ осунувшихся лицъ депутатовъ поселяне замѣтили, какъ они были приняты государемъ *).

*) Выборные отъ сосѣдняго округа, короля прусскаго полка, также возвратившись съ полною неудачею отъ государя, отдѣлывались отъ всѣхъ разпросовъ однимъ отвѣтомъ, что-де: «государь ихъ не похвалилъ». *Примѣч. издат.*

Между тѣмъ Панаевъ тихонько выѣхалъ навстрѣчу къ Орлову и увѣрилъ его въ безопасности. По собраніи баталіона, графъ Орловъ приказалъ построить каре и войдя въ средину, поздоровавшись, сказалъ:

«Государь императоръ послалъ меня вмѣсто себя, и я его императорскаго величества именемъ увѣдомляю васъ, что, не взирая на противузаконныя дѣла, которыя хотя весьма прогнѣвали его, но, по своей милости, государь имѣетъ терпѣніе ожидать отъ васъ полнаго раскаянія и смиренія».

— Виноваты! отвѣчали поселяне, павши на колѣни.

Генералъ Орловъ началъ читать имъ высочайшій приказъ, по прочтеніи же увѣщевалъ ихъ.

Всѣ молчали. Вдругъ 4-я поселенная рота вскрикнула: «смерть наша пришла, ваше превосходительство», а 2-й поселенной роты Николай Сорокинъ громко сталъ кричать: «положимъ, что холера и существуетъ, а зачѣмъ начальство роздало ядъ?»

Генералъ Орловъ, подойдя къ нему, началъ ему объяснять дѣйствія лекарства; тотъ сталъ спорить и приводить свои доказательства. Выведенный изъ терпѣнія, Орловъ, ударивъ себя по бедру, сказалъ: «молчи—или я тебя чрезъ крышу перекину!» Сорокинъ замолчалъ— и когда всѣ утихли, то Орловъ приказалъ идти по квартирамъ. Потомъ отобралъ отъ всѣхъ ротъ жалобы (которыя всѣ не замедлилъ разодрать), а содержащихся на гауптвахтѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ велѣлъ отправить въ Новгородъ, сказавъ, что для разбора будетъ назначена слѣдственная коммисія. «Если окажутся виновными, сказалъ Орловъ:—то всѣ они отвѣтятъ по всей строгости законовъ». Затѣмъ генералъ тотчасъ уѣхалъ въ Новгородъ. Послѣ этого еще многіе поселяне думали, что они правы и что отправлен-

ные офицеры подвергнутся взысканію. Идя дорогой, они хвастали, кто болѣе отличился въ дерзостяхъ и убійствахъ,—и, придя въ роту, собрались на площадь, громко толкуя, что всѣ дѣла ихъ хорошо кончились.

«Вѣдь, государь-то разсудилъ по нашему» говорили поселяне: «небось иному придется въ казаматѣ посидѣть, забудетъ и думать травить насъ!» Другіе напротивъ насмѣхались надъ нѣкоторыми, говоря: «что помнить старое, государь насъ простилъ, то и намъ надо попросить капитана, чтобы выпустили фельдфебеля и Таркова», и потомъ сами, своей волей, отпустили ихъ съ гауптвахты, а также Комкова и солдатку Сыропятову; между тѣмъ продолжали шумѣть, не расходясь съ площади, и говорили: «хорошо, что пріѣхалъ Орловъ: а то не миновать бы того, чтобы опять затѣять кутерьму».

Слыша такой шумъ и говоръ, я уже смѣло вышелъ на площадь и тономъ начальника сталъ говорить:

— Время оставить вамъ сборища! вы слышали, что если вы не усмиритесь, то всѣ погибнете какъ черви. Я вамъ приказываю сейчасъ же идти по домамъ, да впередъ сюда никому не показываться; въ противномъ случаѣ, я имѣю мѣры усмирить васъ — черезъ часъ придутъ два эскадрона гусаръ и пѣхотный баталіонъ, то васъ какъ свиней перевяжутъ».

Поселяне призадумались и отвѣчали: «нѣтъ, ваше благородіе, уже теперь не будемъ ходить; слава Богу, что помиловалъ государь, не то бѣда была-бы; теперь надо приниматься за работы, намъ и самимъ этакой штурмъ надоѣлъ; а ужъ какъ мы берегли ваше благородіе, готовы были умереть, а не выдали бы васъ; такъ ужо намъ было васъ жалко»!

— «Хорошо, за это спасибо, сказалъ я:—за береже-

ніе меня куплю на роту вина, но съ тѣмъ, чтобы были послушны и объ отравѣ — ни слова, а не то — Боже васъ сохрани».

При этомъ, еще погрозивъ имъ, приказалъ идти по домамъ. Вошедши въ квартиру, я началъ дышать свободнѣе, а то до этого времени постоянно тѣснило грудь. Вскорѣ вошелъ ко мнѣ унтеръ-офицеръ Ларіонъ Булатовъ съ другими поселянами и сказалъ: «ваше благородіе изволили обѣщать ротѣ по чаркѣ водки, то осмѣливаемся доложить, не позволите-ли теперь раздать или не отмѣните-ли на время, ибо каждый поселянинъ долженъ озаботиться домашними работами и некогда будетъ. Рота же желаетъ теперь выпить за здоровье государя и вашего благородія и поздравить съ спокойствіемъ и тишиною; а потомъ разойдутся съ клятвою быть послушными и усердными къ начальству».

Мнѣ это показалось возможнымъ—и я далъ ему своихъ денегъ 24 рубля, и въ тотъ же часъ рота выстроилась, выпила по чаркѣ и разошлась по домамъ, и на другой день, равно какъ и въ послѣдующее время, уже не собиралась въ кучи и не дѣлала никакихъ безпорядковъ, а принялась за домашнія работы: жали рожь и косили сѣно.

Между тѣмъ въ другихъ ротахъ безпорядки продолжались—и въ 1-й поселенной ротѣ составили заговоръ убить Панаева, Занозина и Носова; но заговоръ былъ открытъ—и виновные тотчасъ же были отосланы въ Новгородъ; съ тѣхъ поръ уже во всѣхъ ротахъ сдѣлалось смирнѣе, назначили новыхъ ротныхъ командировъ и фельдфебелей и тѣмъ безпорядки на будущее время были устранены.

Въ виду приближенія успенскаго поста вскорѣ ве-

лѣно было, отслуживъ по убитымъ панихиду, отговѣть недѣлю. Находившійся вблизи округа—Новогородскаго Софійскаго собора епископъ Тимоѳѣй прибылъ съ духовенствомъ и монашествомъ. Служба совершена была на площади 2-й поселенной роты предъ поселеннымъ баталіономъ. Епископъ, обращаясь къ нему, началъ проповѣдью увѣщевать ихъ. Рѣчь его была такъ трогательна, что многіе поселяне приходили въ чистое раскаяніе; иные, напротивъ, морщились, не желая слышать справедливыхъ укоризнъ пастыря; однако всѣ слушали со вниманіемъ. По окончаніи панихиды, епископъ вторично обратился къ поселянамъ съ рѣчью:

«Можетъ-быть въ этотъ часъ—говорилъ, между прочимъ, архіерей: души убіенныхъ дреколіемъ вашимъ вопіютъ къ небу. Безумные! что въ то время о семъ не размыслили? Можетъ ли быть покойна ваша совѣсть, исполненная воспоминанія безпутствъ дѣлъ вашихъ? вы отнынѣ будете подобны листу, отъ малаго дыханія вѣтра трепещущему,—и чего не доставало къ благополучію вашему? неужели наскучило вамъ въ тишинѣ мірской трудиться и собственными руками пріобрѣтать себѣ благосостояніе? Какое чрезъ это утѣшеніе бываетъ! Самъ Господь сказалъ: въ потѣ лица твоего снѣди хлѣбъ твой! А вы возлюбили пуще праздность! Вспомните попеченіе и труды, изливаемые на васъ покойнымъ и симъ государемъ, какъ равно и начальниками! А что доселѣ было у васъ? Шинки, развратъ,— занимались пьянствомъ, лѣнивствомъ! Можетъ ли терпѣть сіе Господь нашъ? Я, какъ архіерей Богомъ поставленный, говорю вамъ: что при такомъ постыдномъ житіи не будетъ надъ вами благословенія ни въ сей, ни въ будущей жизни»!

При этомъ поднялся позади шумъ и слышны были

слова: «какой вздоръ городитъ, снять бы съ него шапку и надѣть колпакъ; вспоминаетъ о душахъ, которыя, можетъ быть, нѣсколько сотъ душъ по благочестивѣе ихъ отравили, такъ по тѣхъ то крещеныхъ душахъ лучше бы было отправить такую панихиду; вишь, занесъ какую околесную».

Тогда офицеры и поселяне, обратясь назадъ, шикали и унимали разговаривавшихъ. Епископъ Тимоѳѣй, окончивъ рѣчь, отправился въ Новгородъ. Поселяне разошлись по своимъ ротамъ, съ ропотомъ на архіерея и начальниковъ, говоря:

— «Пропала наша правда! Нѣтъ ее видно на землѣ; Орловъ-то видно насъ обманулъ!»

Поселяне начали развѣдывать въ Новгородѣ о своей участи, и тогда увѣрились въ своемъ безразсудствѣ. Отыскивая отраву, нашли себѣ пагубу въ буйствѣ, и видя въ Новгородѣ многихъ обвиненныхъ ими въ отравѣ офицеровъ, уже выздоровѣвшихъ и ходившихъ вездѣ свободно, поселяне говорили между собою: «вотъ тебѣ ядъ! попали въ просакъ! видно не начальники, а сами мы себя отравили своимъ глупымъ разумомъ» — и стали пожимать плечами, но уже было поздно. Нѣкоторые изъ офицеровъ, встрѣчая въ Новгородѣ поселянъ, которые во время возмущенія ихъ тиранили, тотчасъ же отправляли ихъ на гауптвахту.

При такомъ замѣшательствѣ умовъ, прибылъ изъ С.-Петербурга императоръ Николай Павловичъ и прежде всего посѣтилъ нашъ округъ *).

Появленіе императора передъ развернутымъ фронтомъ поселеннаго баталіона въ манежѣ — было торже-

---

*) Государь пріѣхалъ въ штабъ поселеннаго—императора австрійскаго полка, 26 іюля 1831 г., въ воскресенье, въ десятомъ часу утра. *Примѣч. издат.*

ственно. Взглядъ Николая Павловича, при ростѣ, сложеніи и самой поступи его сильно подѣйствовалъ на поселянъ. Оставшійся на лицо священникъ, Гавріилъ Богословскій, стоялъ съ крестомъ и святою водою возлѣ церкви, находящейся въ манежѣ. Только что императоръ вступилъ въ манежъ, поселяне пали на колѣна; при выходѣ же изъ коляски государь поцѣловалъ въ лобъ встрѣтившаго его Панаева и, сказавши: «здравствуй товарищъ!» ударилъ его по плечу. Затѣмъ государь вошелъ въ манежъ; по дорогѣ четыре поселянина поднесли ему на блюдѣ хлѣбъ и соль, но онъ сказалъ имъ: «послѣ». Войдя въ манежъ, императоръ пошелъ вдоль фронта прямо въ церковь; священникъ окропилъ его святою водою—и онъ, съ колѣнопреклоненіемъ, приложился къ мѣстнымъ образамъ. Выйдя изъ церкви и принявъ поднесенный поселянами хлѣбъ и соль, императоръ сказалъ:

— «Вотъ я не помню зла, и ѣмъ хлѣбъ вашъ».

Потомъ начался молебенъ; по окончаніи многолѣтія, государь приказалъ встать съ колѣнъ и выстроиться въ каре. Императоръ остался въ срединѣ съ генералами Орловымъ и Бенкендорфомъ. Съ твердостію духа и огорченіемъ сказалъ онъ поселянамъ: «хорошо вы чувствовали благодарность за попеченія и милости покойнаго брата моего. Но, по крайней мѣрѣ, имѣете ли вы въ совѣсти вашей полное раскаяніе въ совершенномъ вами преступленіи?»

— Виноваты ваше императорское величество, отвѣчали поселяне трепещущими голосами.

— «Одно только ослѣпленіе ваше,—продолжалъ государь:—убѣждаетъ меня забыть столь важное преступленіе, которое заслуживало бы того, чтобъ стереть такихъ злодѣевъ съ лица земли. Имѣющіе георгіевскіе кресты — выйдете впередъ»!

Когда приказаніе было исполнено, императоръ продолжалъ: «что вы тутъ дѣлали? Не вы ли первые обязаны были подать примѣръ собою въ порядкѣ и исполненіи военной дисциплины, и удерживать отъ буйства этихъ мерзавцевъ! Если что нибудь хотя подобное случится впередъ, то Боже васъ сохрани: вы первые мнѣ будете отвѣчать собственною жизнію вашею!»

Послѣ этого, приказавъ баталіонъ распустить, государь обернувшись къ Панаеву, спросилъ объ офицерахъ: «только четыре?»

— Да, ваше императорское величество, отвѣчалъ Панаевъ.

«Благодарю васъ господа» —и выйдя изъ манежа, императоръ сѣлъ въ коляску и отправился въ Новгородъ. Осмотрѣвъ тамъ войска, государь отослалъ ихъ въ Старую Руссу, а въ Новгородскомъ округѣ велѣлъ замѣнить убылые резервные баталіоны пѣхотнымъ полкомъ и нѣсколькими командами уланъ. Потомъ, осмотрѣвъ прочіе округа *), кромѣ Старорусскаго, Николай Павловичъ отправился обратно въ С.-Петербургъ.

VI.

Послѣ бунта. — Караулы и дозоры. — Отобраніе оружія. — Говѣнье. — Предварительные допросы мятежниковъ. — Аресты. — Слѣдственная Коммисія въ Новгородѣ. — Распоряженія правительства о военныхъ поселеніяхъ. — Причины возстанія. — Бабьи сплетни.

Въ округахъ стали наряжаться отъ пѣхотнаго баталіона на ротные дворы караулы; пѣхотные солдаты

*) Въ разсказѣ священника Воинова помѣщено описаніе посѣщенія Императоромъ округа короля Прусскаго полка. См. ниже — № III. *Примѣч. издат.*

были уже не съ руки поселянамъ. Въ ночное же время объѣзжалъ дозоръ изъ уланъ, которые штандартами своими весьма встревожили поселянъ; завидя ихъ вдали, поселяне бѣгали изъ домовъ въ поле, или куда-нибудь прятались,—словомъ сказать: тогда страхъ обуялъ ихъ, а наиболѣе тѣхъ, которыхъ совѣсть облачала въ убійствахъ. Отъ всѣхъ было отобрано оружіе, какое у кого имѣлось. При наступленіи успенскаго поста прибыли изъ Вяжицкаго монастыря въ округа по два монаха въ роту; начали говѣть; время было самое рабочее—и поселяне должны были съ работы проходить въ церковь, близъ которой были погребены тѣла ими убитыхъ. Въ прочихъ ротахъ небольшое число поселянъ ходило въ церковь, но моей роты—всѣ до одного человѣка и всѣ исповѣдывались; такимъ образомъ отговѣвъ, каждый ожидалъ по дѣламъ своимъ готовящейся участи.

Вслѣдъ за симъ г. Панаевъ, собравъ къ себѣ ротныхъ командировъ, приказалъ подать письменныя объясненія отъ каждаго офицера и чиновниковъ, въ которыхъ нужно было описать бывшее съ каждымъ происшествіе и выставить на видъ виновныхъ, кто въ чемъ былъ замѣченъ. Эти порученія стоили не малаго труда, чтобы ихъ выполнить: не легко было вырвать признаніе у закоснѣвшихъ злодѣевъ. Проступки ихъ открылись болѣе чрезъ кантонистовъ—самымъ простымъ образомъ; поселяне же при спросѣ отвѣчали даже забавно: одинъ увѣрялъ, что въ то время, когда происходило буйство, онъ находился въ ржаномъ полѣ; другой увѣрялъ, что былъ далеко, на сѣнокосѣ; тотъ, будто бы, спрятавшись, лежалъ въ сараѣ подъ соломою; иной-де отъ страха лежалъ болѣнъ въ постели;—словомъ: никого во время буйствъ не оказывалось дома, всѣ были правы, чуть

не святы. Наконецъ въ одну темную ночь, взявъ съ собою фельдфебеля и конвойныхъ, я, съ помощью ихъ, забралъ изъ своей роты шесть унтеръ-офицеровъ и 45 поселянъ; перевязавъ ихъ всѣхъ веревками, я отправилъ ихъ, подъ конвоемъ, въ штабъ. Брали мятежниковъ изъ ихъ домовъ въ самую полуночь, почти сонныхъ; всякой однакоже былъ столько сознателенъ въ преступленіи, что, нисколько не отговариваясь, просилъ только перемѣнить на себѣ чистую сорочку; однѣ бабы охали, но имъ было строго приказано молчать; ихъ увѣряли, что мужей и братьевъ ихъ берутъ только для одного допросу и что послѣ всѣ они будутъ возвращены въ дома. Послѣдующій день поселяне ахнули, узнавъ, что товарищей какъ не бывало; жены и дѣти взятыхъ подъ караулъ—сперва тихо ушли было въ штабъ справлятся объ нихъ; но 120 человѣкъ рано со свѣтомъ, при эскадронѣ конныхъ егерей, въ цѣпяхъ, уже были отправлены въ Новгородъ—въ приготовленную для преступниковъ парусинную фабрику; около нея въ окружности разставлены были караулы и при нихъ орудія. Въ поселеніяхъ повсюду поднялся стонъ и вопль; но это еще были только цвѣты ихъ злополучія, по справедливости сказать, отъ самихъ ихъ происшедшаго.

Затѣмъ прибыла въ Новгородъ по высочайшему повелѣнію наряженная слѣдственная коммисія, состоявшая изъ предсѣдателя, артиллеріи генералъ-лейтенанта Захаржевскаго и членовъ: генералъ-маіора Данилова, инженеръ генералъ-маіора Моце, генералъ-аудитора и другихъ чиновниковъ. Началась переборка въ допросахъ, чрезъ которые присоединилось еще болѣе виновныхъ; страшно вспомнить о числѣ преступниковъ и наказаніи ихъ: короче сказать — преступниковъ было нѣсколько

тысячъ. Какую участь приготовили они своимъ семействамъ! Но этого было недостаточно. Чтобы искоренить заразу надлежало отдѣлить всѣхъ водворенныхъ на хозяйство старослуживыхъ солдатъ, которые отъ казны были снабжены полнымъ хозяйствомъ, (а такихъ было въ каждомъ поселенномъ баталіонѣ на половину, при чемъ они были сравнены во всемъ съ коренными жителями), и такъ какъ по слѣдствію оказалось, что возмущеніе произошло отъ наклонности къ тому старыхъ солдатъ, поступившихъ на хозяйство, то государь императоръ повелѣлъ всѣхъ таковыхъ, безъ изъятія, отправить по полкамъ, въ которыхъ приказано имъ было оставаться до выслуги узаконенныхъ лѣтъ. Семейства ихъ устроивались различно: иные пошли на родину, другіе приписались къ прочимъ семействамъ или родственникамъ при округахъ съ дочерьми; сыновья же, по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, поступали въ кантонисты. Нѣсколько тысячь этихъ солдатъ должны были за безцѣнокъ продать свое хозяйство: лошадей, коровъ, рожъ и тому подобное. Изъ четырехъ поселенныхъ ротъ баталіона— сформированы были изъ коренныхъ жителей только двѣ роты, другія же двѣ роты упразднены; неизвѣстно, что послѣдуетъ съ уничтоженными ротами *), связями, надворными строеніями, землею пашенною и сѣнокосною, и лѣсомъ. Всякій можетъ судить, чего стоило Россіи устройство поселеній, гдѣ процвѣтала красота строеній, чистота, блистательный порядокъ, но рядомъ поражающая бѣдность жителей, породившая общее ихъ неудовольствіе. Нынѣ (т. е. въ 1832 году) округà эти названы округами пахатныхъ солдатъ; наименованіе

*) Разсказъ писанъ въ 1832 году. *Прим. изд.*

округовъ по полкамъ уничтожено. Въ Новогородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ 14 тысячъ этихъ пахатныхъ солдатъ состоятъ на оброкѣ*).

Обращаясь къ преступленіямъ поселянъ, совершеннымъ въ іюльскомъ возмущеніи, необходимо сказать, что въ преступленіяхъ,—собственно моей ротой совершенныхъ, — оказались виновными поселяне: Григорій Ѳедоровъ съ товарищами, всего двадцать человѣкъ. Александръ Максимовъ заслужилъ истинную мою признательность за откровенность своихъ показаній.

Кромѣ вышеозначенныхъ преступниковъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія объ исключеніи изъ поселянъ всѣхъ водворенныхъ на хозяйство изъ старослужащихъ, исключено таковыхъ изъ 2-й т. е. изъ моей роты 74 человѣка; всѣ они расформированы въ разные полки. Это въ одной ротѣ, а сколько ихъ оказалось въ Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ— въ которыхъ было 14 округовъ или 56 ротъ!!

Какъ я уже говорилъ, трудно было доискаться причинъ, отъ которыхъ произошли происшествія мною описанныя. Поселяне ничего не открывали, а ссылались на Провидѣніе Божіе, говоря: «видно намъ такая планета судьбой назначена». Для разъясненія полнаго этого дѣла—нужно бы было дать нѣкоторое время; но я не могъ добиться истинныхъ причинъ событій, потому что былъ откамандированъ отъ полка и шесть мѣсяцевъ пробылъ въ Старорусскомъ округѣ, а, по окончаніи слѣдствія, поступилъ обратно въ тотъ же императора австрійскаго полкъ, но уже въ дѣйствующіе его баталіоны, расположенные въ городѣ Ямбургѣ.

*) Съ переименованіемъ военныхъ поселянъ въ пахатныхъ солдатъ, эти послѣдніе—вмѣсто обязанности продовольствовать войска отъ земли, какъ то было возлагаемо на военныхъ поселянъ,—обложены оброкомъ, сообразно съ мѣстными способами. *Прим. изд.*

Впрочемъ, главныя причины событій того времени, болѣе или менѣе, извѣстны: холера, болѣзнь въ то время неизвѣстная; прибытіе въ округа̀ резервныхъ баталіоновъ, склонныхъ къ возмущенію; проходившій изъ С.-Петрбурга — высланный оттуда простой народъ, распускавшій нелѣпые слухи; старорусскій мятежъ, имѣвшій отголоски въ другихъ округахъ; секретность предписаній начальства относительно холеры, возбудившая подозрѣніе въ поселянахъ и внушившая недовѣріе къ начальствующимъ лицамъ—и, наконецъ, случай, открывшійся черезъ шоссейнаго унтеръ-офицера и женщину. Послѣднее событіе было столь внезапно, что ни кому изъ начальниковъ и въ умъ не могло придти, чтобъ изъ простаго, по видимому, приключенія могло произойти такое обстоятельство. Что же касается до пишущаго эти строки, то само Провидѣніе спасло меня: этому помогло расположеніе ко мнѣ командуемой мною роты и оправданіе меня предъ поселянами штабъ-лекаремъ Богоявленскимъ и полковымъ священникомъ Лавромъ; одно криводушное слово, тѣмъ или другимъ въ страхѣ произнесенное, могло погубить меня; обстоятельства моего спасенія тѣмъ болѣе удивительны, что при истязаніяхъ Богоявленскій всѣхъ прочихъ начальниковъ обвинилъ и обрекъ ихъ за-живо на смерть.

Но такъ какъ смертные скоро забываютъ о своихъ злополучіяхъ, то и здѣсь-едва окончилось смятеніе, во время котораго спаслись, милосердіемъ Всевышняго, нѣкоторые лишь офицеры, эти немногіе уже стали хвастать своими дѣлами. Всякой, разсказывая о возмущеніи, старался выдумать о себѣ что-нибудь хорошее. Въ эти дѣла вмѣшались вдовы убитыхъ офицеровъ и внесли въ разсказни множество сплетень. Онѣ говорили,

что мужья ихъ—мученники и за отечество животъ свой положили, а прочіе, — оставшіеся въ живыхъ офицеры, не заслуживали ихъ вниманія: онѣ увѣряли, что не могутъ глядѣть на нихъ и, въ печаляхъ своихъ, утѣшались тѣмъ, что сплетничали на спасшихся отъ смерти офицеровъ немилосерднѣйшимъ образомъ. Для этого барыни собирались въ квартирахъ гг. Панаева, маіора 5-го военно-рабочаго баталіона Галиновскаго и штабсъ-капитана Носова. Ничего не тая и предупрежденный поселянами не выходить изъ квартиры, чтобы не быть напрасно жертвою злодѣевъ, я не могъ во время смутъ и слышать этихъ сплетень. Впослѣствіи же я убѣдился, что г. Панаевъ подвергся вліянію этихъ сплетень и дѣлалъ мнѣ, основываясь на этихъ пустыхъ слухахъ, различныя непріятности.

Случилось вскорѣ, что г. Панаевъ получилъ выговоръ за поселянина моей роты Никиту Гущина; этотъ поселянинъ былъ остановленъ въ Новгородѣ конвойными, которые спросили у него билетъ. Гущинъ подалъ билетъ, оказавшійся безъ подписи ротнаго командира. Билетъ былъ препровожденъ къ г. Панаеву. Едва я вошелъ къ нему въ комнату, какъ онъ раскричался на меня—что-де я распустилъ по Новгороду всю роту, и подавъ мнѣ запачканный и безъ подписи билетъ, сказалъ: «вотъ съ какими билетами вы увольняете поселянъ!» Осмотрѣвъ билетъ и подавъ его обратно, я сказалъ Панаеву:

— Вы можете сами ясно понять, что такого билета безъ подписи я не могъ дать поселянину; вѣроятно, онъ отлучился безъ спросу.

Панаевъ позвалъ поселянина.

— Кто тебѣ далъ этотъ билетъ?

Поселянинъ, увидавъ меня, сталъ заминаться и не

зналъ, что отвѣчать; но потомъ объяснилъ, что будучи очень рано у меня на квартирѣ и узнавъ, что я еще не вставалъ, онъ пошелъ въ ротный комитетъ для отпросу въ Новгородъ по собственной надобности; въ комитетѣ же, будто бы, и далъ ему такой билетъ фельдфебель. При этомъ я сказалъ Панаеву, что фельдфебель чистъ, такъ какъ онъ не осмѣлится этого сдѣлать. Г. Панаевъ разгорячился и сталъ мнѣ говорить дерзости; чтобъ удалиться отъ непріятностей, я просилъ у него позволенія отправиться къ ротѣ и пошелъ изъ комнаты. Панаевъ вслѣдъ кричалъ мнѣ, что я буду арестованъ, что дѣйствительно на слѣдующій день и исполнилъ, а вмѣстѣ съ этимъ, арестовалъ фельдфебеля и каптенармуса моей роты, такъ что въ ротѣ никого изъ начальствующихъ лицъ и не осталось.

Между тѣмъ семейство мое было въ опасномъ положеніи, такъ какъ многіе изъ поселянъ роптали, что большое число будто бы совершенно невинныхъ забрано изъ прочихъ ротъ. Находясь въ штабѣ три дня, я узналъ, что обо мнѣ разнесся слухъ, будто бы я зналъ о бунтѣ и не увѣдомилъ г. Бутовича. Г-жа Бутовичъ увѣряла, что я, вмѣсто ея мужа, хотѣлъ быть баталіоннымъ командиромъ; г-жи Султанова, Ганеманъ, Саурская и Панаева съ своей стороны утверждали, что я раздѣлялъ мнѣнія поселянъ. Г. Панаевъ, не зная меня, какъ я сказалъ выше, вѣрилъ этимъ розсказнямъ. Эти сплетни переданы были мнѣ капитаномъ Соколовымъ и женою его. Производство слѣдствія объяснило дѣло, и сплетни перешли на другія лица: такъ штабсъ-капитанъ Носовъ обвиненъ былъ этими дамами въ похищеніи недостававшей суммы, которую г-жа Бутовичъ во время смятенія вручила ему въ шкатулкѣ для сбереженія; не оказалось на лицо, какъ извѣстно, 10.000 руб.

Послѣ уже Носовъ разсказывалъ мнѣ, что одна дама, по имени Галонъ, положила ровно 10.000 руб. въ банкъ на имя неизвѣстнаго по порученію другой дамы. Наконецъ дамы эти жаловались и на самого г. Панаева лично Клейнмихелю, и подавали на него просьбы, будто бы Панаевъ ихъ притѣсняетъ. Только уже затѣмъ барынямъ этимъ ни въ чемъ не стали вѣрить. Самъ г. Панаевъ лично просилъ извиненія у меня за сдѣланныя обиды единственно по милости этихъ дамъ; но поправить дѣло оказалось трудно. Послѣ того былъ инспекторскій смотръ, и командуемая мною 2-я поселенная рота найдена, между прочими, первою; при этомъ, при всѣхъ офицерахъ, г. Панаевъ объявилъ Стеселю свою ошибку, что онъ меня не представилъ къ наградѣ единственно потому, что въ моей ротѣ случилось происшествіе, и просилъ особо у г. Стеселя награды. Вслѣдъ за этимъ я былъ назначенъ въ старорусскій отрядъ,— г. Панаевъ — въ Елизаветградъ, а Стесель, по прежнему — въ Царское Село. О наградѣ всѣ забыли, что нашелъ нужнымъ сдѣлать и я.

II.

Разсказъ инженеръ-подполковника Папаева производителя работъ въ округѣ поселеннаго Гренадерскаго императора Австрійскаго полка.

I.

Учрежденіе поселенія саперныхъ ротъ. — Смертность въ военныхъ поселеніяхъ. — Положеніе поселенныхъ офицеровъ. — Дисциплина.—Инспекторскіе смотры и суды въ поселеніяхъ.— Общая деморализація поселенныхъ войскъ. — Служебная дѣятельность Н. И. Панаева съ 1820 по 1831 годъ. — Новгородское военное поселеніе въ началѣ 1831 года. — Поселенный гренадерскій императора Австрійскаго полкъ. — Холера. — Толки и слухи. — Мѣры противъ распространенія холеры.

Дни: 12, 13, 14 и 15 іюля 1831 года.

Опишу вамъ дѣло, хотя и не военное, но я лучше бы согласился вытерпѣть нѣсколько регулярныхъ сраженій, чѣмъ быть захваченнымъ въ народный бунтъ. Дни: 16, 17, 18, 19 и 20 Іюля 1831 года для меня весьма памятны.

Опишу вамъ въ началѣ мое служеніе въ округѣ военныхъ поселеній новгородскаго отряда и мое положеніе на поприщѣ поселенной службы.

Въ 1820 году предположено было сформировать для гренадерскаго сапернаго баталіона поселеніе, наравнѣ съ прочими гренадерскими полками: для того и назначенъ участокъ земли отъ гренадерскаго, короля прусскаго (что нынѣ Фридриха Вильгельма) полка съ деревнями: Перевозъ, Хутинъ, Гажинскъ, Зазелье, Жидово, Радюково и селомъ Великопольемъ, купленными отъ Сперанскаго 2. Положено было изъ крестьянскихъ деревень съ добавле-

ніемъ людей изъ всѣхъ саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, уроженцевъ новгородскихъ и псковскихъ, сформировать въ двѣ саперныя поселенныя роты. Офицеры же ко мнѣ назначены изъ піонерныхъ баталіоновъ. Я служилъ въ то время во 2-мъ саперномъ баталіонѣ, квартировавшемъ въ Лифляндіи, въ городѣ Венденѣ. Предположено было баталіонъ этотъ, какъ не вошедшій въ составъ арміи, переформировать и, оставя двѣ роты старыхъ солдатъ, дополнивъ таковыми же двумя ротами кантонистовъ, составить изъ него учебный саперный баталіонъ; двумя же остальными ротами скомплектовать прочіе саперный и піонерный баталіоны; и я, въ капитанскомъ чинѣ, бывши командиромъ 1-й минерной роты, назначенъ командиромъ обѣихъ поселенныхъ ротъ сапернаго баталіона гренадерскаго корпуса. Назначеніе это не было пріятно графу Аракчееву, которому хотѣлось назначить командиромъ въ эти роты изъ поселенныхъ уже гренадерскихъ полковъ, болѣе привыкшихъ къ правиламъ, принятымъ въ поселенномъ войскѣ и, слѣдовательно, болѣе опытныхъ въ предстоявшихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Мысль въ настоящемъ положеніи дѣлъ самая естественная и которая принесла бы болѣе пользы, чѣмъ назначеніе мое.

Были люди, между образовавшимися тамъ командирами, и трудолюбивые, и ревностные исполнители, безсознательно, всѣхъ распоряженій начальства. Хвалю ихъ подвигъ, но непонимаю, какъ можно дѣйствовать успѣшно, исполняя лишь то, что имъ приказываютъ и, не зная цѣли, къ чему должны направлять свои дѣйствія. Дѣло было новое и цѣль, изображенная въ проектѣ, показывала только крайнюю точку несбыточнаго предположенія, средствъ къ достиженію коего, кажется, никто не

зналъ. Мы работали много, прилежно, тратили матеріалы, изнуряли людей; при десятой доли умирающихъ между работавшими баталіонами, смертность не считалась большою; когда умирала восьмая доля, тогда только производились слѣдствія, начальники были отдаваемы подъ судъ, но суды оканчивались всегда почти ничѣмъ или вмѣненіемъ бытности подъ судомъ въ наказаніе и занесеніемъ въ формулярные списки; а при неудачныхъ постройкахъ наложеніемъ взысканія на людей, собственности неимѣвшихъ. Отставки были воспрещены, въ отпуска не отпускали, или они были правилами такъ стѣснены, что никогда не было возможности ими воспользоваться. Однимъ словомъ мы были въ крайнемъ порабощеніи и, не имѣя средствъ избавиться, начали для защиты своей придумывать разныя уловки. Главные начальники, выбравъ что было получше изъ офицеровъ и болѣе способныхъ, назначили ихъ частными начальниками работъ, предоставивъ въ полное ихъ распоряженіе баталіоны, на работѣ бывшіе. Баталіонные командиры старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, обязаны были не разбирать средствъ и быть покорными, даже противу присяги и совѣсти. Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь бы сдѣлано было, что приказано начальникомъ. Шпіонства съ одной стороны и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противу ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими— съ другой ослабили совершенно всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными. Инспектирующіе спрашивали всегда солдатъ о претензіяхъ: не употребля-

ютъ ли ихъ въ праздники и неизнурительны ли для нихъ работы? Ежели начальника хотѣли удержать, то, и по справедливой жалобѣ, отдавали претендующихъ подъ судъ; а ежели хотѣли отстранить кого, то жалоба принималась, начальникъ отдавался подъ судъ и хотя года черезъ два оправдывался, но на ложныхъ доносителей судъ не обращалъ вниманія; ихъ переводили въ другую дивизію или назначали для присмотра какихъ нибудь матеріаловъ. Бывали случаи, что подсудимаго оправдывала коммисія военнаго суда; но тогда обыкновенно наряжалась другая, а первая подвергалась взысканію за упущеніе обстоятельствъ; оправдывала ли вторая, то наряжалась третья, до тѣхъ поръ, покуда ловкій аудиторъ не откроетъ какого либо упущенія въ другихъ случаяхъ службы подсудимаго. И такъ отданный подъ судъ капитанъ за растрату казеннаго имущества иногда являлся виновнымъ въ томъ, что, будучи еще поручикомъ, во время стояній на караулѣ, отлучался съ гауптвахты. Еще повторяю, что жестокости и строгости было много, но дисциплины не было и войска были деморализованы начальствомъ и начальники, съ своей стороны, получая приказаніе свыше,—кои могли возбудить ропотъ между нижними чинами, исполняли приказаніе не прямо, но старались внушать солдатамъ, ежели бы де имъ приказано не было, то они бы не стали такъ мучить людей. Высшее начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая секретно не баловать ихъ, задавать уроки больше, высылать на работу и по праздникамъ, и, ежели спросятъ: отчего люди въ праздникъ выведены на работу? отвѣчать: «что это лѣнивцы, не выдѣлавшіе своихъ уроковъ». Командиры же, высылая по праздникамъ на работу, всегда обраща-

лись къ солдатамъ и говорили имъ: «ребята, васъ велѣно выслать на работу даже и сегодня! Когда прiѣдитъ начальникъ и будетъ спрашивать меня: отчего люди работаютъ въ праздникъ? я скажу, что это тѣ люди, которые въ теченiи педѣли не выработали своихъ уроковъ; смотрите же поддержите меня, я дѣлаю не по своей волѣ.—Ежели онъ будетъ вамъ говорить: — «для чего вы лѣнитесь?» то кричите: «впредь лучше будемъ стараться», а какъ онъ проѣдетъ, то я васъ отпущу съ работы. Хитрость, употребленная противъ хитрости, не заставляя солдатъ любить начальниковъ, лишала уваженiя къ ближайшимъ командирамъ, — показавая ихъ слабость.

Въ сихъ обстоятельствахъ вступилъ я въ поселенную службу въ 1821 году декабря 27-го дня и прибылъ въ Новгородъ, гдѣ предположено было сборное мѣсто высылаемыхъ ко мнѣ изъ разныхъ баталiоновъ солдатъ. Но какъ команда моя еще не собралась вся на лицо, то офицеры мои и, по частямъ прибывающiе люди, употреблены были на открывшiяся съ весною 1822 года работы, а, по прекращенiи оныхъ, въ концѣ ноября, съ собравшимися людьми, вступилъ я въ назначенный мнѣ округъ, въ село Худиль, и, принявъ деревню съ жителями отъ гренадерскаго, короля прусскаго, полка, приступилъ къ формированiю поселенныхъ ротъ 1-го сапернаго баталiона. Между тѣмъ, главный надъ военными поселенiями начальникъ, графъ Аракчеевъ, возложилъ на меня составленiе проекта и смѣтъ для устройства штаба для 1-го сапернаго баталiона и перепРавки господскаго дома въ сельцѣ Великополѣ для помѣщенiя корпусной квартиры гренадерскаго корпуса, а 1824 года назначенъ я производителемъ работъ во всемъ томъ округѣ. Формированiе по-

селенныхъ ротъ, устройство корпусной квартиры, управленіе работами, для коихъ на лѣтнее время приходило ко мнѣ шесть баталіоновъ 9-й пѣхотной дивизіи, одна артиллерійская рота и одна военнорабочая; полицейскій порядокъ въ округѣ моемъ, а позимамъ поѣздки въ Петербургъ для составленія проектовъ и расчетовъ для работъ будущаго года лежали на моихъ плечахъ и я просилъ графа Аракчеева, чтобъ онъ меня избавилъ отъ фронтовой части и его сіятельство перевелъ меня въ инженерный корпусъ, съ оставленіемъ при военныхъ поселеніяхъ. Сдавъ ввѣренныя мнѣ роты, я занялся одними работами и построилъ корпусную квартиру и одну поселенную роту. Въ 1825 году, 19 марта, произведенъ я въ подполковники. Въ 1827 году я былъ назначенъ производителемъ работъ полковаго штаба гренадерскаго, императора австрійскаго, полка, гдѣ и докончилъ всѣ начатыя постройки, какъ то: экзерцицгаузъ, церковь, госпиталь, казарму баталіона кантонистовъ, ресторацію, домъ полковаго командира, четыре дома для офицеровъ, скотный дворъ, гауптвахту, мастерскую и къ онымъ прислуги и устроилъ шоссе на 6 верстъ. Таковыя занятія мои разнообразными должностями дѣлали меня извѣстнымъ какъ между поселянами, такъ и между дѣйствующими солдатами и начальниками, не только въ своемъ округѣ, но и въ сосѣднихъ. Австрійскіе поселяне высылались ко мнѣ для подвозки разныхъ матеріаловъ на шоссе и при отдѣлкѣ плаца; саперными—я прежде командовалъ самъ; прусскіе — потому, что я получилъ для сапернаго поселенія отъ ихъ округа деревни съ поселянами, кои въ прусскомъ полку имѣли родственныя связи и натурально, что послѣ отдѣленія ихъ ко мнѣ въ команду, были между ими сужденія: гдѣ служить лучше? При

работахъ, принялъ я за непремѣнное правило — уроки возвеличить до возможности выдѣлывать всякому, но за тѣмъ наблюдать строжайше, что ежели бы рабочій усиливъ трудъ, окончилъ урокъ свой заранѣе, то его отпускать въ тоже время домой и, по возвращеніи въ свой баталіонъ, чтобъ онъ въ этотъ день на другія работы или ученья, или въ караулъ высылаемъ небылъ. Трудно было до этого достичь, но я упорно устоялъ въ этомъ, и однимъ этимъ простымъ средствомъ довелъ до того, что уроки, возвеличенные до полутора раза, стали оканчиваться около 4-хъ часовъ вечера, а иногда и ранѣе; тогда я началъ задавать уроки недѣльные съ тѣмъ, буде они окончены будутъ прежде, то остальные дни могутъ работать на себя и въ пятницу будутъ отпускаемы въ Новгородъ на рынокъ для продажи своихъ издѣлій; успѣхъ превзошелъ ожиданія. О величинѣ уроковъ уже и помину небыло, всѣ они кончались въ четвергъ довольно рано и я заваленъ былъ выдачею позволеній идти на рынокъ въ городъ; довѣріе было общее. Обстоятельства эти много помогли мнѣ въ дни бунта въ военныхъ поселеніяхъ 1831 года.

По выступленіи дѣйствующихъ войскъ въ польскій походъ, въ поселеніяхъ остались только резервные баталіоны, составленные изъ кадръ старыхъ солдатъ и дополненныхъ кантонистами, дѣтьми военныхъ поселянъ.

Поселенные начальники какъ окружные, такъ и ротные, будучи въ зависимости отъ нижнихъ чиновъ и опасаясь жалобъ и доносовъ, вообще командовали слабо. Поселяне не любили начальства и, ежели повиновались, то единственно изъ страха, ибо поселенія были наполнены войсками, ненавидящими поселенія и поселянъ, въ особенности потому, что нигдѣ не было хуже стоянки на квартирахъ, какъ у поселянъ.

Вотъ положеніе, въ которомъ находились округа военнаго поселенія Новгородскаго отряда въ началѣ 1831 года, когда дѣйствующіе баталіоны гренадерскихъ полковъ выступили въ походъ при открытіи польской компаніи, а резервные баталіоны пѣхотныхъ полковъ, бывшіе на работѣ, въ составъ резервной арміи. Затѣмъ остались въ округахъ одни лишь резервные баталіоны своихъ полковъ, состоящіе изъ малаго числа старыхъ солдатъ и дополненные до комплекта дѣтьми военныхъ поселянъ, да въ каждомъ полку по военно-рабочей ротѣ, неимѣвшей строевой аммуниціи и вооруженія.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ холера начала распространяться. Въ Петербургѣ учреждены были уже особыя больницы для холерныхъ, установлены карантины повсемѣстно, наконецъ и мы получили предписаніе учредить карантины; но не смотря на то болѣзнь начала распространяться и между нами, около 10-го іюля.

Округомъ военнаго поселенія гренадерскаго, императора австрійскаго, полка, въ званіи начальника округа, командовалъ подполковникъ Бутовичъ; резервнымъ баталіономъ—маіоръ Султановъ, младшій штабъ-офицеръ былъ маіоръ Балашъ. Ротные командиры поселенныхъ ротъ были капитаны: 1-й — Саурскій, 2-й — Заикинъ, 3-й — Соколовъ, кто командовалъ 4-й—не помню, но, кажется, штабсъ-капитанъ Пановъ.

Я, въ чинѣ инженеръ-подполковника, распоряжался въ округѣ работами и, хотя былъ старшимъ въ округѣ, но въ управленіе не входилъ; въ томъ же округѣ былъ дѣловой дворъ и штабъ 5-го военно-рабочаго баталіона въ деревнѣ Пирожкахъ, гдѣ жилъ и командиръ сего баталіона маіоръ Москвинъ; а также и штабъ 6-го военно-рабочаго баталіона съ одной ротой, бывшей у

меня на работѣ. Шестымъ баталіономъ командовалъ маіоръ Галиновскій, а ротой—штабсъ-капитанъ Бриммеръ.

Черезъ Волховъ былъ, въ округѣ короля Прусскаго полка, паровой лѣсопильный и мукомольный заводъ, начальникомъ коего былъ артиллеріи подполковникъ Шиповъ, съ командою на заводѣ отъ 6-го военно-рабочаго баталіона. При 6-мъ баталіонѣ находилась и часть конно-рабочей команды съ 25-ю лошадьми, изъ коей мнѣ, для разъѣздовъ по работамъ, наряжалась пара лошадей. Всѣми войсками и округами командовалъ въ Новгородѣ генералъ-лейтенантъ Эйлеръ, а старшимъ по немъ былъ артиллеріи подполковникъ Боттомъ; былъ въ Новгородѣ гарнизонный баталіонъ, которымъ командовалъ маіоръ изъ нѣмцевъ, эскадронъ сибирскаго уланскаго полка, которымъ командовалъ маіоръ Воробьевъ; и, кажется, 24 орудія артиллеріи, два парохода и ластовой экипажъ съ судами.

Въ Воскресеніе, 12-го числа іюля, я, взявъ билетъ для пропуска черезъ карантинъ отъ Бутовича, ѣздилъ въ Сырковъ монастырь для поминовенія скончавшейся моей тетки; оттуда проѣхалъ въ Вяжецкій монастырь, гдѣ и обѣдалъ; тамъ были какіе-то купцы и разсказывали, что будто бы въ Петербургѣ отравляютъ людей, и совѣтывали и мнѣ остаться на нѣсколько дней въ монастырѣ, но я, отобѣдавъ, возвратился домой. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Бутовичъ и сказалъ, что холера стала сильнѣе и что въ госпиталь поступило разомъ 13 человѣкъ, и онъ думаетъ, для успокоенія людей, приказать отслужить молебенъ и съ крестнымъ ходомъ обойдти вокругъ штаба. При этомъ сказалъ мнѣ также, что прибывшій къ нему офицеръ изъ Петербурга говорилъ ему, что тамъ разсыпаютъ ядъ по улицамъ, и онъ сдѣлавъ пріемку, радъ былъ, что выр-

вался оттуда; въ послѣдніе же дни своего пребыванія въ Петербургѣ онъ самъ ночью ходилъ за водою, боясь отравы и, купивъ припасовъ, сварилъ себѣ кушанье. Я совѣтывалъ Бутовичу запретить ему говорить вздоръ.

На другой день, 13-го числа, былъ церковный парадъ и крестный ходъ, для чего я прекратилъ на утро работы и всѣмъ рабочимъ приказалъ быть въ церкви.

14-го числа приходилъ опять Бутовичъ ко мнѣ и принесъ бумагу, имъ полученную, чтобы усилить карантины, прекратить всякое сообщеніе съ Новгородомъ и, созвавъ комитетъ, посовѣтываться — какіе мѣры должно предпринять, и сказалъ мнѣ: «какъ карантинъ можетъ продолжится нѣсколько недѣль, то я полагаю, пока мы еще не заперты, послать завтра въ городъ лодку и сдѣлать закупки того, чего здѣсь достать нельзя; пошлю надежнаго унтеръ-офицера; ежели вамъ что нужно, напишите записку и съ деньгами пришлите ко мнѣ; вечеромъ лодку отправлю, чтобъ чуть свѣтъ успѣла вернуться и сдѣлать покупку».

15-го числа Бутовичъ собралъ у себя на квартирѣ комитетъ, назначили гдѣ поставить карантинную линію; карантины, будучи расположены по берегу Волхова, по коему ходятъ безпрерывно барки и лодки, то Бутовичъ и пригласилъ меня, чтобы посовѣтоваться: «немогу-ли я остановить работы въ штабѣ безъ чего карантинъ былъ бы не дѣйствителенъ?» Я ему сказалъ, чтобъ онъ увѣдомилъ меня официально о таковомъ положеніи комитета и тогда я остановлю и донесу начальству; но Бутовичъ мнѣ сказалъ, что онъ прямого приказанія о прекращеніи работъ не получалъ, но чтобъ съ пользою выполнить предназначеніе начальства, у коего это обстоятельство укрылось изъ виду, то онъ проситъ: «не могу-ли я самъ этого разрѣшить, покуда онъ не донесетъ отъ себя и

я неполучу отъ генерала Эйлера наставленія на счетъ продолженія работъ? Пообдумавъ дѣло и сообразя, что мнѣ будетъ можно дня на три занять людей на берегу Волхова работами, я согласился съ тѣмъ, чтобъ въ теченіи этого времени было ко мнѣ прислано рѣшительное постановленіе: производить или остановить работы? Я хотѣлъ отправиться домой, но въ гостиной нашелъ собравшихся многихъ полковыхъ дамъ. Бутовичева просила меня выпить чаю, а, между тѣмъ, дамы окружили меня и стали распрашивать: «о чемъ толковали въ комитетѣ?» Пошутивъ на счетъ ихъ любопытства я имъ сказалъ, что меня приглашали на счетъ приготовленія гробовъ, — что ежели которая изъ нихъ умретъ, то не было-бы остановки. Комитеты всегда собирались въ особенномъ домѣ; не знаю, почему Бутовичу вздумалось на этотъ разъ открыть присутствіе на своей квартирѣ, а это впослѣдствіи имѣло вліяніе на умы поселянъ.

II.

Бунтъ во 2-й поселенной ротѣ австрійскаго полка. — Панаевъ среди мятежниковъ. — Раздѣлъ бунтовщиковъ на двѣ партіи. — Рига. — Умирающіе и убитые офицеры. — Новыя убійства. — Аресты. — Истязаніе командира 3-й роты. — Участіе резервнаго баталіона въ мятежѣ. — Разоруженіе кантонистовъ. — Относъ знамени на квартиру Панаева. — Священникъ Лавръ. — Отсылка депутатовъ къ государю. — Безчинства въ штабѣ. — Распоряженія Панаева о сборѣ войскъ.

16 іюля 1831 года.

Утромъ 16-го іюля 1831 г. — рабочіе были выведены и работы назначены на берегу Волхова, внѣ карантинной линіи. Осмотрѣвъ оныя, я хотѣлъ было пройдти въ

штабъ, но на карантинной линіи былъ остановленъ, а потому и пошелъ домой. Въ этотъ день жена моя, послѣ родовъ дочери Екатерины, въ первый разъ вышла къ столу. Пообѣдавъ въ 1-мъ часу, я пошелъ въ кабинетъ и уснулъ по обычаю. Проснувшись въ 3 часа, я засталъ жену сидящею подъ окномъ и занятой какой то работой; она мнѣ очень хладнокровно сказала:

«Знаешь-ли, говорятъ во 2-й ротѣ бунтъ и Бутовичъ туда поѣхалъ».

— «Какой бунтъ? возразилъ я, откуда ты это знаешь?»

— «Солдатъ, что при цейхаузѣ, мнѣ сказалъ», отвѣчала она.

Я сейчасъ вышелъ и, отыскавъ на огородѣ означеннаго солдата, спросилъ его:

«Что такое дѣлается во 2-й ротѣ?» и онъ мнѣ отвѣтилъ: «что во 2-й ротѣ поймана женщина съ ядомъ и что Бутовичъ поѣхалъ въ кабріолетѣ съ лекаремъ, и онъ слышалъ, будто бы тамъ лекаря убили, а Бутовича сѣкутъ въ два кнута.»

Узнавъ это и будучи старшимъ въ округѣ, я приказалъ сейчасъ подать дрожки, пошелъ въ комнаты взять шпагу и фуражку.

Не зная что происходило во 2-й ротѣ, я поѣхалъ туда.

2-я рота находилась на Московскомъ шоссе въ двухъ верстахъ отъ полковаго штаба. Проѣхавъ штабъ, я остановился подлѣ службъ госпитальныхъ и, увидѣвъ солдата, который при этомъ строеніи былъ сторожемъ, спросилъ его: что дѣлается во 2-й ротѣ? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что сейчасъ проскакало нѣсколько поселянъ 4 роты туда и кричали, чтобы всѣ скакали во 2-ю роту, потому что тамъ отравляютъ. Я поѣхалъ далѣе и на

дорогѣ еще меня обогнали человѣкъ 8 верхами и когда я спросилъ ихъ: куда они такъ поспѣшно скачутъ? закричали: «выгонять холеру». Пріѣхавъ на площадь 2-й роты, я увидѣлъ человѣкъ до 300, стоящихъ въ разныхъ кучкахъ; сойдя съ дрожекъ, я подошелъ къ первой попавшейся кучкѣ и спросилъ ихъ: «что они тутъ дѣлаютъ!» Они отвѣчали что «выгоняютъ холеру!» при этомъ не сняли шапокъ.

«Гдѣ ваши начальники?»

Они отвѣчали, указывая на ригу: «вонъ тамъ лежатъ!»

— «Какъ лежатъ?»

— «Да такъ; положили, такъ и лежатъ; да что долго говорить, все одно племя, кладите и его! Государь приказалъ всѣхъ бить, ибо какіе то два генерала выстрѣлили по немъ на Исаакіевскомъ мосту въ Петербургѣ».

«Видя, что дѣйствія свои они основываютъ на мнимой волѣ государя императора, я употребилъ тоже средство противу нихъ. Обращаясь къ тому, который объяснилъ мнѣ это, я сказалъ: «ежели это воля государя, то конечно исполнить ее должно, но развѣ ты былъ въ Петербургѣ и самъ слышалъ какъ государь приказалъ?»

На это онъ мнѣ отвѣчалъ, показывая на другаго: «вотъ онъ такъ говоритъ».

Обратясь къ вновь показанному, я повторилъ тотъ же вопросъ; на что тотъ отвѣчалъ, что онъ самъ въ Петербургѣ не былъ, но слышалъ отъ проходящихъ мужиковъ на большой дорогѣ. Тогда я началъ имъ говорить, что—«этого еще недостаточно, и что слухъ этотъ можетъ быть ложный, что гораздо лучше было бы, когда бы они, вмѣсто того, чтобы повѣрить проходящимъ, зная меня и мое управленіе, подозрѣвая своихъ

начальниковъ въ отравленіи, обратились бы ко мнѣ какъ къ старшему въ округѣ. Не будучи прямымъ начальникомъ ихъ, я это дѣло разсудилъ бы безпристрастно, что для меня всѣ равны и я бы ихъ взялъ и посадилъ подъ арестъ, а, между тѣмъ, послали бы мы, изъ нихъ поселенъ, выбранныхъ для донесенія государю императору и, ежели начальники ихъ такіе изверги, что имѣли дерзновеніе идти противу государя и отравлять подчиненныхъ, то намъ самимъ не слѣдуетъ даже и марать рукъ своихъ въ ихъ крови, на то есть палачь, коего государь пришлетъ казнить по дѣламъ ихъ, — просилъ, чтобы они выдали мнѣ всѣхъ, коихъ подозрѣваютъ, только не налагая на нихъ рукъ своихъ, ибо какая польза бы была, ежели бы они убили виновнаго? Со смертію его потеряли бы мы средство открыть сообщниковъ, но что ихъ надо сохранить для допроса».

Рѣчь эта успокоила поселянъ, нѣкоторые изъ нихъ начали говорить: «А что ребята, вѣдь онъ говоритъ дѣльно», другіе начали возражать и кричать, чтобъ не вѣрили. Толпа увеличилась человѣкъ до 1,000 и поднялся шумъ; въ это время нѣсколько негодяевъ закричали: «Не слушайте, кладите всѣхъ на повалъ, ненадо намъ и государя!»

Тогда настала рѣшительная минута. «Какъ разбойники! Кто осмѣлился возстать на государя? Ребята! кто вѣренъ государю кричите ура!» и въ толпѣ закричали «ура!»

Я приказалъ кричавшимъ ура становиться ближе ко мнѣ и, вынувъ записную книжку началъ спрашивать имена тѣхъ, кои объявили себя вѣрными государю; и ко мнѣ начали толпиться прося, чтобъ ихъ записать. Такимъ образомъ удалось мнѣ наконецъ раздѣ-

лить бунтующуюся толпу на два раздѣла: однихъ, объявившихъ себя вѣрными; другихъ — желавшихъ убійствъ. Теперь, по крайнѣй мѣрѣ, я могъ дѣйствовать рѣшительнѣе въ кругу первыхъ и началъ имъ говорить, что я такъ и донесу государю, что они вѣрны ему и что всякое буйство падетъ на непослушныхъ. Къ толпѣ моей ежеминутно прибывали, другіе поскакали назадъ въ свои деревни, непослушныхъ осталось немного, да и тѣ кричать противъ государя не посмѣли. Тогда я началъ предлагать имъ, чтобы мнѣ выдали тѣхъ начальниковъ, кои лежали въ ригѣ, полагая, что они еще живы и имъ нужна помощь; но они долго не соглашались, увѣряя меня, что у нихъ положено изъ риги никого не выпускать живаго, но я, соединяя себя съ ними, сказалъ имъ: «Что за вздоръ, за что бы вы меня вздумали убить? Вѣдь вамъ надобно же оставить человѣка, который донесъ бы государю о всѣхъ происшествіяхъ, я, будучи посторонній человѣкъ, одинъ могу написать ему правду и все, что видѣлъ и слышалъ; пойдемте въ ригу!»

Въ сопровожденіи толпы перешелъ я московское шоссе къ ригамъ и тамъ увидѣлъ лежащими: подполковника Бутовича въ сюртукѣ и бѣлой жилеткѣ, два ребра были выворочены; кантонистъ кидалъ ногою его эполетъ. Прикрикнувъ на кантониста, какъ онъ смѣлъ жалованные государемъ эполеты бросать съ такимъ презрѣніемъ, я приказалъ сейчасъ же пристегнуть оные къ умирающему Бутовичу и подошелъ къ нему. Бутовичъ открылъ глаза и, узнавъ меня, сказалъ: «ахъ, Николай Ивановичъ, что будетъ, когда начальство узнаетъ о всѣхъ этихъ безпорядкахъ!» Тутъ онъ попросилъ пить и я приказалъ принести ему воды; онъ напился и сказалъ мнѣ: «передайте мое благословеніе

женѣ и дѣтямъ!» У ногъ его лежалъ убитый штабъ-лекарь, подлѣ него ротный командиръ Забѣлинъ; онъ былъ еще живъ и судорожно обращалъ глазами, но былъ безъ всякаго сознанія и не говорилъ; по другую сторону лежалъ Пановъ, ничкомъ, и оказывалъ жизнь хрипѣніемъ.

Видя, что никакой помощи оказать имъ уже нельзя и къ тому же раздался крикъ, что привезли Саурскаго и везутъ Султанова, я вышелъ изъ риги, чтобы спасать ихъ и обратился къ ближайшему Саурскому; но въ разстояніи шаговъ 20-ти подскакалъ ко мнѣ поселянинъ со шворнемъ отъ телѣги въ рукахъ, похваляясь, что сразу выпустилъ духъ Саурскаго, котораго выкинули изъ телѣги и за ноги потащили въ ригу съ неистовыми воплями. Видя, что тутъ уже мнѣ нечего дѣлать, обратился я къ той толпѣ, которая кинулась на встрѣчу маіору Султанову, но его уже убили кольями и жердями отъ забора и тащили по землѣ въ ригу.

Въ сихъ обстоятельствахъ, оставшись съ тѣми изъ поселянъ, кои не поспѣли или не хотѣли участвовать въ сихъ двухъ убійствахъ, я не пошелъ уже въ ригу, но, перейдя шоссе, началъ вновь уговаривать о прекращеніи убійствъ.

Извощики шедшаго въ то время обоза, бросивъ лошадей, прибѣжали и тоже нѣкоторые изъ нихъ кричали: «не слушайте! бейте всѣхъ на повалъ; въ Петербургѣ умѣли съ ними управиться православные».

Замѣчательно, что сообщеніе по Московской дорогѣ не прерывалось и что пьяныхъ ни поселянъ, ни извощиковъ не было.

Уговаривая поселянъ, я обѣщалъ имъ, что если они выберутъ отъ себя хожалыхъ, то я имъ дамъ билетъ къ

самому государю императору и тогда они могутъ разсказать лично его величеству всѣ обстоятельства и принести жалобы; они сомнѣвались, будутъ-ли допущены и нѣкоторые просили меня ѣхать съ ними въ Петербургъ, чего мнѣ сдѣлать было невозможно: не на кого было оставить какъ свое семейство, такъ и другихъ во время сихъ безпокойствъ. Между тѣмъ привели еще двухъ офицеровъ; одного завѣдывавшаго полковыми мастерскими, другаго изъ нѣмцевъ; но ихъ уже не убили, а отдали ко мнѣ подъ арестъ и объявили, что теперь остается взять командира 3-й роты, капитана Соколова, который въ своей ротѣ укрѣпился. Услышавъ, что г. Соколовъ укрѣпился въ ротѣ, я полагалъ найти тутъ точку опоры и, соединившись съ нимъ начать усмирять бунтъ. Я, для того, сталъ имъ говорить: «что такъ какъ мы слушаемся государя, то конечно Соколовъ насъ не тронетъ и чтобы я поѣхалъ къ нему, объяснилъ бы подробно все и съ нимъ бы пріѣхалъ къ вамъ». Многіе на сіе согласились и я, приказавъ подать дрожки мои, поѣхалъ въ 3-ю роту, радуясь, что нашелся человѣкъ, который умѣлъ сохранить команду. По шоссе были разсыпаны щебенки, а потому я поѣхалъ мимо связей; но поселяне, отпустя меня, чрезъ минуту погнались; я скакалъ во весь духъ и выѣхалъ къ мосту на шоссе, опередивъ на версту поселянъ, коимъ мѣшала разсыпанная по дорогѣ щебенка, а по обочикамъ прорытые водостоки. Уже 3-я рота была въ виду, какъ я усмотрѣлъ толпу въ ротныхъ воротахъ. Полагая, что это Соколовъ идетъ на усмиреніе, я приказалъ пустить лошадей, но, подскакавъ ближе, замѣтилъ, что человѣкъ 20-ть, верхами, ведутъ или, лучше сказать, тащутъ Соколова за веревку привязанную за шею, а сзади и вся рота тол-

пою. Я остановился и объявилъ имъ, что товарищи ихъ во 2-й ротѣ избрали меня своимъ начальникомъ и что они слушаются государя императора и хотятъ послать къ государю съ донесеніемъ и положили: до тѣхъ поръ, пока возвратятся посланные изъ Петербурга, не буйствовать, не убивать, а отдавать ко мнѣ подозрѣваемыхъ людей для содержанія подъ арестомъ. Времени для разговоровъ много не было; будучи стѣсняемъ спереди 3-й ротой, а сзади посланными въ догонку за мною изъ 2-й роты, я только успѣлъ приказать снять веревку съ шеи Соколова, на коей онъ задыхался.

Соединившись въ общую толпу, поселяне нѣкоторые кричали: «ведите разбойника на судище во 2-ю роту, тамъ мы съ нимъ расправимся», и толпа пошла во 2-ю роту. Я ѣхалъ съ ними, но предъ концемъ дороги нѣсколько обогналъ и подъѣхалъ къ оставшимся въ ротѣ менѣе буйнымъ; разсказалъ имъ, чтобы его не трогали, а отдали бы мнѣ подъ арестъ или отправили бы съ тѣми, кои пойдутъ съ жалобами въ Петербургъ. Мнѣнія были разныя: кто кричалъ посадить его за желѣзную рѣшетку, кто предлагалъ тащить въ ригу и тамъ покончить, т. е. убить. Въ это время привели Соколова, шумъ умножился; партія неистовыхъ потащила его въ ригу на убійство, моя — бросилась отнимать и рвала его на гауптвахту, осыпая побоями какъ та, такъ и другая. Разъ 12 несчастный Соколовъ былъ перетаскиваемъ поперегъ шоссе, смотря потому, которая партія одерживала верхъ; наконецъ моя партія одолѣла и безчувственнаго Соколова утащили на гауптвахту.

Въ то время, когда была борьба за Соколова, я увидѣлъ унтеръ-офицера съ нѣсколькими нашивками на рукавѣ, лежавшаго ничькомъ на крыльцѣ и горько пла-

чущаго; на вопросъ мой: «о чемъ онъ плачетъ?» онъ, показывая на Соколова, сказалъ: «что дѣлается! убиваютъ не командира, а отца!» Я началъ ему говорить, что вмѣсто того, чтобы плакать въ сторонѣ, онъ пошелъ бы лучше туда и старался уговорить поселянъ, чтобъ его оставили и отдали мнѣ. Онъ побѣжалъ туда, но непрошло двухъ минутъ, какъ, пробившись съ нѣсколькими поселянами на помощь Соколову, я увидѣлъ тогоже унтеръ-офицера съ коломъ въ рукѣ бьющаго его.

— «Что ты дѣлаешь! не самъ-ли ты мнѣ говорилъ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ?» —

На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «уже видно, что теперь пора такая, ваше высокоблагородіе, видите, что весь міръ бьетъ, что-жъ я буду стоять такъ!»

Вотъ образецъ сужденій большей части людей въ такихъ случаяхъ; уговаривать ихъ можно штыкомъ или пушкою.

Едва я успѣлъ управиться съ Соколовымъ, какъ ко мнѣ прибѣжали нѣсколько поселянъ и со страхомъ кричали, что идетъ баталіонъ и всѣхъ перестрѣляетъ. Я обратился въ ту сторону куда показывали и увидѣлъ, что резервный баталіонъ приближается въ колонѣ сомкнутой и строится около гауптвахты; впереди же маіоръ Балашъ съ нѣсколькими человѣками, имѣющими ружья на перевѣсъ, шагахъ въ 30-ти отъ колонны, идетъ къ намъ. Полагая, что маіоръ осматриваетъ позицію, я сказалъ поселянамъ, что пойду переговорить съ маіоромъ, чтобъ не стрѣлялъ; пошелъ къ нему на встрѣчу и, подходя, сказалъ: «ну, слава Богу, что вы пришли». Но маіоръ Балашъ мнѣ отвѣтилъ: «что дѣлать, я невиноватъ ни въ чемъ, ведутъ меня убивать!»

Видя, что и тутъ нѣтъ спасенія, я отправился къ

баталіону и оный остановилъ, скомандовавъ издали: «баталіонъ стой!» Подошедши ближе, я началъ говорить солдатамъ, что поселяне выбрали меня надъ собою начальникомъ, что мы вѣрны государю императору, что Бутовичъ убитъ и потому я, какъ старшій въ округѣ, принялъ на себя командованіе; повторивъ все то, что говорилъ поселянамъ на счетъ офицеровъ, посаженныхъ на гауптвахту, я приказалъ кричать государю ура. Баталіонъ закричалъ ура; человѣкъ шесть офицеровъ были по флангамъ взводовъ по уставу.

Маіора Балаша привели ко мнѣ обратно, но покуда я распоряжался около баталіона, поселяне, побѣдивъ страхъ, начали подходить и разговаривать и одинъ схватилъ за воротъ офицера Ганемана. Баталіонъ, состоя изъ кантонистовъ и старыхъ солдатъ, выдалъ имъ своего офицера, котораго я однако успѣлъ отнять и, чтобъ утишить волненіе, приказалъ ему идти на гауптвахту. Между тѣмъ началъ я распрашивать офицеровъ въ какомъ духѣ люди? они мнѣ сказали, что старые солдаты имъ объявили, что они ихъ не тронутъ, но и защищать не будутъ; кантонисты же положили отдать ихъ своимъ отцамъ, военнымъ поселянамъ, чтобъ дѣлали съ ними, что хотятъ. Разсмотрѣвъ пристальнѣе баталіонъ, я увидѣлъ, что одной роты недостаетъ и на вопросъ: гдѣ одна рота? Балашъ мнѣ сказалъ, что была взята Бутовичемъ и гдѣ теперь — неизвѣстно. Баталіонъ этотъ пришелъ дня за два изъ лагеря и былъ поставленъ за карантинною линіею въ ригахъ, и всякое сообщеніе съ семействами было прервано, это поселило большой ропотъ. По собраннымъ справкамъ и по всему, что я видѣлъ и слышалъ, я вздумалъ обезоружить кантонистовъ, и для того приказалъ старымъ солдатамъ выйдти на флангъ своихъ

ротъ, а кантонистамъ, поставивъ ружья въ козлы, снять аммуницію и повѣсить на штыки, самимъ же имъ идти къ отцамъ на квартиры; а старыхъ солдатъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: одной ротѣ приказалъ занять гауптвахту, другой — отправиться въ штабъ — отнести съ церемоніей знамя, и, поставивъ на моей квартирѣ, оставить караулъ въ 30 человѣкъ, а остальнымъ людямъ 2-й роты вмѣстѣ съ таковыми 3-й роты занять главную гауптвахту въ полковомъ штабѣ, гдѣ находиться и маіору Балашу со всѣми офицерами и, занявъ всѣ посты въ штабѣ, охранять полковой ящикъ. Отдавъ такое приказаніе, ружья съ аммуниціей кантонистовъ велѣлъ я перенести въ находящуюся подлѣ гауптвахты ротную школу, а поселянамъ приказалъ выбрать по три человѣка изъ роты, для отправленія въ Петербургъ съ донесеніемъ къ государю императору обо всемъ, что случилось. По отбытіи моемъ отъ баталіона, поручикъ Черновъ хотѣлъ было нести знамя и приказалъ становиться людямъ во фронтъ, но никто не хотѣлъ слушать, знамя нести не соглашались, говоря, что оное лучше бы оставить не у меня на квартирѣ, а на гауптвахтѣ въ ротѣ. Черновъ не соглашался нарушить приказаніе и какъ люди разбрелись, то онъ, взявъ барабанщика и поднявъ въ одну руку знамя, а въ другую полусаблю, приказалъ ударить подъ знамена и пошелъ одинъ съ барабанщикомъ. Солдаты, увидя, что знамя уносится, а взвода нѣтъ, начали къ нему пристроиваться, такъ что наконецъ набралось человѣкъ 20-ть. Тогда Черновъ отдалъ знамя унтеръ-офицеру, въ порядкѣ пришелъ въ штабъ и, остановившись у моей квартиры, отдалъ честь знамени и, внеся его въ комнаты, поставилъ

часоваго, а съ остальными людьми остался въ караулѣ у квартиры моей.

Покончивъ съ поселянами выборъ людей, посылаемыхъ къ государю, я назначилъ имъ ротныхъ командировъ изъ числа оставшихся офицеровъ. Три роты ихъ приняли, одна нехотѣла и сказала: «что найметъ себѣ начальника, выбравъ къ тому одного унтеръ-офицера, съ обѣщаніемъ платить ему по 10 коп. мѣдью, съ каждаго дома, въ день». Утвердивъ, по необходимости, этотъ выборъ, ибо для меня нужно было, чтобъ кто нибудь выполнялъ мои распоряженія, я приказалъ еще назначить въ распоряженіе мое 24 человѣка верхами на лошадяхъ для разъѣздовъ и 12-ть человѣкъ стариковъ изъ почетныхъ поселянъ, чтобы съ ними вмѣстѣ составить комитетъ управленія подъ моимъ предсѣдательствомъ; а старый комитетъ, въ которомъ они хотѣли искать дѣло объ отравѣ и о полученныхъ будто бы отъ поляковъ 5 милліонахъ денегъ, я, для сбереженія дѣлъ и чтобы избѣжать расхищенія суммъ, приказалъ запечатать, увѣривъ ихъ, что когда все успокоится, тогда я соберу отъ всѣхъ ротъ выборныхъ и при нихъ порядкомъ разберемъ дѣла; и какъ многіе желали раздѣла этихъ суммъ, то сотавимъ раздаточные списки и, разсчитавъ по скольку придется на каждаго, раздадимъ въ порядкѣ; теперь же начать сего нельзя, ибо въ такомъ безпорядкѣ одинъ захватитъ много, другому ничего недостанетъ. Тутъ какой то поселянинъ принесъ ко мнѣ около 4000 руб. асс. денегъ, объявивъ, что нашелъ ихъ въ карманѣ у штабсъ-капитана Панова и что эти деньги должны быть тоже полученныя отъ поляковъ, которыя я принялъ и тутъ же отдалъ ихъ на прогоны тѣмъ, кои выбраны были ѣхать въ Петербургъ съ донесеніемъ. Въ это вре-

мя капитанъ Соколовъ пришелъ въ память и, невидя на гауптвахтѣ караула, ибо солдаты распоряженій моихъ не слушали и кромѣ Черныцова, умѣвшаго собрать взводъ къ знамени, всѣ разошлись, подумалъ что пришло время скрыться и для того бросился бѣжать на дровяной дворъ и спрятался тамъ между дровами, но кто-то его увидѣлъ и закричалъ, тогда всѣ бросились за нимъ на дровяной дворъ и я думалъ, что его непремѣнно убьютъ; однако, какъ дѣло было уже рѣшено, чтобъ ждать рѣшенія государя, то его, чтобъ имѣть свидѣтеля, оставили живымъ. Въ то же время явился ко мнѣ капитанъ Носовъ. Этотъ офицеръ командовалъ прежде разными ротами, зналъ всѣхъ людей и былъ извѣстенъ каждому; онъ много мнѣ способствовалъ къ усмиренію бунта и я назначилъ его адъютантомъ. Приказавъ отправлявшимся въ Петербургъ пріѣхать ко мнѣ въ штабъ за билетомъ, я хотѣлъ уже отправиться домой и распустилъ поселянъ по домамъ, какъ увидѣлъ, что старшій священникъ нашъ, отецъ Лавръ, ѣдетъ изъ Новгорода въ роту. Мнѣ доложили, что ѣдетъ священникъ и что его остановили, то такъ какъ и онъ членъ комитета, то неприкажу-ли я позвать его, чтобы распросить: не знаетъ ли онъ о присылкѣ денегъ отъ поляковъ?

Желая переговорить со священникомъ на счетъ обстоятельствъ и воспользоваться его знаніемъ поселянъ и вліяніемъ его духовнаго сана, я приказалъ его позвать къ себѣ; священникъ сказалъ поселянамъ, что онъ поѣдетъ ко мнѣ, но, вмѣсто того, ударилъ по лошади и хотѣлъ ускакать, но ему перегородили дорогу и, коломъ ударивъ лошадь по головѣ, раздробили священнику руку и притащили ко мнѣ. Священникъ, оторопѣвъ, началъ мнѣ оправдываться и божиться,

что онъ ничего незнаетъ; чтобъ прекратить шумъ, я приказалъ ему взять изъ часовни крестъ и выйдти къ поселянамъ; въ часовнѣ дверь была заперта, я приказалъ ее выломать, но какъ тамъ были только мѣстные образа, то я, взявъ икону съ гауптвахты, отдалъ священнику въ руки и приказалъ вынесть на крыльце къ собравшейся толпѣ.

Я началъ требовать, чтобъ они дали мнѣ присягу, что остаются вѣрными государю и что болѣе буйствъ дѣлать не будутъ. Поселяне же потребовали отъ меня, чтобъ я самъ далъ обѣщаніе, что я все какъ было разскажу государю. Я обѣщалъ и, перекрестившись, приложился къ образу, а за мною и всѣ поселяне стали прикладываться; тутъ только я увидѣлъ, что священникъ держалъ образъ ликомъ къ низу. Послѣ этого я распустилъ всѣхъ и съ 24-мя конными поѣхалъ домой.

По прибытіи моемъ въ штабъ, я нашелъ уже тамъ одну толпу бунтовщиковъ, которая ходила по квартирамъ офицерскимъ и искала спрятавшихся офицеровъ, лекарей, писарей и прочихъ должностныхъ лицъ. Я разогналъ ихъ съ помощію находившагося при мнѣ конвоя и приставилъ къ комитету караулъ; запечатавъ двери и учредивъ разъѣзды и патрули, я отправился къ себѣ на квартиру, это было въ 11 часовъ вечера. Тутъ я нашелъ всѣхъ офицерскихъ женъ, кои, узнавъ, что я усмиряю бунтъ, бросились спасаться къ моей женѣ. Здѣсь были: Бутовичева, Султанова, коихъ мужья были въ моихъ глазахъ убиты; всѣ окружили меня и спрашивали: что дѣлаютъ ихъ мужья и скоро-ли будутъ назадъ? Я успокоивалъ ихъ сколько могъ и не сказалъ о постигшей ихъ участи.

Между тѣмъ ко мнѣ пріѣхали тѣ поселяне, кои отправлялись въ Петербургъ, для полученія билета.

Я написалъ имъ обыкновенный видъ безъ всякой другой бумаги и отправилъ въ Петербургъ, приказавъ взять съ собою унтеръ-офицера путей сообщенія и дѣвку, которая обличала его, что у него былъ ядъ и отъ коего, какъ я послѣ узналъ, произошла вся эта тревога. Я опасался оставить ихъ въ округѣ, чтобъ ихъ не убили, ибо толпа вновь окружила мой домъ, узнавъ, что полковая акушерка находится у меня, и которая съ почты утромъ получила письмо, присланное изъ Польши.

Я позвалъ нѣсколькихъ стариковъ въ комнату и сказалъ имъ, что какъ жена моя недавно родила, то и имѣетъ надобность въ акушеркѣ; письмо же, полученное ею, было отъ полковаго штабъ-лекаря, а ящикъ ею въ домъ принесенный, была шкатулка съ разными вещами и высочайшими подарками, полученными ею за службу ея; они настояли, чтобъ все это имъ показано было и, разсмотрѣвъ, оставили ее въ покоѣ, какъ равно и иностранца Ламони, бывшаго у меня помощникомъ, въ чинѣ 10 класса.

Оставшись одинъ, я написалъ три экземпляра раппорта, одинакаго содержанія, къ начальствующему въ городѣ—генералъ-лейтенанту Эйлеру, гдѣ, написавъ все кратко и донося, что при мнѣ нѣтъ болѣе людей, какъ человѣкъ 80, просилъ его прислать хотя одну роту и, ежели можно, помѣстить на пароходъ хотя одно или два орудія. Донесеніе послалъ я съ болѣе надежными людьми изъ мастеровыхъ 6-го баталіона по тремъ разнымъ дорогамъ. Послѣ того далъ я предписаніе командирамъ 5-го и 6-го военно-рабочихъ баталіоновъ,—собравъ людей имѣющихся на лице, явиться ко мнѣ къ 5-ти часамъ утра, какъ равно и начальнику лѣсопильнаго завода, подполковнику Шипову, прислать всѣхъ

излишнихъ людей, на заводѣ въ работѣ бывшихъ. Конно-рабочую команду, снабдивъ сѣдлами фурлейтскими изъ мастерской, обратилъ въ кавалерійскій отрядъ, вооруживъ ружьями со штыками, бывшими въ мастерской въ починкѣ; приказалъ равно собраться и всей инвалидной командѣ, бывшей при домахъ, госпиталѣ и другихъ заведеніяхъ. Потомъ объѣхалъ весь штабъ и по всѣмъ дорогамъ разставилъ караулы....

III.

Спасеніе маіора Москвина. — Перехватъ поселянами раппортовъ Панаева. — Замыселъ взорвать штабъ. — Подвигъ унтеръ-офицера Перекопаева. — Повѣрка денежныхъ суммъ. — Расправа за безчинство. — Выговоръ высшаго начальства. — Помѣщикъ Литвиновъ. — Перебѣжчики и возмутители.

17 іюля 1831 г.

Къ утру 17 Іюля 1831 г. начали собираться ко мнѣ люди, впрочемъ невооруженные; я приказалъ вооружить ихъ топорами и ломами. Между тѣмъ еще на разсвѣтѣ явились ко мнѣ съ дѣловаго двора 5-го рабочаго баталіона 4 человѣка съ предложеніемъ взять баталіоннаго командира и посадить его подъ арестъ, а денежный ящикъ раздѣлить по солдатамъ. Приказавъ денежный ящикъ хранить до моего приказанія, на счетъ маіора Москвина я сказалъ имъ, что по утру рано онъ будетъ у меня, тогда я самъ распоряжусь съ нимъ и, записавъ ихъ имена, отпустилъ, приказавъ исполнять всѣ приказанія, которыя будутъ получать отъ меня. Въ ту же ночь посланъ былъ уланскаго полка маіоръ Воробьевъ изъ Новгорода въ разъѣздъ, какъ скоро узнали о бунтѣ и онъ, доѣхавъ до Комлова, остановил-

ся, а самъ съ трубачемъ и двумя карабинеръ-уланами доѣхалъ до того мѣста, гдѣ убивали офицеровъ. Поселяне такъ испугались, что бросились ко мнѣ донести, что татары наступаютъ и что они укладываются на телѣги и хотятъ удалиться въ лѣсъ.

Москвинъ, не зная, что его люди тоже бунтуются, въ 5-ть часовъ по утру пріѣхалъ ко мнѣ и, подавъ раппортъ, сколько людей на лице выйдетъ изъ его баталіона и расчитывая на 6 баталіонъ и разныя другія команды мною собранныя, считалъ, что можетъ собрать всѣхъ человѣкъ до 600; будучи увѣренъ, что всѣ будутъ дѣлать, что мы прикажемъ, полагалъ взять всѣхъ зачинщиковъ и отправить въ городъ; но когда я ему сказалъ, что ночью приходили ко мнѣ съ предложеніемъ его самого взять, онъ мнѣ не повѣрилъ, но вышелъ отъ меня, справился у приверженныхъ къ нему и тѣ ему посовѣтовали какъ можно скорѣе скрыться; онъ возвратился ко мнѣ и просилъ совѣта — что дѣлать? Я присовѣтовалъ ему: взявъ отъ меня бумаги къ генералу Эйлеру, а ежели его въ городѣ нѣтъ, то къ губернатору Депферу, явиться и объяснить лично мое положеніе и просить помощи, хотя небольшой числомъ, но состоящей изъ людей, на вѣрность коихъ положиться можно, ибо люди его баталіона въ такомъ же расположеніи, какъ и поселяне; люди 6-го баталіона объявили, что противу поселянъ не пойдутъ; инвалидная команда не надежна, а люди съ пароваго завода объявили, что они отправятся обратно, ибо въ ихъ округѣ бунтуютъ, а они оставили тамъ свои семейства.

Москвинъ, переодѣвшись въ солдатскую шинель, отправился съ лодкой, посланной съ казенными вещами въ Новгородъ; въ лодку онъ посадилъ свою жену,

а самъ съ двумя солдатами тащилъ ее на бичевѣ и, такимъ образомъ, прошелъ чрезъ штабъ своего баталіона и, уже миновавъ оный, сѣлъ въ лодку, которую два раза обыскивали его же солдаты и поселяне.

Отправивъ Москвина, я вышелъ къ собраннымъ людямъ, но духъ ихъ мнѣ не показался хорошимъ и для того, уговаривая ихъ быть послушными начальству, недозволять поселянамъ бушевать и бить начальниковъ а быть вѣрными присягѣ и государю, я нашелъ за лучшее ихъ распустить, приказавъ быть готовыми, когда потребуютъ.

Немного погодя по отпускѣ рабочихъ, разъѣзды мои дали знать, что въ 3-й ротѣ сбираются поселяне ѣхать ко мнѣ—спросить: почему я писалъ секретныя бумаги и послалъ ночью въ Новгородъ, требуя помощи? Два раппорта мои были перехвачены и, черезъ полчаса, явились человѣкъ полтораста верхами, съ кольями, саблями, нѣкоторые имѣли охотничьи ружья и какіе то алебарды; откуда они ихъ взяли—этого я понять не могу, но только одна и до сихъ поръ у меня сохраняется. Они стали кричать, что ихъ обманываютъ, просятъ помощи противъ нихъ.

Я, помолившись Богу, вышелъ на крыльцо, незная что отвѣчать имъ, но, на первый разъ, приказалъ снять шапки, сойти съ лошадей, молчать и бросить колья и ружья; послѣ того я имъ сказалъ: «такъ-ли слѣдуетъ пріѣзжать къ начальнику? Чего вы хотите?» Они показали мнѣ два мои раппорта и спрашивали: «я ли писалъ и почему къ нѣмцамъ?» На первый вопросъ я отвѣчалъ имъ, что писалъ дѣйствительно я, но что они мужики, а не солдаты, что воинскій уставъ приказываетъ начальникамъ, кто бы они ни были, писать раппортами, но что имъ этого не понять, потому что ни-

когда не служили и устава не знаютъ и, обращаась къ одному унтеръ-офицеру съ анненскимъ крестомъ и шевронами на рукавѣ, сказалъ: «вотъ старый служивый такъ это знаетъ; неправда ли старина, что начальникъ, до тѣхъ поръ, пока начальникъ, всегда получаетъ раппорты и честь ему отдается?» Тотъ отвѣчалъ: «знаю, ваше высокоблагородіе, да вотъ какъ я служилъ въ дѣйствующихъ и стояли въ Кіевѣ, то на главной гауптвахтѣ сидѣлъ генералъ и мы всѣ становились предъ нимъ во фронтъ, снимали шапки и говорили: ваше превосходительство, а какъ потомъ пріѣхалъ маіоръ съ аудиторомъ, да прочли бумагу, то его взяли и повезли въ Сибирь». Всѣ поселяне стали извиняться передо мною, что они этого не знали; имъ показалось и Богъ знаетъ что такое, а теперь будутъ знать и до тѣхъ поръ, пока ихъ посланные не возвратятся отъ государя и не привезутъ приказанія, что дѣлать съ генераломъ Эйлеромъ, то ему должно писать раппорты. Побранивъ ихъ за подозрѣніе къ начальству, которое всегда знаетъ, что нужно дѣлать, болѣе чѣмъ подчиненные, я отпустилъ ихъ.

Въ тоже утро началось буйство въ округѣ гренадерскаго, короля прусскаго полка. Поселяне перехватили двухъ офицеровъ, спасавшихся на нашемъ берегу Волхова, но уже не убили ихъ, а привели ко мнѣ на гауптвахту, такъ что у меня уже было 38 человѣкъ подъ арестомъ.

Часовъ въ 10 нѣсколько человѣкъ пришли мнѣ объявить, что у нихъ въ ротѣ нашлось 30 боченковъ пороху, до 300 ружей и нѣсколько ящиковъ патроновъ и что поселяне хотятъ этотъ порохъ привести въ штабъ и подорвать строенія. Я отвѣчалъ на это, что ежели они рѣшатся на это, то ни одного до-

ма ихъ не останется на мѣстѣ, а для того лучше этотъ порохъ и ружья отправить на лодкѣ въ Новгородъ, пусть тамъ дѣлаютъ съ нимъ что хотятъ, а намъ его не надо. Совѣтъ мой былъ принятъ и я, нагрузивъ лодку порохомъ и ружьями, при запискѣ отправилъ въ Новгородъ; но въ то время на Волховѣ стоялъ пароходъ, который лодку отправилъ назадъ и уже по вторичной моей посылкѣ порохъ приняли, но вмѣстѣ съ нимъ удержали и людей, бывшихъ на лодкѣ, а это чуть мнѣ не стоило головы. Поселяне, подумавъ, что я нарочно ихъ выдалъ, приступили на другой день ко мнѣ и, если бы не знамя, бывшее въ моихъ рукахъ, которое, въ случаѣ какого либо насилія, я обѣщалъ сжечь, то дѣло было бы плохо.

Унтеръ-офицеръ Перекопаевъ, стоявшій въ караулѣ при знамени, собравъ 30 человѣкъ, удерживалъ цѣлый день поселянъ, а къ вечеру предложилъ, взявъ денежный ящикъ и знамя, пробиться на штыкахъ въ городъ. За такой подвигъ я произвелъ его, именемъ государя императора, въ прапорщики, но идти въ городъ не могъ, ибо бунтовщики перебили бы всѣхъ арестантовъ и женъ и дѣтей офицерскихъ.

На второй же день я приказалъ, при депутатахъ со стороны поселянъ и при парадѣ изъ взвода резервнаго баталіона, перенести ко мнѣ высочайше пожалованную грамоту полку на владѣніе землями и перевезти денежный ящикъ. Грамоту вынесъ изъ комитета штабсъ-капитанъ Носовъ и отдалъ унтеръ-офицеру и двумъ депутатамъ ассистентамъ со стороны поселянъ. Взводъ отдалъ честь съ пробитіемъ похода и процессія отправилась ко мнѣ на квартиру; два караула, по дорогѣ бывшіе, выходили и отдавали честь съ походомъ; на крыльцѣ моего дома я, въ сопровожденіи офицеровъ,

явившихся ко мнѣ въ мундирахъ и шарфахъ, встрѣтилъ грамоту, и взводъ опять отдалъ честь съ пробитіемъ похода. Грамоту унтеръ-офицеръ съ двумя ассистентами внесли въ комнату и положили на прикрытый столъ подъ знаменемъ.

Послѣ сего депутаты отъ ротъ, въ присутствіи офицеровъ, сняли печати съ ящика, повѣрили всѣ находившіяся суммы и, сдѣлавъ опись въ 6-ти экземплярахъ, за подписомъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ и 3-хъ депутатовъ отъ каждой роты, одинъ экземпляръ положили въ ящикъ, четыре отдали депутатамъ каждой роты, а 6-й я оставилъ при дѣлахъ окружнаго комитета. Денежный ящикъ заперли и запечатали, кромѣ казенной печати, моею, наличныхъ офицеровъ и поселянскими, сколько могли найти у солдатъ въ то время.

Поставили ящикъ у меня подлѣ крыльца и приставили часоваго.

Въ этотъ же день приказалъ я по числу убитыхъ офицеровъ сдѣлать въ мастерскихъ 8 гробовъ, но настоялъ, чтобы до 3-го дня не хоронили, ибо невѣрилъ поселянамъ и полагалъ, что офицеры можетъ быть еще живы. Едва я кончилъ повѣрку суммъ, какъ донесли мнѣ, что въ с. Богословѣ, гдѣ назначена была дивизіонная квартира, поселяне ворвались и ломаютъ деревья и бьютъ въ оранжереѣ стекла; я сейчасъ созвалъ депутатовъ, коихъ распустилъ было по ротамъ, и сталъ имъ говорить, что поселяне безчинствуютъ, ломаютъ въ государевомъ саду деревья и бьютъ стекла, что это не хорошо и за это надо ихъ наказать. Депутаты мнѣ отвѣчали, что это вѣрно пьяные, «вѣдь теперь иному море по колѣно»; однако сейчасъ отправились и привели ко мнѣ 8 человѣкъ; я приказалъ дать имъ по 25 палокъ, и они тутъ же ихъ наказали;

когда тѣ роптали, что они же меня выбрали въ начальники и я же ихъ наказую, то депутаты говорили: «на то начальникъ, чтобъ за нами смотрѣлъ; безъ начальника быть нельзя, вотъ и у забора есть столбы, какъ бы ты закрѣпилъ заборъ безъ нихъ»? Философія эта мнѣ весьма полюбилась, и я увидѣлъ, что народомъ управлять можно.

Послѣ обѣда, часовъ около 4-хъ, разъѣзды мои донесли мнѣ, что въ прусскомъ полку поселяне мучительски истребили своихъ начальниковъ и присылали узнать къ намъ въ 4-ю роту: кого у насъ выбрали въ начальники? Имъ отвѣчали, что *строителя*, они поскакали обратно и выбрали отставнаго инженеръ-капитана Костирева, производителя работъ въ ихъ округѣ. Я послалъ тотчасъ же предписаніе Костиреву, чтобъ, занявъ въ Собачьихъ Горбахъ паромъ военно-рабочими и учредивъ изъ конно-рабочихъ конную команду, поддерживалъ со мною сообщеніе 4 раза въ день и присылалъ свѣдѣнія о всякомъ приключеніи; чтобы послалъ, подобно мнѣ, депутатовъ къ государю съ повинною головою въ Петербургъ.

Командиръ лѣсопильнаго завода явился самъ ко мнѣ, какъ къ старшему по службѣ. Знавши, что изъ числа трехъ моихъ раппортовъ два перехвачены, а одинъ долженъ дойдти, я ждалъ ежечасно помощи изъ города и, когда наступилъ вечеръ, то я получилъ секретный конвертъ изъ отряднаго дежурства, подписанный, по отсутствію генерала Эйлера, какимъ то аудиторомъ. Дежурство дѣлаетъ мнѣ выговоръ, что ему уже въ 4 часа пополудни вчерашняго дня было извѣстно о безпорядкахъ, происшедшихъ въ округѣ, но донесеніе мое получено лишь сегодня поутру въ 6-ть часовъ, а потому строжайше рекомендуетъ доносить

ежедневно, по пробитіи вечерней зари, о благополучіи округа; о случившихся же чрезвычайныхъ происшествіяхъ доносить съ нарочнымъ въ тоже время и, въ случаѣ не соблюденія сего, имѣю подвергнуться строжайшему взысканію по законамъ. Тутъже узналъ я, что въ городѣ былъ совѣтъ и онымъ положено: «выставить противу насъ находящіяся тамъ войска и военнорабочую роту вооружить ружьями».

Въ тотъ же вечеръ получилъ я донесеніе, что 4 человѣка помѣщика Литвинова, имѣніе коего было внутри поселенія близъ 4-й роты, приходили къ поселянамъ донести, что помѣщикъ ихъ бѣжалъ и скрывается во ржи; взяли съ собою ихъ и пошли искать помѣщика, котораго обвиняли въ отравленіи полей, говоря, что съ нимъ помазокъ, коимъ онъ, помокая въ ядъ, ходитъ по полямъ и мажетъ колосья. Отрядивъ туда сильный патруль, я приказалъ разогнать поселянъ, а людей помѣщика Литвинова взять и привести ко мнѣ. Ихъ нашли уже въ господскомъ домѣ, разбирающихъ бумаги въ помѣщичьемъ кабинетѣ, привели ко мнѣ вмѣстѣ съ старостою, который противился впустить ихъ въ домъ господскій. Старосту я поблагодарилъ и, отпустивъ, далъ ему на залогъ унтеръ-офицера и рядоваго съ открытымъ предписаніемъ, чтобъ никто не смѣлъ входить въ домъ помѣщика и обижать старосту; людей же, искавшихъ помѣщика, посадилъ подъ арестъ на гауптвахту.

Пославъ съ вечернимъ объѣздомъ кондуктора Миллерова, находящагося при мнѣ, осмотрѣть тѣла убитыхъ начальниковъ, я отдалъ приказъ, чтобы въ субботу, 18-го числа, ихъ похоронили; для сего назначилъ парадъ изъ всѣхъ 4-хъ ротъ поселянъ по взводу и отъ резервнаго баталіона два взвода, однако безъ

ружей. Парадомъ начальствовать приказалъ маіору Баллашу, службу производить полковому священнику Лавру, не смотря на то, что у него была перебита рука вечеромъ 16-го числа и что онъ содержался вмѣстѣ съ Соколовымъ во второй ротѣ на гауптвахтѣ.

Ночью пришли изъ города два солдата военно-рабочихъ и два артиллериста изъ числа войскъ противъ меня выставленныхъ, съ предложеніемъ отъ товарищей: «не прикажу ли я имъ присоединиться, то они свяжутъ своихъ начальниковъ и приведутъ ко мнѣ?» Записавъ ихъ имена, я приказалъ имъ быть спокойными, слушаться и исполнять приказанія своихъ начальниковъ и при томъ сказалъ, что мы послали къ государю императору спросить, что онъ прикажетъ дѣлать и ждемъ его отвѣта?

О таковой депутаціи я въ то же время послалъ записку въ городъ съ надписью: «командующему въ городѣ», а, между прочимъ, узналъ, что въ 3-ю роту изъ города приходили 16-ть человѣкъ купцовъ и мѣщанъ и совѣщались на берегу Волхова съ поселянами.

Объѣзжая на разсвѣтѣ 18 іюля разставленные мною посты, я замѣтилъ одного человѣка во фракѣ и началъ кричать этому фрачнику, чтобъ онъ подошелъ ко мнѣ, но онъ ударился бѣжать по полю и скрылся во вновь строющемся строеніи. Пріѣхавъ домой, я послалъ съ гауптвахты окружить и поискать его, но не нашли.

Это совѣщаніе съ мѣщанами и появленіе незнакомаго человѣка во фракѣ, побѣгъ его отъ меня сильно меня озабочивали; къ тому же нерѣшительныя дѣйствія въ городѣ, усиливающееся буйство поселянъ и распространеніе его по другимъ округамъ, ибо 18-го

числа истреблены начальники въ Аракчеевскомъ полку и въ таковомъ же наслѣднаго принца Прусскаго полку, а также, какъ я узналъ, что въ Старой Руссѣ, въ округахъ, да и въ карабинерномъ полку вездѣ открылись бунты и возстаніе въ Польшѣ и Литвѣ. Эти обстоятельства заставили меня подозрѣвать, не приняло ли это возмущеніе характеръ политическій? и, не имѣя надежды получить откуда либо помощь, я рѣшился поддерживать всѣми мѣрами уваженіе къ государю и его повелѣніямъ.

IV.

Наѣзды мятежниковъ на квартиру Панаева. — Новые толки объ отравѣ. — Погребеніе убитыхъ начальниковъ. — Мнимое привидѣніе.—Лекарь Гутниковъ.—Проекты вооруженнаго сопротивленія офицеровъ противъ мятежниковъ. — Подписка о подчиненіи начальству. — Молебенъ. — Козье племя. — Панаевъ слагаетъ съ себя начальство. — Поведеніе офицеровъ состоявшихъ подъ судомъ.—Выборъ новаго начальника.—Безпорядки на гауптвахтѣ.—Мужество капитана Левицкаго.— Мѣры къ защитѣ арестантовъ-офицеровъ.

18 и 19 іюля 1831 г.

Съ утра 18-го числа начались наѣзды на мою квартиру. Первый былъ по поводу задержанныхъ поселянъ, отправленныхъ съ оружіемъ и порохомъ. На это я отвѣчалъ, что еслибы они не остановили моихъ сношеній съ городомъ, перехвативъ мои раппорты, то я бы ихъ вытребовалъ; второе требованіе состояло въ томъ, чтобы идти въ Новгородъ и взять всѣхъ начальниковъ тамошнихъ, коимъ они повиноваться не хотятъ. На это былъ отвѣтъ, что какъ мы послали уже къ государю своихъ депутатовъ, то

слѣдуетъ ихъ ожидать и какое приказаніе отъ государя получимъ, то и сдѣлаемъ, что хотя бы велѣно было идти на Петербургъ, не только на Новгородъ, то я первый сяду на коня и поведу ихъ, но что до тѣхъ поръ, покуда не знаю воли императора не приступлю ни къ чему.

Полагая, что они были научены кѣмъ либо, а можетъ и узнали о томъ, что войска Новгородскія не надежны, я имъ сталъ говорить, что будучи русскимъ, я не хочу помогать проклятымъ полякамъ, которые дѣйствуютъ не отравами, какъ они думаютъ, а распространяя ложные слухи, бунтуютъ народъ и тѣмъ затрудняютъ государя усмирить ихъ; два человѣка начали спорить объ отравѣ и утверждали, что они были въ банѣ, гдѣ при ихъ глазахъ тѣ, кои пошли послѣ бани въ рѣку, лишь только вступили въ воду, то ноги почернѣли покуда хватила вода; я послалъ въ баню и велѣлъ привести этихъ людей, которымъ приказалъ снять сапоги, и какъ ноги у нихъ были красныя, то я тѣхъ, кои разсказывали, приказалъ наказать розгами.

Наказаны они были немного, но это возбудило насмѣшки надъ ними. Всѣ ихъ спрашивали:

«А что, братцы, какія ноги были въ банѣ?»

Другіе спрашивали: «Да съ чего ты взялъ, что ноги почернѣли?»

—«Эхъ братъ, вѣдь я не зналъ, что прикажетъ привести, да осмотрѣть, ну всѣ говорили, такъ и я туда же».

Холера между тѣмъ очень усилилась и это много принесло пользы тѣмъ, что перестали толковать вздоръ, хотя въ отравленіе и вѣрили.

Я узналъ, что похоронный парадъ мой не удался: взводы не пошли, а собралась толпа, въ гробы

не положили, ибо трупы окоченѣли въ неправильныхъ формахъ и въ гробы уложить невозможно было; ихъ изъ гумна вытащили пожарными крючками и, бросивъ на телѣги, отвезли на кладбище, гдѣ, вырывъ двѣ ямы, вбросили туда и когда священникъ началъ отпѣвать, то много шумѣли; а по окончаніи обряда принесли капитана Соколова съ ротной гауптвахты и вмѣстѣ съ священникомъ опустили въ могилу и хотѣли зарыть живыхъ, допрашивая ихъ: что они знаютъ объ отравѣ? Соколовъ сказалъ, что ничего не знаетъ, а священникъ, будучи уже засыпанъ по колѣна, отвѣчалъ имъ:

«Я вамъ уже говорилъ, что отравы никакой нѣтъ, а знаю только, что въ васъ вселился дьяволъ, будьте вы анаѳемы прокляты отъ нынѣ и до вѣка»!

Эта рѣчь подѣйствовала. Поселяне начали упрекать его, что и въ могилѣ онъ ругается, однако рѣшились вытащить ихъ изъ могилы и посадить опять подъ арестъ, только послѣ того начали носить имъ кушанье.

Депутаты прусскаго полка проѣхали чрезъ нашъ округъ въ Петербургъ и Костыревъ прислалъ мнѣ увѣдомленіе, что депутатовъ отправилъ. Въ этотъ день поселяне нѣсколько разъ пріѣзжали ко мнѣ съ разными требованіями и было очень безпокойно, но наѣзды были уже малыми партіями, много было и пьяныхъ.

Я упомянулъ уже выше сего, что посылалъ кондуктора Миллерова 17-го числа вечеромъ въ кабріолетѣ Бутовича осмотрѣть убитыя тѣла, и велѣлъ ему заѣхать узнать объ участи Соколова и священника Лавра. Онъ возвращался чрезъ 1-ю и 4-ю роты ко мнѣ въ штабъ уже очень поздно; какая то поселянка, услышавъ ѣзду на улицѣ, выглянула посмотрѣть кто ѣдетъ, и, въ потьмахъ неразглядѣвъ кондук-

тора, вообразила, что это ѣдетъ Бутовичъ, перепугалась и сообщила своей семьѣ. Вѣсть эта распространилась по ротѣ, другіе тоже отвѣчали, что видѣли дѣйствительно лошадь и кабріолетъ. Это навело страхъ на нихъ; два поселянина прибѣжали ко мнѣ по утру и принесли — одинъ обручальное кольцо, которое онъ снялъ съ руки Бутовича, а другой съ руки капитана Саурскаго, причемъ разсказали мнѣ, что имъ цѣлую ночь не спалось и просили возвратить кольца ихъ женамъ. Также просили у меня: нѣтъ ли кутьи, чтобъ отслужить панихиду? Я снабдилъ ихъ двумя чашками рису, младшій священникъ Гавріилъ, къ коему я ихъ отправилъ, отслужилъ панихиду и вѣсть эта начала распространяться. Я старался мнѣніе это поддерживать, даже преувеличивать.

Ординаторъ госпиталя Гутниковъ, во время нападенія 16-го числа на госпиталь, откуда разобрали больныхъ и убили фельдшера, скрылся на чердакъ дома холостыхъ офицеровъ и, будучи томимъ голодомъ и жаждой, старался пробраться въ жилыя комнаты, но былъ замѣченъ; поселяне стали сходиться, чтобъ взять Гутникова и убить. Г. Носовъ, узнавъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, что уже человѣкъ 20 ходятъ около дома, но поджидаютъ товарищей. Я послалъ Носова съ 10-ю человѣками съ гауптвахты привести Гутникова ко мнѣ, будто къ допросу. Его привели къ самому обѣду и я, накормивъ его и успокоивъ, отправилъ на гауптвахту. Ко мнѣ пріѣхали поселяне и стали требовать Гутникова, но, стараніемъ и твердостію унтеръ-офицера Перекопаева, уже два дня стоявшаго въ караулѣ въ квартирѣ моей и при знамени, они были прогнаны; послѣ того они поѣхали въ штабъ на гауптвахту и тамъ много шумѣли, однакожъ поѣхали обратно къ себѣ въ роту.

Осматривая посты, я нарочно заходилъ къ арестованнымъ офицерамъ, чтобъ узнать ихъ нужды; тамъ предложили мнѣ проектъ, чтобы завладѣть въ караулѣ ружьями, соединиться съ унтеръ-офицеромъ Перекопаевымъ и съ тѣми 30-ю человѣками, которые предложили мнѣ пробиться на штыкахъ со знаменемъ и денежнымъ ящикомъ, завладѣть гауптвахтой и перевести въ верхній этажъ всѣхъ женъ и дѣтей, въ нижнемъ укрѣпиться, и что насъ такимъ образомъ соединится человѣкъ до 150 и мы могли бы продержаться до тѣхъ поръ, пока придетъ помощь. Но эта мысль оказалась неудобною: 1) потому, что по завладѣніи ружьями, сумы съ патронами остались бы на солдатахъ, которые начали бы за ружья драться, опасаясь отвѣтственности и могли бы тѣмъ поколебать и тѣхъ, кои предлагали свои услуги; 2) къ тому же, какъ замѣтилъ маіоръ Баллашъ, когда онъ приказалъ по случаю сильной росы, внести ружья подъ навѣсъ, то они всю ночь держали ружья въ рукахъ; слѣдовательно, подозрѣваютъ арестантовъ и только отъ того не соединяются съ поселянами, что находятся въ караулѣ, но сильно ропщутъ и даже поговариваютъ, чтобы знамя взять къ себѣ на гауптвахту; 3) что собравшись въ числѣ 150 человѣкъ, въ домъ, надобно припасти и продовольствіе и воду; 4) запершись и укрѣпившись, я неимѣлъ-бы средствъ дѣйствоватъ на поселянъ и приводить къ покорности; 5) примѣръ нашъ произвелъ бы въ другихъ округахъ вновь возмущеніе, которое трудно было-бы усмирить. Ежели бы можно было собраться въ большомъ числѣ, то слѣдовало бы не запираться, но идти и усмирять силою оружія; но при этомъ надо принять во вниманіе, что въ округахъ оружіе и порохъ находятся въ большомъ количествѣ,

ибо не отправлены въ городъ, что въ каждомъ кромѣ поселянъ находится по резервному баталіону и что намъ, для прикрытія женъ и дѣтей, нужно бы было отдѣлить сильное прикрытіе, которое бы насъ ослабило, а потому благоразумнѣе было остаться въ томъ положеніи, какъ есть, стараться увеличить себѣ партію и, опираясь на религію и государя, приводить постепенно къ порядку.

Для того я назначилъ на другой день, 19-го числа, обѣдню въ 3-й ротѣ, ближайшей къ городу, послѣ обѣдни молебенъ съ водоосвященіемъ и съ молитвою о избавленіи отъ холеры. На молебенъ я просилъ изъ Саркова женскаго монастыря поднять образъ чудотворной Божіей Матери и съ нимъ произвести крестный ходъ по всѣмъ ротамъ. Зная при томъ, что поселяне очень желаютъ ѣхать въ Новгородъ, я думалъ заставить ихъ покориться новгородскому начальству и для того припасъ отъ каждой роты по листу подписному, въ коемъ на верху было написано: «Мы поселяне такой то роты симъ объявляемъ, что мы послушны какъ государю императору, такъ и всѣмъ начальникамъ и властямъ отъ него поставленнымъ». Препроводивъ сіи подписки въ роты, я объявилъ, что тѣ, кои подпишутъ этотъ листъ, получатъ отъ меня билетъ, по коему могутъ свободно ѣхать въ городъ, не опасаясь, что будутъ задержаны тамъ; но это было сдѣлано слишкомъ рано и, вмѣсто пользы, принесло вредъ. Начался ропотъ, стали меня упрекать, будто я ихъ хочу предать городскому начальству, которое уже и такъ задержало и тѣхъ 6-ть человѣкъ, кои повезли порохъ и ружья, да и другихъ, кои были по дѣламъ своимъ въ городѣ и посадило въ острогъ; начали приступать ко мнѣ, чтобъ я выдалъ имъ ихъ

товарищей, а не то они сами пойдутъ выручать и въ городѣ не оставятъ камня на камнѣ; къ этому еще и депутаты ихъ не вернулись отъ государя; они полагали, что ихъ перехватили; начали говорить мнѣ, что теперь, какъ 1-я, такъ и прочія дивизіи во всѣхъ полкахъ перебили начальниковъ и наберется ихъ до 3,000, что пора начать дѣйствовать и что войска выставленныя противиться не будутъ. Богъ знаетъ до чего дошло бы, ежели бы крестный ходъ не показался изъ монастыря; тутъ всѣ пошли на встрѣчу на шоссе и, усмирѣвъ, пошли за образомъ.

Я съ Носовымъ взяли образъ и понесли въ церковь, откуда священникъ Гавріилъ вышелъ съ крестомъ и святой водой. По прибытіи въ церковь, началась литургія, послѣ коей молебенъ съ водоосвященіемъ на площади, и когда я вышелъ изъ церкви, чтобъ устроить все къ молебну, то увидѣлъ одного поселянина, пользовавшагося большимъ уваженіемъ и, во время бытности въ крестьянствѣ, бывшаго головой. Я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Послушай старикъ, ты человѣкъ умный и можешь разсудить, какъ можно отравить всѣхъ! Поди ты и растолкуй имъ, они тебѣ болѣе повѣрятъ!

Онъ мнѣ на это сказалъ: «Что тутъ говорить! для дураковъ ядъ, да холера; а намъ надобно, чтобъ вашего дворянскаго козьяго племени не было».

По окончаніи молебствія и водоосвященія, обошли мы 3-ю роту въ крестномъ ходу и кресты отправились въ другую роту, а я хотѣлъ было ѣхать въ штабъ, но былъ остановленъ вмѣстѣ съ Носовымъ поселянами, которые пришли между тѣмъ къ моимъ дрожкамъ и принесли тѣ листы, кои я хотѣлъ было ихъ уговорить подписать. Они опять начали упрекать меня въ предатель-

ствѣ, требовали, чтобъ ихъ товарищи были вытребованы изъ города. Я представилъ имъ, что ежели они не покорятся городскимъ властямъ, то я, сидючи съ ними, ничего не могу сдѣлать, но ежели подпишутъ листы, то я съ ними поѣду въ городъ и привезу ихъ товарищей; но они никакъ не хотѣли на то согласиться и листы изорвали, хотя на нихъ и было нѣсколько подписей. Я предложилъ и другое средство— чтобъ они пустили меня хоть къ аванпостамъ, выставленнымъ около Колмова, для переговора съ уланскимъ начальствомъ, представляя имъ, что надобно же, чтобъ городское начальство знало, что требуемъ высылки арестованныхъ людей; цѣль моя была уговорить командующаго начальника, чтобъ онъ не опасаясь, двинулся съ отрядомъ черезъ роту къ штабу и открылъ такимъ образомъ сообщеніе со мною и тѣмъ подкрѣпилъ меня, ибо поселяне страшно боялись уланъ вооруженныхъ пиками, и ежели бы ихъ можно было убѣдить къ этому, то бунтъ былъ бы прекращенъ тогда же. Но они и на поѣздку мою не соглашались. Тогда, видя, что ни что не помогаетъ, я разорвалъ бланки билетовъ, кои были у меня приготовлены для отпуска ихъ въ городъ, если бы они подписали данныя мною листы съ изъявленіемъ покорности начальству; снялъ съ себя шарфъ, шпагу, эполеты и объявилъ имъ, что болѣе быть ихъ начальникомъ не хочу и что послѣ этого пусть дѣлаютъ что хотятъ, а я уже истощился доказывать имъ о невозможности выполнить ихъ требованія, именно потому, что начальство городское не можетъ знать ихъ желанія, когда они писать меня не допускаютъ, ѣхать для объясненія тоже, и сами боятся идти, чтобъ не задержали. Послѣдній же имъ мой совѣтъ былъ, чтобы сидѣли

смирно и ожидали прiѣзда ихъ депутатовъ изъ Петербурга. Поселяне посмирнѣли, разошлись по сторонамъ и дорога очистилась, я сѣлъ на дрожки и подозвалъ Носова, который также, какъ и я, уговаривалъ, пригласилъ его садиться со мною и, видя что дорога свободна, приказалъ шагомъ ѣхать къ штабу. Человѣкъ 12 пошли за нами, другiе остались толковать между собою. Дорогой мы повторили все, что уже было сказано. Отдѣлившись отъ толпы и проѣхавъ ротные ворота, я приказалъ прибавить шагу лошадямъ и когда провожавшiе начали отставать, я приказалъ ѣхать рысью и, такимъ образомъ, доѣхали до штаба.

Прiѣхавъ домой, я узналъ, что знамя съ квартиры моей взято. Новый караулъ смѣнилъ Перекопаева, простоявшаго двое сутокъ, и самовольно взявъ знамя, равно смѣнивъ часоваго у денежнаго ящика, присоединился къ главной гауптвахтѣ, а ящикъ и грамоту оставили безъ часоваго.

Въ бытность мою въ 3-й ротѣ на молебнѣ, прiѣзжали нѣсколько поселянъ къ главной гуаптвахтѣ и взбунтовали тѣхъ резервныхъ, кои съ маiоромъ Баллашемъ тамъ находились. Нѣсколько поселянъ короля Прусскаго полка прiѣхавъ къ пороховому заводу, кричали на нашу сторону, чтобъ подали имъ лодку; жена-же моя приказала веслы спрятать въ сарай, но деньщикъ мой вынесъ весла и, не смотря на запрещенiе, перевезъ 4-хъ поселянъ, кои, прибывъ ко мнѣ на квартиру, требовали выдачи тѣхъ двухъ офицеровъ, которыхъ наши привели ко мнѣ и я приказалъ посадить ихъ на гауптвахту; на это жена моя отвѣчала, что меня нѣтъ дома, а безъ меня никто отпустить не можетъ. Они пошли къ гауптвахтѣ, но и тамъ ихъ недали. Пошумѣвъ

немного, они пошли опять къ лодкѣ и поѣхали одни уже на ту сторону Волхова.

Еще узналъ я, что поручица Бутлеръ съ младенцемъ сыномъ умерла отъ холеры, и маiорша Кутузова заболѣла холерою, и когда мужъ ея, бывшiй подъ судомъ, подавалъ ей помощь, то деньщикъ его привелъ поселянъ человѣкъ 8, кои схватили Кутузова и, желѣзнымъ шворнемъ ранивъ его въ руку, потащили на гауптвахту, за то, что деньщикъ имъ сказалъ, будто бы онъ говорилъ, что давно пора всѣхъ поселянъ перевѣшать. Маiоръ Кутузовъ былъ подъ судомъ съ 4-мя ротными своими командирами и адъютантомъ за безпорядки въ баталiонѣ и судился не арестованнымъ. Еще былъ подъ судомъ и содержался на гауптвахтѣ штабсъ-капитанъ Левицкiй за то, что, получивъ, по мнѣнiю его, несправедливый выговоръ, подалъ раппортъ и просилъ отмѣнить приказъ. Всѣ они были уже нѣсколько лѣтъ подъ судомъ. Еще на гауптвахтѣ содержались 8 человѣкъ, тоже бывшихъ подъ судомъ: одинъ за—фальшивую прiемку провiанта на небывалую роту, одинъ—за 4-й побѣгъ, остальные судились за меньшiя преступленiя.

Нѣсколько разъ военные поселяне выпускали ихъ изъ подъ караула и предлагали идти по домамъ, но никто не хотѣлъ воспользоваться симъ случаемъ, особенно 19-го числа вечеромъ, когда поселяне распустили караулъ и маiора Баллаша прогнали съ гауптвахты со всѣми бывшими при немъ офицерами, оставивъ только нѣсколько человѣкъ изъ кантонистовъ караульныхъ, при посаженныхъ мною офицерахъ.

Еще послѣ обѣда пришли ко мнѣ на квартиру нѣсколько человѣкъ и хотѣли взять денежный ящикъ и Высочайшую грамоту. Часовыхъ не было, я

нарочно надѣлъ халатъ и вышелъ къ нимъ, уже не какъ начальникъ, а какъ житель, и сказалъ, что конечно лучше взять эту государеву собственность, чѣмъ оставлять безъ часовыхъ и подвергать расхищенію, ибо я ночью буду спать и смотрѣть не буду, какъ болѣе не начальникъ ихъ, да и Высочайшая грамота валяется теперь въ частномъ домѣ и ежели случится, Боже избави, пожаръ, то сгоритъ, и я, сложивъ съ себя начальство, не осмѣлюсь коснуться оной; просилъ, чтобъ прислали за ней того, кого они избрали вмѣсто меня. Поглядѣвъ на грамоту, они не тронули ея, а пошли къ денежному ящику и хотѣли тащить его на гауптвахту, но оставили и пошли въ штабъ.

Въ 6-ть часовъ человѣкъ до 100 пріѣхали ко мнѣ на квартиру и стали требовать отъ меня отвѣта: почему ихъ депутаты не возвратились и взяты еще 2 человѣка изъ поселянъ, кои хотѣли было тайно пробраться въ городъ, чтобы разузнать, гдѣ ихъ товарищи содержатся? На это я отвѣчалъ, что депутаты посланы къ государю, при томъ же когда у меня въ передней ожидаютъ часа по два, то какъ же они могутъ расчитывать часы и назначать сроки государю императору? на счетъ же взятыхъ двухъ человѣкъ, я предлогалъ имъ по утру для подписи листы, разосланные мною по ротамъ о послушаніи ихъ, но какъ они не согласились и билетовъ отъ меня брать не хотѣли, то чтобъ теперь и не пеняли отчего ихъ задерживаютъ. Пошумѣвъ немного, они поѣхали обратно.

Между тѣмъ я получилъ отъ своихъ конно-рабочихъ разъѣздовъ извѣстіе, что поселяне 2-й роты собрались выбирать себѣ начальника, и избрали между собой одного, но другіе старые солдаты рѣшительно объявили, что они: «лапотника, мужика, слушать не бу-

дутъ, а хотятъ, чтобы выбрали кого либо изъ служившихъ государю, да къ тому же чтобъ такого, который проливалъ кровь свою за вѣру и царя; лучше-де слушаться заслуженнаго человѣка, ходившаго въ походы, чѣмъ земскаго міроѣда». Началась драка, раздѣлились на двѣ партіи; поселяне не терпѣли старыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, бывшихъ ихъ учителями; кричали, кричали, что у нихъ есть свои головы, которые умѣли говорить съ исправниками и губернаторами. Унтеръ-офицеры и къ нимъ приставшіе кантонисты, произведенные въ унтеръ-офицеры, говорили, что лучше явиться къ старымъ начальникамъ, чѣмъ будутъ слушаться лапотника, мужика, и начали выбирать депутацію ко мнѣ, чтобы я опять принялъ командованіе.

Поселяне, увидѣвъ это, бросились ко мнѣ и, прискакавъ въ числѣ 200 человѣкъ, требовали, чтобъ я не принималъ команды.

Я вышелъ къ нимъ въ халатѣ и, выслушавъ ихъ, сказалъ: «вы видите, что я и самъ не хочу вами командовать; вы бунтовщики, непокорны государю и такъ отвѣчайте сами за себя».

Солдатамъ сказалъ: «можно ли въ такомъ положеніи принять команду? Ежели вы этого желаете, то соберитесь вмѣстѣ, приходите сюда съ аммуниціею и съ хлѣбомъ на два дня, тогда я васъ возьму подъ свою команду, но съ условіемъ, что за всякое непослушаніе будетъ взыскано примѣрно. Подумайте хорошо-ли что ваше знамя стоитъ на гауптвахтѣ и денежный ящикъ безъ часоваго? Вами одолѣли нѣсколько мужиковъ и ихъ дѣти кантонисты! Идите, скажите мои слова вашимъ товарищамъ, старымъ служивымъ, и приходите ко мнѣ скорѣе съ ружьями и аммуниціей; мы заставимъ этихъ мужиковъ слушаться!»

Они отправились домой, но поселяне долго бушевали въ штабѣ; пришли на главную гауптвахту и кантонисты, взошли безъ сопротивленія въ солдатскую арестантскую, и выгнали оттуда арестантовъ, но тѣ не соглашались оставить гауптвахту, сказавъ имъ: что они находятся подъ судомъ и не могутъ уйдти и когда ихъ вытолкали силою, они перешли въ караульню.

Послѣ сего поселяне и кантонисты взошли въ офицерскую арестантскую комнату и перевели арестованныхъ офицеровъ въ солдатскую арестантскую комнату, говоря имъ: «полно вамъ тутъ чай попивать, идите-ка за желѣзныя рѣшетки» и силою погнали всѣхъ туда. Бывшій подъ судомъ капитанъ Левицкій одинъ воспротивился, сказавъ имъ, что онъ находится подъ судомъ и его никто не осмѣлится отсюда перевести, въ противномъ случаѣ, онъ убьетъ перваго, кто къ нему подступитъ. Левицкій, будучи долгое время подъ судомъ, обзавелся хозяйствомъ, подѣлалъ къ окнамъ занавѣсы и имѣлъ для колотья сахару обломокъ чугунной рѣшетки. Этотъ кусокъ онъ спряталъ въ карманъ шароваръ и, выхвативъ оный, сказалъ: «подступись кто нибудь, убью какъ собаку»! Поселяне вышли, произнося разныя ругательства, а Левицкій заперъ дверь и укрѣпилъ оную половою щеткой и черешневымъ чубукомъ, а у окошекъ задернулъ занавѣски. Вышедшіе поселяне пошли къ оставшимся на плацформѣ и на улицѣ, и разсказали имъ, что всѣхъ перевели, а остался одинъ такой разбойникъ, что чуть ихъ всѣхъ не перебилъ, выхвативъ пистолетъ изъ кармана. Посовѣтовавшись, они раздѣлились на двѣ части: однимъ чтобы напасть на дверь, а другимъ на окна. Левицкій все это слышалъ изъ за занавѣски и когда приступили къ окнамъ и дверямъ, то онъ, ставъ на табуретъ, ударилъ чу-

гунной колотушкой въ раму и, соскочивъ съ табурета, ударилъ въ дверь и закричалъ: «прочь негодяи, всѣхъ разстрѣляю! «Вся толпа бросилась отъ гауптвахты бѣжать къ своимъ лошадямъ, начали ругать Левицкаго, называя его разбойникомъ, и объявили, что завтра пріѣдутъ съ веревками и всѣхъ перевѣшаютъ.

Потомъ сѣли на лошадей и поѣхали по домамъ въ роты; остались нѣсколько человѣкъ менѣе шумливыхъ и начали разсуждать, что дѣло сдѣлали не ладно, ибо и маіора Кутузова посадили за желѣзную рѣшетку: «вѣдь это не то, что простой офицеръ, чтобъ за него послѣ не отвѣчать». Пошли на гауптвахту, переговорили съ караульными и вошли въ арестантскую, гдѣ всѣ, по тѣснотѣ, стояли, и сказали Кутузову: «извините, ваше высокоблагородіе, мы въ потьмахъ не разглядѣли, а вамъ сидѣть здѣсь не мѣсто, извольте перейдти въ офицерскую комнату»; и очень учтиво перевели его къ капитану Левицкому.

Узнавъ объ этихъ происшествіяхъ, я пошелъ на гауптвахту и началъ говорить караульнымъ: какъ они смѣли допустить поселянъ къ арестантамъ и пригласилъ ихъ перейдти въ офицерскія комнаты.

Переговоривъ съ офицерами, положили защищаться до послѣдняго; для этого собравъ надежныхъ изъ военно-рабочихъ человѣкъ 12, и вооруживъ ихъ 8-ю ружьями, которые отобралъ у конно-рабочихъ, я приказалъ, для усиленія караула, стать вмѣстѣ съ резервными ненадежными людьми и недопускать поселянъ къ арестантамъ, что подтвердилъ и кантонистамъ, но обезоружить ихъ не могли. Цѣлую ночь всѣ держали ружья въ рукахъ. Офицерамъ мнѣ удалось доставить 4 маленькихъ заряженныхъ пистолета, 2 кинжала и 2 топора; все это отдалъ маіору Кутузову и приказалъ

принять надъ ними начальство.—Левицкаго, по его пылкости, вооружить не посмѣлъ.

Пришедши домой, я послалъ разъѣзды, подъ командою капитана Носова и ротныхъ командировъ Невскаго баталіона: Абрамова, Ассева и поручика Стерлинскаго, для того, что ежели увидятъ старыхъ солдатъ, которые избирали меня начальникомъ, то, чтобъ, не ожидая сбора, направили ихъ частями поспѣшнѣе ко мнѣ для занятія караула при знамени, грамотѣ и денежномъ ящикѣ.

V.

Возвращеніе депутатовъ. — Пріѣздъ гр. Орлова. — Отсылка арестованныхъ офицеровъ въ Новгородъ. — Жнива. — Привидѣнія. — Панихида по убіеннымъ. — Прибытіе въ округъ императора Николая Павловича. — Молебствіе. — Рѣчь Государя къ мятежникамъ.

20—27 іюля 1831 года.

На разсвѣтѣ пріѣхалъ разъѣздъ изъ первой роты и увѣдомилъ, что депутаты изъ Петербурга возвратились и первая тройка какъ только прискакала начали будить поселянъ для собранія на сходку. Слѣдомъ прискакала и другая въ 4-ю роту и разъѣздъ сей же часъ меня увѣдомилъ, узнавъ отъ поселянъ, что наши были у государя и вернулись благополучно.

Часовъ въ 5-ть утра, съ передоваго поста отъ 4-й роты, донесли мнѣ, что нѣсколько троекъ скачутъ къ штабу и, чрезъ нѣсколько минутъ, явились 12 человѣкъ депутатовъ, посланныхъ въ Петербургъ.

Я вышелъ къ нимъ и спросилъ: «благополучно-ли ѣздили и видѣли-ли государя императора?»

Тогда они начали говорить, что ѣздили благополучно и въ Ижорѣ государь къ нимъ пріѣзжалъ изъ Царскаго Села, разговаривалъ съ ними и, будто-бы, похвалилъ ихъ, сказавъ: «спасибо ребята, что вы тамъ за меня постояли, поѣзжайте домой, а я пришлю графа Орлова разобрать дѣло». Но одинъ изъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, чтобъ я вышелъ на улицу; — поговоривъ еще нѣсколько съ депутатами, которые мнѣ донесли, что 12, кои были въ билетѣ вписаны, отправлены обратно, а 13-го, который самъ вызвался ѣхать, говоря, что все выбрали дураковъ, тамъ задержали и просили, чтобъ я его выручилъ; я имъ сказалъ, что теперь они сами могутъ видѣть, что и ихъ бы задержали безъ моего билета, желая имъ показать важность начальства. Приказавъ имъ подождать въ комнатѣ, покуда я напишу записки къ принятію графа Орлова, вышелъ къ себѣ заднимъ крыльцомъ на дворъ и велѣлъ привести того унтеръ-офицера, который дѣлалъ глазами знакъ мнѣ.

Тотъ мнѣ сказалъ: «не вѣрьте, ваше высокоблагородіе, государь насъ принялъ въ Ижорѣ и бранилъ, какъ смѣли убить начальниковъ, и когда ихъ спросилъ: кто же теперь ими командуетъ? они сказали, что строитель. Государь спросилъ: кто это такой? и какой-то адъютантъ сказалъ: «подписался инженеръ-подполковникъ Панаевъ». Тогда государь велѣлъ ихъ отправить на курьерскихъ обратно и приказалъ сказать поселянамъ, чтобы слушались во всемъ, что будете приказывать и что слѣдомъ за нами поѣдетъ графъ Орловъ съ дальнѣйшими приказаніями».

Выслушавъ это, я приказалъ кондуктору написать записку въ роты, чтобъ всѣ поселяне къ 10-ти часамъ были одѣты по формѣ и прибыли въ штабъ съ кантонис-

тами старшаго возраста; въ селеніяхъ улицы и тротуары были вычищены и когда графъ будетъ ѣхать, чтобы старики и поселянки съ кантонистами меньшаго возраста и дочерьми вышли, по обычаю, передъ крыльцы, какъ принимали своихъ начальниковъ. Самъ же я поѣхалъ на встрѣчу на станцію Подберезье.

Поселяне, по отъѣздѣ моемъ, послали на двухъ тройкахъ 4 человѣка депутатовъ, кои, догнавъ меня, объявили, что поселяне прислали ихъ быть при объясненіи моемъ съ графомъ.

Черезъ полчаса пріѣхалъ фелдъегерь, для заготовленія лошадей графу, а чрезъ часъ и самъ графъ Орловъ. Я встрѣтилъ его у коляски и подалъ раппортъ о состояніи округа. Принявъ оный, онъ спросилъ мою фамилію и приказалъ идти на верхъ въ комнату проѣзжающихъ; поселяне хотѣли было за нимъ слѣдовать, но графъ сказалъ мнѣ, что хочетъ говорить со мною однимъ.

Я обернулся къ нимъ и послалъ ихъ по ротамъ объявить, что графъ пріѣхалъ и чтобъ поселяне становились по своимъ мѣстамъ и они поскакали назадъ. Его сіятельство, распросивъ меня обовсѣхъ обстоятельствахъ, сказалъ мнѣ: что не лучшели будетъ пріѣхать изъ Новгорода? но я ему представилъ, что я, небудучи утвержденъ, располагаю здѣсь 4 дня именемъ государя и такъ какъ депутаты наши вернулись сегодня и увѣдомили уже своихъ товарищей, что государь его пришлетъ, то буйства и опасности никакой быть не можетъ, и какъ они у меня стоятъ болѣе уже 3-хъ часовъ во фронтѣ, его ожидая, то и просилъ его сіятельство не откладывать своей поѣздки въ округъ, объявить имъ волю государя, а также, въ присутствіи поселянъ, приказать мнѣ немедленно отправить всѣхъ арестантовъ въ городъ къ нему за конвоемъ, ибо до

тѣхъ поръ, покуда они на моихъ рукахъ, то я не могу отвѣчать за ихъ цѣлость; равно просилъ его, чтобъ приказалъ и знамя возвратить ко мнѣ на квартиру.

Графъ приказалъ мнѣ ѣхать впередъ и, собравъ людей на площади, ожидать его.

По пріѣздѣ моемъ въ штабъ, я привелъ 6-ть почтовыхъ лошадей, чтобъ, покуда графъ и я будемъ на площади, семейство мое могло выѣхать въ городъ, но, неимѣя времени заѣхать домой, я не сказалъ женѣ моего распоряженія, а она сама нерѣшилась на это.

Графъ Орловъ пріѣхалъ, говорилъ съ поселянами, прочелъ печатный указъ государя императора, котораго экземпляры онъ привезъ съ собой изъ Петербурга. Когда поселяне во фронтѣ начали приносить ему свои жалобы и оправданія, то онъ приказалъ, чтобъ они молчали и выслали бы къ нему по два человѣка изъ роты. Съ сими людьми онъ много разговаривалъ и приказалъ написавъ все это на записку, отдать мнѣ для доставленія къ нему въ г. Новгородъ. Объявивъ поселянамъ, что, по высочайшему повелѣнію, онъ назначаетъ меня начальникомъ ихъ округа, вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ знамя перенести ко мнѣ на квартиру, а арестантовъ, за сильнымъ конвоемъ, отправить въ Новгородъ, въ крѣпость и самому прибыть къ нему съ объясненіемъ и запиской поселянъ о претензіяхъ, ему объявленныхъ. Подтвердивъ именемъ государя, чтобы меня слушались и мною поставленныхъ начальниковъ почитали, хотѣлъ было ѣхать; но въ то время доложили мнѣ, что прибыли депутаты изъ короля прусскаго полка. Я доложилъ графу и онъ, принявъ ихъ, повторилъ вкратцѣ тоже, далъ экземпляръ приказа и, сказавъ, что изъ Новгорода пріѣдетъ къ нимъ, отправился въ городъ.

Я приказалъ собрать сколько было въ округѣ экипажей, усадивъ и уложивъ въ нихъ избитыхъ и здоровыхъ офицеровъ, всего 38 человѣкъ, съ конвоемъ отправилъ въ городъ, приставивъ въ начальники инвалиднаго офицера изъ солдатъ, коему приказалъ строжайше дорогой сохранить ихъ въ цѣлости и, по пріѣздѣ въ Новгородъ, сдать графу Орлову.

Отобравъ написанныя поселянами показанія и принявъ знамя въ свою квартиру, я отправился и самъ въ городъ, но семейства моего поселяне не отпустили. Обогнавъ арестантовъ, явился я къ генералу Эйлеру и графу Орлову и отдалъ ему записки съ претензіями поселянъ. Графъ прочелъ ихъ и спросилъ меня на счетъ Левицкаго, объ коемъ они жаловались ему лично и писали въ запискѣ, что онъ не хотѣлъ ихъ ни въ чемъ слушать и, когда они всѣхъ посадили за желѣзную рѣшетку, то онъ не хотѣлъ туда идти, а когда хотѣли посадить силою, то онъ, «выхвативъ изъ кармана штуку, да какъ махнетъ оной»,—то они всѣ бѣжали; къ тому же «этотъ разбойникъ Левицкій извѣстенъ ужевсѣмъ, да и судъ съ нимъ уже 3 года ничего сдѣлать не можетъ». Графъ спросилъ меня, за что онъ подъ судомъ? и когда я объяснилъ, то онъ приказалъ мнѣ уволить его изъ подъ ареста и, по недостатку въ офицерахъ, употребить на службу.

Выхлопотавъ объ освобожденіи изъ острога тѣхъ поселянъ, которыхъ взяли при доставленіи пороха и оружія и коихъ захватили въ городѣ, я двоихъ изъ нихъ взялъ съ собою на дрожки и привезъ къ удовольствію поселянъ, объявивъ имъ, что и остальные всѣ идутъ пѣшкомъ. Это произвело сильное впечатлѣніе и довѣріе ко мнѣ. Но сознанія въ несправедливости и беззаконности ихъ поступковъ въ то время еще небыло.

Въ этотъ вечеръ прибывшіе изъ ротъ за приказаніями ко мнѣ, доложили, что казенная рожь поспѣла и пора жать, да и тимофѣева трава тоже, то спрашивали: «не нарядить ли жать и вдовъ, оставшихся послѣ убитыхъ начальниковъ вмѣстѣ съ поселянками?» Объяснивъ имъ, что этого, безъ воли государя, сдѣлать нельзя, я имъ отказалъ и приказалъ жать поселянкамъ.

Графъ Орловъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «государю угодно, чтобъ поселяне были доведены до того, чтобъ отслужили по убіеннымъ панихиды». Я зналъ, что нѣкоторые поселяне находятся въ тревожномъ состояніи и, зная ихъ суевѣріе, посредствомъ приверженныхъ ко мнѣ солдатъ, началъ распространять слухи, что и многимъ является во снѣ Бутовичъ и лекарь, другимъ Забѣлинъ, или Пановъ, къ тому же многіе и безъ того были увѣрены, что Бутовичъ ѣздитъ по ночамъ въ кабріолетѣ, видѣвъ моего кондуктора; я распространилъ слухъ, что будто проходилъ обозъ и видѣлъ на кладбищѣ большой свѣтъ, и на другой же день вѣсть эта была повсемѣстна.

Наконецъ 23-го іюля поселяне пришли ко мнѣ съ донесеніемъ, что многимъ чудится надъ могилами убитыхъ офицеровъ свѣтъ, а другимъ ночью дѣлаются представленія и просили меня, чтобъ отслужить панихиду. Обрадовавшись желанію ихъ я на другой день послалъ пригласить Вяжицкаго монастыря архимандрита Меѳодія, чтобъ прибылъ въ округъ отслужить панихиду, но онъ послалъ въ городъ спросить дозволеніе у архіерея Тимоѳѣя, викарія Новгородскаго.

Я самъ поѣхалъ въ Новгородъ доложить о семъ графу. Преосвященный Тимоѳѣй, узнавъ, что я въ городѣ, послалъ пригласить меня къ себѣ и сказалъ мнѣ: «Для чего вы не отнеслись ко мнѣ? я

самъ съ величайшимъ удовольствіемъ почтилъ бы память страдальцевъ этихъ». Я доложилъ, что не смѣлъ его безпокоить, но ежели онъ на сіе соизволяетъ, то прошу его назначить день, и онъ назначилъ 26-е число, по утру, въ 11 часовъ.

Въ назначенный день я приказалъ во 2-й ротѣ собраться въ колоннахъ всѣмъ военнымъ поселянамъ, кантонистамъ и резервному баталіону въ 10-ть часовъ.

По прибытіи преосвященнаго, онъ облачился въ часовнѣ, и спрашивалъ меня о положеніи умовъ поселянъ и ихъ раскаяніи? но я не могъ его утѣшить ни чѣмъ хорошимъ, и когда онъ вышелъ, въ присутствіи пѣвчихъ, на площадь и принесли блюдо съ кутьей, и свѣчи начали раздавать поселянамъ, — то произошелъ ропотъ. Не смотря на оный, я приказалъ, чтобъ зажженныя свѣчи были у всѣхъ въ рукахъ и началась панихида. Когда же іеродіаконъ началъ возглашать на эктиньѣ: «о убіенныхъ рабахъ Божіихъ» такихъ-то, преосвященный остановилъ его и громко приказалъ читать: «о невинно-убіенныхъ рабахъ Божіихъ!» Въ колоннахъ начался шумъ и діаконъ смутился, но преосвященный повторилъ приказаніе читать: «о невинно-убіенныхъ» и діаконъ продолжалъ по приказанію преосвященнаго. Окончивъ панихиду, преосвященный приказалъ подать святой воды и спросилъ меня: «гдѣ погребены избіенные?» но узнавъ, что при церкви, полторы версты отсюда, приказалъ показать мѣсто — гдѣ они были убиты и, сказавъ поселянамъ краткое увѣщаніе, покуда ходили за святой водой, заключилъ: «кровь неповинныхъ вопіетъ на васъ предъ Господомъ! пойдемъ окропимъ святой водой мученическую кровь ихъ и освятимъ мѣсто, оскверненное беззаконіемъ вашимъ!»—пошелъ на шоссе и на

тѣ мѣста, гдѣ были убиты Саурскій и Султановъ и окропивъ ригу, гдѣ лежали убитые, отслужилъ литію.

По возглашеніи вѣчной памяти, ропотъ поселянъ дошелъ до крайности, стали кричать: «какіе невинные? они отравляли насъ!» и начали угрожать архіерею.

Видя это, я приказалъ подать карету преосвященнаго на шоссе и, посадивъ его въ полномъ облаченіи, отправилъ въ городъ, а самъ съ діакономъ и пѣвчими архіерейскими пошелъ къ кутьѣ поминать преставившихся и потомъ отправилъ ихъ въ городъ.

Покуда служили панихиду, пріѣхалъ фельдъегерь изъ города съ приказаніемъ отъ графа Орлова, что государь императоръ въ 2 часа будетъ въ округѣ и для того, чтобъ я собралъ поселянъ въ экзерциргаузѣ. Такъ какъ было уже около полудня и поселяне были всѣ собраны, то я приказалъ имъ слѣдовать въ штабъ прямо и выстроиться въ манежѣ. Тутъ поселяне пришли мнѣ сказать, что у нихъ нѣтъ хлѣба и соли чѣмъ встрѣтить государя, а какъ испечь теперь уже некогда, то не взять-ли круглыхъ кренделей, да сотоваго меду? Я утвердилъ ихъ предположеніе и приказалъ выбрать отъ себя депутатовъ, кои встрѣтили бы государя императора со мною у коляски и, стоя на колѣняхъ, просили бы прощенія. Для чего они нарядили 6-ть человѣкъ. Стоявшимъ въ манежѣ поселянамъ во фронтѣ я приказалъ: какъ только увидимъ государя, снявши шапки, стать всѣмъ на колѣни. Младшему священнику отцу Гавріилу растворить двери въ церкви и быть въ полномъ облаченіи со крестомъ и святой водой; царскіе двери въ алтарь растворить и вынести на налоѣ въ экзерциргаузъ евангеліе и знамя военныхъ поселянъ.

Я полагалъ, что государь императоръ прикажетъ

ихъ привести къ присягѣ, для того приказалъ на налоѣ положить и форму оной.

Около 2-хъ часовъ Государь Императоръ съ графомъ Орловымъ прибылъ въ штабъ императора австрійскаго полка; я встрѣтилъ его величество у рѣшетки между церковью и госпиталемъ, подалъ раппортъ о состояніи округа. Государь принялъ отъ меня раппортъ о состояніи округа и, увидѣвъ, что 8 человѣкъ показаны въ командировкѣ (до исключенія такъ показывались убитые) сказалъ мнѣ: «это въ дальней!» потомъ вышелъ изъ коляски, поцаловалъ меня и изволилъ сказать: «спасибо старый сослуживецъ, что ты здѣсь не потерялъ разума, я этого никогда не забуду!» Потомъ увидѣвъ стоящихъ на колѣняхъ поселянъ съ хлѣбомъ и солью, сказалъ имъ: «Не беру вашего хлѣба, идите и молитесь Богу!» Вошедъ въ экзерциргаузъ и взглянувъ на стоящихъ поселянъ, коимъ маіоръ Баллашъ скомандовалъ: «шапки долой!» прошелъ въ церковь; я слѣдовалъ за нимъ. Священникъ встрѣтилъ съ крестомъ и съ кропиломъ. Государь приложился ко кресту и былъ окропленъ святою водою и изволилъ слѣдовать въ алтарь, гдѣ и началъ говорить со священникомъ на счетъ нравственнаго положенія поселянъ; священникъ замялся и Государь обратился ко мнѣ; войдя въ алтарь я доложилъ, что, по мнѣнію моему, искренняго раскаянія въ нихъ нѣтъ, но дѣйствуетъ суевѣріе и страхъ, что еще сегодня преосвященный былъ здѣсь и служилъ панихиду объ убіенныхъ, но они проводили его съ ропотомъ. Государь, выходя изъ церкви, сказалъ священнику: «служите».

Не будучи приготовленъ къ сему приказанію и не имѣя при себѣ церковно-служителя или пѣвчихъ, свя-

щенникъ началъ прямо: «Господу помолимся»—и самъ запѣлъ: «Господи помилуй! О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, Господу помолимся!» Въ это время пѣвчій изъ военныхъ поселянъ, стоявшій во фронтѣ на колѣняхъ, вдругъ вскочилъ съ колѣней, побѣжалъ къ священнику и, на бѣгу, началъ пѣть:—«Господи помилуй»!

Послѣ окончанія всей эктиньи, Государь приказалъ мнѣ командовать: «накройся, вставай, справа и съ лѣва кругомъ заходи!» Потомъ приказалъ еще вздвоить ряды и началъ имъ говорить:

— «Какъ смѣли вы возстать противъ меня?!» И когда поселяне отвѣчали, что они противъ него не возставали, то Государь сказалъ имъ: «вы убили своихъ начальниковъ, Богомъ и мною надъ вами поставленныхъ, это все равно, что вы подняли руку свою на меня!» Потомъ говорилъ онъ, что это болѣзнь, посланная Господомъ за наши грѣхи, что и самъ онъ потерялъ брата отъ этой болѣзни, а потому надо съ кротостію переносить волю Господню, и, увидѣвъ одного унтеръ-офицера съ Анненскимъ крестомъ и двумя медалями, подозвалъ къ себѣ, какъ равно и всѣхъ кавалеровъ, тутъ бывшихъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ: «васъ-ли я вижу? И вы живы всѣ»? Анненскій кавалеръ, котораго Государь перваго подозвалъ, отвѣчалъ: «слава Богу, ваше величество, Богъ помиловалъ!» Но государь сказалъ ему и прочимъ кавалерамъ: «молчи и не срами Бога! вы, кавалеры, должны были всѣ лечь тутъ и не допустить истреблять вашихъ начальниковъ!» потомъ, обратясь ко мнѣ, изволилъ сказать такъ, чтобъ всѣ слышали: «а ты съ ними не шути и при первомъ ослушаніи

выведи и тутъ же разстрѣляй на мѣстѣ!» Потомъ началъ говорить, чтобъ выдали виновныхъ, но поселяне молчали.

Я въ то время, стоя въ рядахъ поселянъ, услышалъ, что сзади меня, какой то поселянинъ говорилъ своимъ товарищамъ: «а что братцы? — полно, это государь-ли? Не изъ нихъ ли переряженецъ?»

Услышавъ эти слова, я обмеръ отъ страха и, кажется, Государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ виновныхъ и спросилъ ихъ: «разскаяваетесь-ли вы?» и когда они начали кричать: «разскаяваемся!» то Государь отломилъ кусокъ кренделя и изволилъ скушать сказавъ: «ну вотъ я ѣмъ вашъ хлѣбъ и соль, конечно я могу васъ простить, но какъ Богъ васъ проститъ!?»

Потомъ приказалъ мнѣ командовать: «на лѣво кругомъ» — и выстроить фронтъ; и когда они обращены были лицемъ къ Государю, то онъ благодарилъ меня и гг. офицеровъ, бывшихъ во фронтѣ; но такъ какъ не всѣ офицеры того стоили, то я остановилъ Государя и сказалъ ему, что не всѣ стоятъ его благодарности и о достойныхъ подалъ ему списокъ, который у меня припасенъ былъ; при чемъ доложилъ ему, что я, именемъ его, одного унтеръ-офицера произвелъ въ прапорщики. Государь спросилъ «за что? и когда?» я доложилъ, что за предложеніе пробиться, съ 30-ю человѣками, на штыкахъ со знаменемъ и денежнымъ ящикомъ въ городъ. Его величество, подозвавъ къ себѣ Перекопаева, поцаловалъ его и утвердилъ.

Послѣ, вышедъ изъ экзерциргауза, поѣхалъ на гауптвахту, гдѣ поздоровался съ поселянами, стоявшими на часахъ съ косами вмѣсто ружей, ибо резервный баталіонъ я смѣнилъ, по приказанію графа Орлова, чтобъ

приготовить къ выступленію въ Новгородъ. Тамъ на гауптвахтѣ я представилъ арестантовъ, кои не послушались выпускавшихъ ихъ военныхъ поселянъ. Государь благодарилъ ихъ и послѣ они оставлены были безъ наказанія.

Отъ гауптвахты Государь поѣхалъ въ Новгородъ; пріѣхавъ туда былъ въ церкви Св. Николая Качанова.

По отбытіи Государя изъ округа, я отслужилъ съ поселянами благодарственный молебенъ и распустилъ ихъ по домамъ, а самъ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ еще разъ видѣлъ Государя.

На другой день Государь дѣлалъ смотръ всѣмъ резервнымъ баталіонамъ въ Новгородѣ и приказалъ отправить ихъ въ Гатчину. Въ ночи на 27-е число государь отправился обратно въ Петербургъ, получивъ увѣдомленіе, что Государыня почувствовала приближеніе родовъ.

VI.

Говѣнье.—Подписка на лампаду.—Прибытіе войска.—Замыселъ на жизнь Панаева.—Арестъ заговорщиковъ.—Слово священника Лавра къ поселянамъ.—Арестъ сто шестидесяти.—Результаты дѣятельности Панаева.—Награды и пособія отличившимся и пострадавшимъ.—Причины бунта и его начало.

съ 28 іюля по 20 августа 1831 года.

По выступленіи резервнаго баталіона въ Гатчину, мы въ округѣ остались одни и графъ Орловъ объявилъ мнѣ: «государю угодно, чтобы поселяне доведены были до раскаянія». Полагая въ этомъ случаѣ дѣйствовать религіей, я предложилъ, въ наступающій Успѣнскій постъ, отправлять во всѣхъ 4-хъ

ротахъ, ежедневно, по церквамъ служеніе и пріуготовляться къ исповѣди и принятію св. Таинъ; а какъ у насъ въ округѣ одинъ священникъ былъ раненъ, и оставался только младшій, да и къ тому поселяне довѣрія не имѣли, опасаясь ему исповѣдываться, то я выпросилъ у преосвященнаго, чтобы были командированы ко мнѣ 5 человѣкъ умныхъ монаховъ, кои могли бы на исповѣди усовѣстить заблудшихся и привести къ раскаянію убійцъ. Монахи дѣло свое исполняли усердно.

1-го августа былъ парадъ, благодарственное молебствіе о рожденіи великаго князя Николая Николаевича и водоосвященіе на рѣкѣ Волховѣ. Послѣ, въ теченіи двухъ недѣль, всѣ роты исполнили таинство покаянія, и тѣ, кои чувствовали себя достойными, пріобщились св. Таинъ.

Мы же, нѣкоторые офицеры, взявъ образъ угодника Божія, коимъ 16-го числа остановлено было буйство поселянъ, разглядѣли подпись и, прочитавъ, что сей образъ былъ преподобнаго Ѳеодосія Тотемскаго, сложились, поновили, сдѣлали серебрянный окладъ и положили 50 руб. въ банкъ, дабы, изъ процентовъ на сіи деньги, ежегодно горѣли лампады въ дни 16, 17, 18, 19 и 20 іюля, 25 и—28 января въ день угодника.

Августа 12-го пришелъ въ округъ резервный баталіонъ, кажется, Невскаго пѣхотнаго полка, подъ командой маіора Гротенфельда.

Я расположилъ ихъ въ новомъ строеніи штаба и сталъ занимать ими посты.

Около половины августа была попытка опять сдѣлать бунтъ, заговорщики хотѣли, во время моего возвращенія ночью изъ города, напасть на меня, убить и возобновить бунтъ, но жена одного заговорщика объ-

явила капитану Носову и онъ сообщилъ мнѣ, пославъ записку, чтобъ я одинъ не ѣхалъ; записку сію я предъявилъ генералъ-лейтенанту Стесселю, который былъ назначенъ отряднымъ генераломъ Новгородскаго удѣла военныхъ поселеній и онъ приказалъ коменданту, генералъ-маіору Мазе, дать мнѣ уланскій конвой, съ которымъ я пріѣхалъ въ штабъ и сейчасъ-же послалъ въ роты, чтобы къ 9-ти часамъ утра были высланы ко мнѣ заговорщики.

Они начали ходить по поселянамъ и уговаривать, чтобъ ихъ не выдавали, но тѣ, съ разсвѣтомъ выѣхали на работы въ поле и сказали имъ, чтобъ они лучше сами шли и не ожидали пока ихъ свяжутъ. Между тѣмъ 6-ть часовъ наступило, а ко мнѣ ни кто не явился.

Я послалъ вторично 12 уланъ, что ежели къ 7 часамъ требуемые люди не будутъ приведены ко мнѣ, то въ 8 не останется камня на камнѣ въ ротѣ; но уланы встрѣтили ихъ уже на дорогѣ за конвоемъ поселянъ и я отправилъ ихъ въ городъ.

18-го числа былъ праздникъ въ 1-й ротѣ и поселяне меня пришли пригласить. Въ этотъ день старшій священникъ, отецъ Лавръ, былъ имянинникъ и, въ первый разъ, послѣ изцѣленія разбитой руки, желалъ священнодѣйствовать. Я отправился къ обѣднѣ, гдѣ священникъ, по освященіи святыхъ даровъ и поокончаніи причастной пѣсни, отворилъ царскія двери и, вышедъ, сказалъ къ поселянамъ, что, приступая въ первый разъ послѣ 16-го іюля къ священнодѣйствію и причащенію, онъ не можетъ приступить, не очистивъ себя прежде покаяніемъ и примиреніемъ со всѣми, причинившими ему зло, а потому и проситъ ихъ простить его, ежели въ вѣденіи или невѣденіи учинилъ имъ какое зло или огорченіе. Тутъ священникъ, пок-

лонившись на всѣ стороны, продолжалъ: что вмѣстѣ съ симъ не можетъ и не долженъ оставить въ сомнѣніи на счетъ ихъ заблужденія пагубнаго, заставившаго ихъ поднять руки на своихъ начальниковъ, проливъ кровь людей невинныхъ, души коихъ, предстоя конечно предъ престоломъ Всевышняго, молятъ праведнаго Бога, да отпуститъ прегрѣшенія и ослѣпленія причинившимъ имъ мученія и самую смерть. «Въ удостовѣреніе ваше, что вы избили и поругались надъ невинными, приступаю я къ принятію тѣла и крови Господней».

Возвратясь въ алтарь, при отверстыхъ царскихъ дверяхъ, сталъ пріобщаться. По окончаніи литургіи и молебна поселяне просили меня на ихъ завтракъ. Я поздравилъ ихъ съ праздникомъ и священника съ днемъ ангела и отправился къ графу Орлову съ донесеніемъ. Онъ мнѣ сказалъ, что теперь уже проходитъ мѣсяцъ, какъ онъ пріѣхалъ и, такъ какъ уже извѣстны главные дѣйствователи, то онъ желалъ бы, чтобъ 20-го числа они были арестованы и присланы въ Новгородъ.

Исполняя приказаніе графа, я утромъ въ 5 часовъ взялъ, безъ всякаго сопротивленія состороны военныхъ поселянъ, 160 человѣкъ, по предварительно составленному списку и, заковавъ въ кандалы по 10 человѣкъ на одинъ желѣзный прутъ, отправилъ въ Новгородъ. Въ 9 часовъ я поѣхалъ самъ туда и, осмотрѣвъ на дорогѣ — какъ ихъ ведутъ, явился къ генерелу Стесселю и графу Орлову и представилъ ихъ.

Достойно примѣчанія, что хотя дѣйствовали въ скорости безъ лишняго разбору, изъ всѣхъ доставленныхъ оказался правымъ только одинъ, прочіе всѣ, по собственному ихъ сознанію, осуждены. Правый этотъ

былъ тотъ депутатъ, что, по возвращеніи изъ Петербурга, объявилъ мнѣ истину. Увидѣвъ его, я просилъ освободить и его освободили.

Вотъ вамъ описаніе усмиренія бунта.

Результатъ моихъ дѣйствій былъ: сохраненіе 38 человѣкъ офицеровъ, обреченныхъ на смерть; поддержаніе покорности волѣ государя императора, подъ щитомъ коей я дѣйствовалъ—сохраненіе суммъ въ комитетѣ бывшихъ болѣе 150,000 руб.; сохраненіе пороха и оружія въ округѣ бывшаго и вообще всей собственности гренадерскаго, императора австрійскаго полка, а также и принадлежащей гг. офицерамъ.

Соколовъ, Носовъ и Черццовъ произведены въ слѣдующіе чины. Перекопаевъ произведенъ въ прапорщики и дано 300 руб. с. на обмундировку. Маіору Кутузову, вмѣстѣ съ прочими офицерами, облегчено наказаніе, а Левицкій совершенно освобожденъ и отправленъ въ образцовый полкъ.

Арестанты — нижніе чины уволены вовсе отъ суда; дѣти и вдовы убитыхъ получили полные пенсіоны; я произведенъ въ полковники, прослуживъ въ подполковничьемъ чинѣ съ 1825 года, и пожаловано мнѣ единовременно 900 руб. съ вычетомъ 10%, т. е. 810 р.

До сихъ поръ я писалъ вамъ что видѣлъ, теперь объясню какъ бунтъ начался.

Былъ обычай въ округахъ военнаго поселенія, вмѣсто того, чтобъ для пожарныхъ лошадей собирать сѣно по раскладкѣ съ каждаго дома въ ротѣ, обыкновенно ротные командиры уговаривали поселянъ косить извѣстное урочище. Въ этотъ день (16 іюля) капитанъ 2-й роты Заикинъ приказалъ поселянамъ выкосить для пожарныхъ лошадей оврагъ по большой дорогѣ, вдоль по ручью. Но поселяне начали упорствовать и, собрав-

шись къ нему, объявили, что косить не хотятъ, а дадутъ сѣно съ вѣсу. Тогда Заикинъ приказалъ имъ этотъ оврагъ косить для нихъ самихъ; поселяне хотя и спорили, но пошли и, вмѣсто того, чтобъ косить, роптали на своихъ начальниковъ и разговаривали о холерѣ, объ коей получили свѣдѣніе отъ мужиковъ, проходившихъ изъ Петербурга и отъ проѣхавшихъ солдатъ, бывшихъ за пріемкой съ офицеромъ Бѣляевымъ. Роптали и на то, что приняты карантинныя мѣры и недопускаютъ ихъ имѣть свиданіе съ дѣтьми, служащими въ резервномъ баталіонѣ, пришедшими изъ лагеря и расположенными въ ригахъ.

Около Подберезья находится и нынѣ на московскомъ шоссе казарма нижнихъ чиновъ путей сообщенія. Въ этомъ домикѣ жилъ унтеръ-офицеръ съ командой и у него находилась безъ паспорта дѣвка. Когда, по случаю появленія холеры, начали чаще посѣщать казармы и учредили карантины, разсматривавшіе — откуда проходящіе слѣдуютъ, унтеръ-офицеръ прогналъ дѣвку эту. Та бросилась къ Новгороду, но остановлена была въ карантинѣ; потомъ она обратилась къ Петербургу; но и тамъ не пропустили, а потому и возвратилась въ казарму; но унтеръ-офицеръ приказалъ ей идти въ бокъ по проселочной дорогѣ, однако и тамъ она была обращена назадъ гражданскимъ карантиномъ. Она, вышедъ на шоссе, возвращалась въ казарму, гдѣ встрѣтилъ ее унтеръ-офицеръ, у коего она жила; онъ былъ посланъ въ слѣдующую казарму своимъ докторомъ для доставки туда хлоровой извести и сѣрной кислоты. Увидѣвъ его, дѣвка сказала, что она нигдѣ пройдти не могла и просила его, чтобъ онъ взялъ ее об-

ратно; но тотъ ударилъ ее и сказалъ: «что если она его не оставитъ, то онъ ее тутъ же умертвитъ». Взявъ хлоровой извести, положилъ на камень и налилъ кислоты. Когда известь закипѣла и сталъ выходить газъ, тогда дѣвка закричала: «караулъ! травятъ!» Поселяне, бывшіе въ оврагѣ около того мѣста, выскочили и, увидя исходящій паръ изъ камня, схватили ихъ, повели къ своему капитану Заикину и начали укорять его, что дѣлаетъ потворство отравителямъ, заставили его требовать къ себѣ подполковника Бутовича и чтобъ съ нимъ былъ лекарь.

Заикинъ не объяснивъ буйства поселянъ, написалъ записку къ Бутовичу, что поселяне поймали съ ядомъ отравителя и требуютъ его съ лекаремъ.

Бутовичъ въ то время съ Пановымъ занимался счетами; положивъ недосчитанныя деньги въ карманъ и пригласивъ штабъ-лекаря, поѣхалъ съ нимъ въ кабріолетѣ во 2-ю роту.

По прибытіи туда онъ нашелъ толпу поселянъ на площади. Поселяне бросились къ лекарю и стали его допрашиватъ объ ядѣ. Бутовичъ вразумлялъ ихъ, что послана хлоровая известь не имъ, а лекаремъ путей сообщенія, но толпа начала его бить.

Бутовичъ приказалъ штабсъ-капитану Забѣлину вывесть роту резервнаго баталіона изъ риги и зарядить ружья. Забѣлинъ выстроивъ роту, ружья зарядилъ и взялъ на изготовку, но вмѣсто командованія «пали!» Бутовичъ подошелъ и началъ говорить дивизіону, вынувъ пучекъ денегъ изъ кармана: «стрѣляйте ребята, за каждый выстрѣлъ дамъ по 100 руб.!» Дивизіонъ спустилъ курки на 1-й взводъ и ружья поставилъ къ ноги. Забѣлинъ, чтобъ подать примѣръ, выхватилъ у рядоваго

ружье и хотѣлъ самъ выстрѣлить, но былъ, стоящимъ сзади унтеръ-офицеромъ, штыкомъ проколотъ въ спину и вытолкнутъ изъ фронта. Дивизіонъ сдѣлалъ на лѣво кругомъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Поселяне схватили Бутовича и начали бить, а дивизіонъ, оставшись безъ начальниковъ, разошелся, потому и съ маіоромъ Баллашемъ было только 3 роты. Въ это время я узналъ и прибылъ къ нимъ, о чемъ описано выше.

III.

Разсказъ священника Гренадерскаго короля Прусскаго поселеннаго полка Воинова.

I.

Начало мятежа. — Возмутители. — Захватъ начальниковъ. — Набѣгъ на штабъ. — Поиски яда. — Грабежъ. — Увѣщаніе священника. — Выборъ начальника. — Убійства. — Палачь Горшковъ. — Посылка выборныхъ къ Государю. — Спасеніе поручика Абрамова.

17 и ночь на 18 іюля 1831 г.

Въ началѣ іюля 1831 года въ округѣ поселеннаго Гренадерскаго короля прусскаго полка было уже извѣстно о происшествіи на Сѣнной площади; къ намъ доходили уже тревожные слухи о происшедшемъ въ Старой Русѣ.

Вечеромъ 16-го іюля мы узнали, что въ сосѣдствѣ съ нами, за Волховомъ, въ округѣ императора Австрійскаго полка, поселяне возмутились и умертвили баталіоннаго командира, подполковника Бутовича, лекаря и съ ними еще пять человѣкъ; а старшему священнику Лавру Смѣлкову переломили руку и держали его подъ карауломъ *).

Опасность приближалась и угрожала округу короля Прусскаго полка.

---

*) Изъ-подъ караула заставили его окровавленнаго въ полушубкѣ совершить отпѣваніе на могилѣ убіенныхъ. На слово поселянъ: «да ложись тутъ же и самъ, батька», онъ не смущаясь, отвѣчалъ: «живой не лягу, а убьете, тогда сами уложите».

Примѣч. свящ. Воинова.

17-го іюля, въ седьмомъ часу утра, командиръ поселеннаго баталіона, маіоръ Яцковскій, въ квартирѣ своей, совѣщался съ ротными командирами о мѣрахъ противъ угрожающей опасности. Часовъ въ двѣнадцать маіоръ сообщилъ старшему священнику баталіона намѣреніе свое собрать поселянъ въ воскресенье (19-го числа іюля) въ главную церковь къ обѣдни, причемъ предложилъ священнику сдѣлать, по примѣру предъидущаго воскресенья, увѣщаніе поселянамъ о томъ, чтобы они не слушали ложныхъ слуховъ, соблюдали бы мѣры предосторожности противъ холеры, и, исполняя всѣ распоряженія начальства, строго держались бы законнаго порядка. Все это, однако, было уже поздно; ровно черезъ два часа маіоръ поспѣшно обходилъ квартиры штаба и лично сообщалъ, что поселяне нашего округа поднялись и приближаются къ штабу по направленію отъ третьей роты. Объѣхавъ затѣмъ штабъ еще разъ верхомъ, маіоръ Яцковскій подскакалъ ко мнѣ. Я стоялъ въ ожиданіи поселянъ у церкви; г. Яцковскій указалъ мнѣ на поселянъ, бывшихъ уже у караульнаго дома, и ускакалъ въ противоположную сторону ко второй ротѣ.

Между тѣмъ буйныя толпы поселянъ, поселянокъ и кантонистовъ набѣжали въ штабъ. Мятежники были и пѣши и верхомъ, вооружены топорами, шворнями, кольями и разными сельскими орудіями; шли въ рубахахъ, съ платками и тряпицами на шеяхъ, съ завязаннымъ ртомъ изъ глупой предосторожности противъ мнимой отравы, летающей будто бы въ воздухѣ съ пылью. Всѣ они разсыпались по штабу для розысковъ выдуманной отравы. Мятежъ главнымъ образомъ разыгрался только въ штабѣ. Дѣло происходило такъ.

Около десяти часовъ того дня толпа поселянъ округа

императора Австрійскаго полка, наканунѣ совершивъ нѣсколько убійствъ у себя въ округѣ, переправилась черезъ Волховъ къ резервной ротѣ округа короля Прусскаго полка (два дѣйствующіе батальона поселенныхъ полковъ были въ походѣ противъ возмутившихся поляковъ и югозападныхъ русскихъ губерній). Мятежники возмутили поселянъ этой роты; они съ дерзостью вызвали изъ квартиры своего ротнаго командира, капитана Дасаева и, по желанію его, младшаго священника Василія Соколова, на котораго Дасаевъ, при увѣщаніи, ссылался; увѣщанія обоихъ ихъ на мятежниковъ не подѣйствовали. Взявъ ихъ съ собою, поселяне пошли по направленію къ штабу чрезъ 4-ю роту *); здѣсь повторилось то же, что и въ предъидущей ротѣ: штабсъ-капитанъ Денисовъ былъ вызванъ изъ квартиры; первымъ вызвалъ его поселянинъ, у котораго Денисовъ воспринималъ дѣтей; жена и мать въ слезахъ и отчаяніи провожали его до самаго штаба. Командиръ 3-й поселенной роты, предупрежденный за нѣсколько минутъ до прихода мятежниковъ, почти въ ихъ глазахъ, ускакалъ изъ ротнаго двора на пожарной лошади.

Нахлынувъ въ штабъ въ два часа пополудни, мятежники столпились на нѣсколько минутъ у караульнаго дома, а потомъ разсыпались по штабу отъискивать ядъ и мнимыхъ отравителей. Двое верхомъ, въ рубахахъ, обвязанные тряпицами по шеи и по рту, неистово обскакали кругомъ штабъ.

---

*) Округа австрійскаго и прусскаго поселенныхъ полковъ расположены въ одну линію вдоль рѣки Волхова, исключая резервной роты австрійскаго округа и фурштатской роты обоихъ округовъ, которые были устроены позади этой линіи на Волховѣ, Вишерѣ и Тигодкѣ. *Примѣч. издат.*

Я спросилъ ихъ: «что вы дѣлаете, зачѣмъ набѣжали въ штабъ?» отвѣта мнѣ не было.

Между тѣмъ одна толпа отъ караульнаго дома направилась чрезъ плацъ и экзерциргаузъ обыскивать госпитальную аптеку. Увидавъ ихъ движеніе, я съ крестомъ прошелъ къ нимъ наперерѣзъ чрезъ церковь въ экзерциргаузъ. Поселяне однако не слушали меня; цаловали крестъ и, не останавливаясь, тянулись чрезъ манежъ къ госпитальному корпусу.

Тогда я, удержавъ за воротъ одного унтеръ-офицера 4-й роты (Кузнецова), началъ его уговаривать; толпа остановилась. Кузнецовъ отвѣчалъ за всѣхъ; прочіе стояли молча. Въ первомъ порывѣ онъ шумно и крикливо оправдывалъ возстаніе, противъ увѣщаній, но истощившись въ словахъ, вырвался и сказалъ: «что ни говорите, а что задумано, то сдѣлаемъ». Унтеръ-офицеръ этотъ былъ изъ старослужащихъ.

Толпа повалила дальше, я остался одинъ передъ церковью среди экзерциргауза. Поиски по квартирамъ сопровождались грабежемъ: осматривая шкафы, комоды, поселяне безъ зазрѣнія совѣсти забирали себѣ разныя вещи и одежду*). Забывъ объ ядѣ, поселяне смѣло, безъ всякаго опасенія, распивали вино; въ пьяномъ видѣ мятежники дѣлались еще буйнѣе; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ и въ штабъ пришли уже нетрезвые.

Церковь оставалась неприкосновенною; во все время безпорядковъ, ко храму божію не было оказано неуваженія.

---

*) Впослѣдствіи времени часть этихъ вещей, по требованію начальства, представлена была поселянами въ комитетъ для раздачи по принадлежности, но многаго не оказалось; за все недостающее, сдѣлано было вознагражденіе изъ поселенныхъ суммъ. *Примѣч. издат.*

Занявъ гауптвахту, поселяне предложили свободу четыремъ подсудимымъ офицерамъ принца Павла Мекленбургскаго полка, содержавшимся на ней; офицеры не приняли незаконнаго предложенія и оставались на гауптвахтѣ во все время безпорядковъ; поселяне не причинили имъ никакого оскорбленія.

Толпы поселянъ расхаживали по штабу. Я останавливалъ и увѣщевалъ ихъ; мнѣ отвѣчали множествомъ нелѣпостей: увѣряли меня въ существованіи мнимаго отравленія; увѣряли, что ядъ разсыпанъ по хлѣбнымъ полямъ, лѣсамъ, колодцамъ, улицамъ, домамъ, по липамъ и березкамъ на бульварѣ; иной увѣрялъ, по разсказамъ другихъ, самъ того не видѣвши, что стадо скота вдругъ вымерло отъ яду; одинъ показывалъ мнѣ, какъ отраву, полуштофъ разведеннаго купороснаго масла; масло это роздано было передъ тѣмъ хозяевамъ для леченія скота отъ сибирской язвы; другой, показывая дыру на полѣ кафтана, увѣрялъ, что она выжжена ядомъ. Объясненій не слушали, но съ грубымъ видомъ удалялись; иные возражали клеветой на священниковъ, возводя на нихъ обвиненіе даже въ небываломъ святотатственномъ отравленіи. Такъ, когда толпа поселянъ подступила къ алтарному портику, гдѣ я стоялъ въ ризахъ и откуда увѣщевалъ ихъ, одинъ полуодѣтый старикъ, чтобы заглушить мои слова, сталъ кричать:

«Что его слушать, онъ самъ подписавшись травить, онъ членъ комитета, въ согласіи съ начальствомъ, надо его взять».

Я продолжалъ говорить, и когда довольно рѣзко отозвался на этотъ приговоръ, то съ другой стороны послышался голосъ:

«Что его брать, онъ и то въ нашихъ рукахъ».

Толпа отхлынула. Осталось человѣкъ пять, шесть; они почтительно и съ участіемъ жаловались мнѣ на буйство товарищей и на возраженіе мое: зачѣмъ они шли съ ними? оправдывались невольнымъ участіемъ, говоря: «что кто не хотѣлъ съ ними идти, тѣхъ били нещадно на смерть». Но и эти, завидя большую толпу вблизи, незамѣтно, съ поспѣшностію отошли отъ меня изъ опасенія, чтобъ ихъ не заподозрили товарищи въ сношеніяхъ и согласіи со мною. Это повторялось нѣсколько разъ; малая толпа по добру войдетъ, бывало, со мной въ разговоръ, но лишь только завидитъ другую, большую, тотчасъ разсыпается въ стороны. Я, обличая поселянъ, говорилъ имъ, что если они намѣрены то же сдѣлать, что сдѣлали поселяне Австрійскаго округа, то пусть знаютъ, что за каждую каплю невинной крови страшно отвѣтятъ предъ Богомъ. Обратясь къ одному изъ предстоящихъ крестьянъ, въ рукахъ котораго былъ громадный шестъ, я уличалъ его самымъ орудіемъ въ дурномъ ихъ замыслѣ, но тотъ поспѣшно придвинулъ къ себѣ шестъ и отвернувшись, сказалъ: «мы не за тѣмъ пришли». Другой подтвердилъ, что они начальникамъ ничего не сдѣлаютъ и крови проливать не станутъ, а взяли ихъ подъ караулъ изъ одной предосторожности. До самыхъ сумерекъ толпы поселянъ бродили мимо меня взадъ и впередъ отъ полковаго двора къ караульному дому. Я не имѣлъ никакого видимаго успѣха въ своихъ увѣщаніяхъ; послѣдній поселянинъ, съ которымъ я заговорилъ-было, молча и поспѣшно отошелъ на средину плаца къ стоявшему тамъ скопищу.

Мать одного и жены обоихъ ротныхъ командировъ, не страшась опасности, не отставали отъ нихъ до самой гауптвахты; несчастныя, рыдая, ползали предъ

поселянами на колѣняхъ и умоляли ихъ освободить невинныхъ. На вопли женщинъ поселяне отвѣчали одно:

«Мы не тронемъ вашихъ мужьевъ, мы ничего имъ не сдѣлаемъ, мы взяли ихъ только на сохраненіе».

Они говорили одно, но дѣлали другое. Къ вечеру приведенъ былъ на гауптвахту баталіонный командиръ, маіоръ Яцковскій. Онъ былъ оборванъ, безъ шапки, сюртука и шпаги, и измученъ до изнеможенія. Его преслѣдовали и взяли у крайней будки при въѣздѣ въ четвертую роту графа Аракчеева полка; здѣсь Яцковскаго задержали поселяне того округа. Въ то же время на гауптвахту приведенъ былъ изъ аптеки аптекарскій ученикъ Руфъ Ѳедоровъ.

Въ самую полночь на 18-е іюля (суббота) на плацпарадѣ въ темнотѣ ночной, то поднимался какой-то буйный вопль и оглушительный крикъ, то наступала такая мертвая тишина, какъ будто бы плацъ дѣлался совершенно пустъ.

По утру объяснилось, что неистовые крики были смертнымъ приговоромъ мятежниковъ: криками встрѣчали каждаго, одного за другимъ, выводимыхъ на плацъ какъ на казнь арестованныхъ лицъ; наступавшая за тѣмъ тишина была страшными минутами душегубства... ожесточенные злодѣи умолкали; исполнителемъ кроваваго злодѣйства былъ хозяинъ четвертой роты изъ старослужащихъ Горшковъ.

Онъ взялъ на себя обязанность палача и саблей зарубилъ маіора Яцковскаго, капитана Дасаева, штабсъ-капитана Денисова. Запыхавшись наконецъ отъ звѣрской работы, злодѣй бросилъ саблю; неизвѣстно затѣмъ, кто умертвилъ аптекарскаго ученика; каждому несчастному дано по нѣсколько ударовъ въ затылокъ, по го-

ловѣ, а у маіора Яцковскаго и лицо было обезображено сабельными ударами; вѣроятно онъ упалъ на землю лицомъ къ верху, и тогда посыпались на него удары. Тѣла убитыхъ плавали въ крови до утра, и уже часу въ девятомъ ихъ отнесли за штабъ. Четыре большія кровавыя лужи долгое время оставались въ виду у всѣхъ, какъ-бы уличая убійцъ и ихъ соучастниковъ.

Между тѣмъ, въ ту самую ночь, предъ началомъ кровавой драмы и впродолженіе ея, въ окружномъ комитетѣ происходило слѣдующее. Инженеръ-капитанъ Костеревъ былъ уже раньше признанъ поселянами, конечно только для вида, командиромъ округа; къ нему были приводимы измученный до безсилія маіоръ Яцковскій, капитанъ Дасаевъ и штабсъ-капитанъ Денисовъ. Костеревъ заставилъ бывшихъ при немъ поселянъ дать клятву, что они не посягнутъ на жизнь своихъ начальниковъ. Поселяне между тѣмъ приступали къ маіору Яцковскому съ требованіемъ, чтобъ онъ подписался подъ показаніемъ, составленнымъ, по принужденію и со словъ поселянъ, однимъ изъ писарей, въ которой было сказано: «яко бы начальники дѣйствительно подкуплены и согласны были отравлять ихъ», и лукавымъ обѣщаніемъ не посягать на жизнь несчастнаго, склоняли его на ложное противъ себя показаніе. Маіоръ Яцковскій, упорно отказывавшійся отъ несправедливой подписки, поддался наконецъ на мольбы самого капитана Дасаева, который просилъ «успокоить и ихъ и себя подпискою». Конечно, повѣря обѣщанію поселянъ и надѣясь выиграть время къ спасенію себя и другихъ, маіоръ подписался, какъ могъ, едва владѣя дрожащею рукою... Злодѣи только того и ждали! Они надѣялись въ этой подпискѣ имѣть себѣ оправданіе предъ государемъ императоромъ въ

задуманныхъ ими злодѣяніяхъ. Офицеры обманулись въ надеждахъ получить пощаду отъ мятежниковъ, мятежники же не избѣгли справедливой кары... Немедленно послѣ подписки, маіоръ, а за нимъ и другіе были выведены на плацъ. Капитанъ Костеревъ пошелъ было за ними посмотрѣть, что съ ними будетъ, но въ дверяхъ былъ задержанъ часовымъ, и неожиданно самъ очутился подъ карауломъ. Нѣсколько минутъ спустя, поселяне пришли за нимъ, и, по требованію баталіона, вывели его на площадь. По прибытіи въ средину толпы. Костеревъ увидалъ на землѣ трупы офицеровъ... Изъ толпы слышались крики: «выбирай себѣ мѣсто и ложись!» Не потерявъ присутствія духа, капитанъ Костеревъ спросилъ: «за что вы хотите меня убить?» Толпа не отвѣчала. Онъ требовалъ къ себѣ для христіанскаго напутствованія священника. Отвѣтомъ ему были ругательства. Руки его крѣпко держали назадъ. «Дайте мнѣ хоть помолиться!» сказалъ Костеревъ. Руки его освободили. Капитанъ перекрестился, прочиталъ тихо молитву господню и снова, съ большею твердостію, спросилъ мятежниковъ:

«Да скажите же мнѣ, за что жь вы меня убиваете?»

Толпа вмѣсто отвѣта разступилась и онъ свободно вышелъ. Поселяне тутъ же обратились къ Костереву съ просьбами быть ихъ начальникомъ.

—«Какой я вамъ командиръ, когда вы только что хотѣли меня убить?» отозвался Костеревъ.

Но поселяне продолжали просить его принять надъ ними начальство и вмѣстѣ съ ихъ выборными отправиться въ Царское Село: «къ царю на лицо». Соглася на предложеніе, Костеревъ пошелъ-было въ квартиру, чтобы собраться въ дорогу, но поселяне, изъ какого-то опасенія, не отпустили его отъ себя, а сами

принесли ему мундиръ и вещи для дороги; потомъ опять раздумали и удержали его въ округѣ, отправивъ выборныхъ своихъ однихъ представиться его величеству. Въ это же время и на томъ же мѣстѣ спасся отъ рукъ убійцъ поручикъ Абрамовъ, исправлявшій должность баталіоннаго адъютанта, квартирмейстера и казначея въ комитетѣ. Послѣ нѣкоторой борьбы съ злодѣями, пытавшимися повалить его на землю, Абрамовъ вырвался изъ ихъ рукъ и обратился къ нимъ съ убѣжденіями пощадить его жизнь для семейства. Убѣжденія его подѣйствовали, но только на время. На другой день Абрамова вновь вывели на плацъ; на сей разъ онъ убѣдилъ злодѣевъ оставить его въ живыхъ тѣмъ, что имъ нельзя обойтись безъ него, такъ-какъ на его рукахъ бумаги комитета, и суммы, и пороховой погребъ, и оружіе, и что, впрочемъ, онъ всегда въ ихъ рукахъ, и они всегда могутъ съ нимъ сдѣлать все, что̀ захотятъ; поручика снова освободили. Это въ третій уже разъ онъ спасъ свою жизнь, такъ-какъ при самомъ еще началѣ, когда поселяне прибѣжали въ штабъ и силою потащили его въ комитетъ, одинъ изъ толпы замахнулся на него стягомъ; ударъ былъ бы смертеленъ, но Абрамовъ успѣлъ отвернуться, стягъ ударился въ каменную мостовую и выскочилъ изъ рукъ злодѣя; тотъ сталъ ругаться, что отбилъ себѣ руки. Первое спасеніе послужило Абрамову какъ-бы предзнаменованіемъ, что и всѣ послѣдующія опасности пронесутся надъ нимъ безвредно. Любопытно, что въ это время кантонистъ, лѣтъ четырнадцати, подергивая Абрамова за полы, приговаривалъ: «а! теперь и самъ попался!» Мальчикъ припоминалъ то, что незадолго предъ тѣмъ, въ бытность его на вѣстяхъ, адъютантъ погрозилъ наказать его за какую-то неисправность. Послѣ,

когда возстановился порядокъ, этотъ же самый кантонистъ былъ опять при комитетѣ на вѣстяхъ. Адъютантъ шутливо повторилъ ему его же слова: «а! теперь и самъ попался!» Кантонистъ поблѣднѣлъ и затрясся, но адъютантъ успокоилъ его.

Въ эту же ночь и непосредственно за совершеніемъ убійствъ, поселяне, отстраня капитана Костерева, отправили восемь человѣкъ своихъ выборныхъ изъ хозяевъ въ Царское Село, для донесенія государю императору о происшедшемъ и для оправданія въ своихъ поступкахъ. При этомъ поселяне самовольно выдали своимъ депутатамъ на дорогу изъ казеннаго ящика, помнится, до 400 рублей ассигнаціями. Выборнымъ поручено было представить мнимую опасность отъ небывалаго подкупа начальства на отравленіе всѣхъ поселянъ ядомъ,—и что крайность вынудила ихъ отважиться на ослушаніе и насиліе противъ начальства. Въ подтвержденіе нелѣпицы взяли нѣсколько пузырьковъ изъ аптеки съ острыми врачебными веществами и вынужденную подписку убитаго маіора Яцковскаго. Само собою разумѣется, что государь съ гнѣвомъ отвергъ ихъ нелѣпое представленіе. Императоръ при этомъ строго обличилъ ихъ безсмысленную и преступную ложь; послѣ чего выборные отосланы были обратно въ округъ, до прибытія въ оный его величества. По возвращеніи въ округъ, выборные лукаво смягчили въ свою пользу безуспѣшность поѣздки и дерзновеннаго покушенія. Не надѣясь открыть истину, но въ то же время не желая унизить свою депутатскую важность, посланцы отдѣлывались выраженіемъ: что «государь ихъ не похвалилъ».

II.

Шатанья поселянъ по квартирамъ начальниковъ. — Наказаніе за буйство. — Ожесточеніе поселянокъ. — Самозванецъ — батальонный командиръ. — Всенощная. — Возбужденіе мятежа въ округѣ гр. Аракчеева полка. — Обѣдня. — Новыя изтязанія и убійства. — День св. Иліи. — Возбужденіе бунта въ поселенномъ принца Прусскаго полку. — Выборъ священника въ начальники. — Наказаніе грабителя. — Лекарь Европеусъ. — Спасеніе офицеровъ и священниковъ. — Изтязаніе фельдфебеля, каптенармуса и унтеръ-офицера.

18—20 іюля 1831 г.

18-го іюля съ ранняго утра поселяне шатались по штабу и бродили изъ квартиры въ квартиру. Подъ предлогомъ отысканія ядовъ, они заставляли отпирать шкафы, камоды, шкатулки, смѣло пили найденную водку, не думая объ отравѣ, и забирали все, что попадалось подъ руку: одежду, деньги, серебряныя вещи (офицерскіе бумажники впослѣдствіи являлись у поселянъ въ видѣ поминаньевъ, гдѣ вписаны были съ родителями и родственниками и убіенные во время смятенія). Были и въ квартирѣ полковаго командира и госпитальнаго смотрителя, гдѣ оставались ихъ семейства, но тамъ они ничего, кромѣ осмотра, оскорбительнаго не причинили, а, напротивъ, еще старались успокоивать ихъ семьи. Другимъ семействамъ офицеровъ иные, особенно нетрезвые, дѣлали разные упреки и стращали, иные же ихъ успокоивали, и обнадеживали въ личной ихъ безопасности. Ко мнѣ въ квартиру приходилъ конвой, съ двумя вооруженными. Толпа стояла молча, а пьяный инвалидъ кричалъ на меня, упрекалъ за проповѣдь, говоренную мною по случаю холеры въ прошедшее воскресенье, угрожалъ, и заглушалъ своими криками мои внушенія. Наконецъ,

сцену эту заключилъ, стоявшій съ ружьемъ полупьяный поселянинъ:

—«Батька намъ нуженъ, не тронь батьку, безъ батьки нельзя!»

Послѣ этого пьяный инвалидъ и конвой ушли. Выходя изъ комнаты, мятежники встрѣтили инвалида, бывшаго у меня въ услуженіи. Инвалидъ заспорилъ съ ними о чемъ-то, и они, разложивъ его въ коридорѣ, дали ему нѣсколько ударовъ фухтелемъ. Тотъ съ глупымъ плачемъ и ребяческой жалобой возвратился въ комнаты. Не прошло получаса, какъ ко мнѣ явился съ плацу унтеръ-офицеръ и доложилъ, что баталіонъ двумя стами розогъ наказалъ на плацу пьянаго солдата за оскорбленіе и грубости, мнѣ причиненныя.

Жены офицерскія были въ страхѣ и отчаяніи; въ слезахъ о страданіи родныхъ и въ мучительномъ безпокойствѣ за жизнь ихъ, онѣ дня три не могли приняться за пищу. Собирались ко мнѣ раздѣлить свою горесть, свой страхъ и облегчить отчаяніе. Слезы и молитва были ихъ пищею и нѣкоторою отрадою. Мщеніе выказывалось и въ поселянкахъ: одна изъ нихъ, пожилая и, повидимому, степенная, подошла къ устрашеннымъ и отчаяннымъ женамъ офицеровъ, ей знакомымъ, и, вмѣсто утѣшенія, сказала имъ:

— «Когда нашихъ мужей били, вы тогда чай пили».

Тѣла убитыхъ въ ночи офицеровъ отнесены были поутру за штабъ, гдѣ складывались дрова, брошены тамъ и зарыты въ неглубокихъ ямахъ. А на плацу поселяне истязывали захваченные чины, содержавшіеся подъ карауломъ; троихъ изъ нихъ по три раза выводили бить розгами и палками. Этимъ побоямъ подвергали тѣхъ, коихъ не рѣшались убить.

Въ этотъ же день явился у мятежниковъ еще но-

вый баталіонный командиръ изъ своихъ: то былъ 2-й поселенной роты унтеръ-офицеръ Красниковъ. Онъ началъ разыгрывать роль командира, и въ своихъ распоряженіяхъ, и при истязаніяхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, дѣйствовалъ именемъ баталіона; въ комитетѣ и на плацу на все спрашивалъ согласія поселянъ; рѣшая, напр., участь выводимыхъ на плацъ, онъ обыкновенно спрашивалъ:

— «Такого-то рѣшить или нѣтъ?»

Рѣшить, на ихъ языкѣ, значило предать смерти. Словомъ, Красниковъ исполнялъ должность экзекутора. Не смотря на это, съ важностію и осанкою командира, онъ разъѣзжалъ на парѣ лошадей въ дрожкахъ убитаго маіора Яцковскаго изъ роты въ комитетъ и обратно; причемъ, съ хвастовствомъ представлялъ себя утомленнымъ отъ множества дѣлъ. Комедія эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока онъ не подвергся подозрѣнію въ похищеніи офицерскихъ вещей. Не вытерпѣвъ сраму постыдной улики, этотъ командиръ, въ минуту обыска вещей на дворѣ, схватилъ полуштофикъ съ разведеннымъ купоросньмъ масломъ (хранившимся у него дома, по случаю появившейся сибирской язвы) и, выпивъ изъ него сколько могъ, упалъ на полъ. Въ этомъ положеніи застали его поселяне, и отпаивали молокомъ. Затѣмъ привезли въ госпиталь съ обожженнымъ ртомъ и горящими отъ кислоты внутренностями въ безнадежномъ положеніи. Но впослѣдствіи Красниковъ выздоровѣлъ и, по прогнаніи сквозь строй, былъ отосланъ въ арестантскія роты; кукольное командирство его продолжалось до трехъ дней, и онъ понесъ два наказанія: одно отъ своихъ рукъ, другое — отъ правительства.

Около вечеренъ, содержавшіеся подъ карауломъ и

измученные офицеры, не ожидая себѣ пощады, исповѣдались и пріобщались св. Таинъ.

Вечеромъ того дня (18-го числа), во всенощную службу, штабная церковь была полна поселянами (чего прежде не бывало); даже въ экзерциргаузѣ большое пространство передъ церковью было занято молящимися. Смирно и благопристойно слушали продолжительную службу и длинное поученіе. Капитанъ Костеревъ и я были утѣшены. Полагая, что переломъ горячки наступилъ, мы начинали уже ободряться перемѣною къ лучшему и надеждою на возстановленіе порядка.

Еще до разсвѣта послышались конскій топотъ и тихій говоръ позади штаба, по направленію отъ аракчеевскаго округа. Этотъ шумъ былъ непонятенъ для оставшихся жителей штаба, но вскорѣ объяснился.

Я, оживясь впервые радостію, послѣ стольких страшныхъ и плачевныхъ тревогъ, отраднымъ явленіемъ у всенощной службы, съ нетерпѣніемъ, безъ сна, во всю ночь прождалъ утра, и часу въ пятомъ прямо поспѣшилъ на гауптвахту, обрадовать тамъ измученныхъ, лишенныхъ свободы страдальцевъ, томимыхъ горькимъ положеніемъ и будущею неизвѣстностію, и подѣлиться съ ними своею отрадою. Но стоявшимъ на караулѣ у гауптвахты рядовымъ мастеровой полуроты, сверхъ чаянія, былъ выведенъ изъ отраднаго заблужденія. На слова мои что поселяне уже образумились, часовой возразилъ, съ недобрымъ выраженіемъ въ лицѣ, что поселяне ходили бунтовать въ графскій округъ. Я теперь понялъ въ чемъ дѣло, и что значилъ слышавшійся въ ночи и до свѣту шумъ за штабомъ: то былъ возвратъ изъ аракчеевскаго округа здѣшнихъ поселянъ съ тамошняго побоища; при всемъ томъ, однако, затаилъ возобно-

вившуюся горесть, и чтобы сколько нибудь пролить отрады въ сердце томившихся въ горькой неволѣ, я вошелъ въ караульный покой и сказалъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, что поселяне начинаютъ усмиряться и, кажется, очувствовались. Они, избитые, истомленные, оборванные, полуобнаженные, лежали по лавкамъ и на полу, и томимые жаждою, просили пить. На фурштатскомъ офицерѣ Грѣшниковѣ оставался только воротникъ отъ сорванной рубашки; по сине-багровому опухлому лицу нельзя было узнать его: спина и грудь были покрыты сине-багровыми и кровавыми слѣдами нещадныхъ побоевъ; мѣста, гдѣ была содрана кожа, покрылись запекшеюся кровью...

19-го числа, въ воскресенье, къ обѣдни въ главную церковь поселянъ собралось еще больше, нежели вчера ко всенощной. Чтобы дать имъ больше времени и побужденій опомниться и обратиться къ страху Божію и долгу, и занявъ молитвой и богослуженіемъ, отвлечь сколько можно долѣе отъ продолженія преступленій и безпорядковъ, служба отправлялась продолжительнѣе и вокругъ штаба сдѣланъ былъ крестный ходъ съ параклисисомъ и литіями, въ которомъ почти всѣ участвовали; но какъ служба длилась до втораго часа, то оставшіеся у караульнаго дома съ нетерпѣніемъ ожидали конца службы, чтобы свободнѣе возобновить и покончить свои преступныя дѣйствія, и негодовали на меня, что я долго служу; другіе, видя меня въ изнеможеніи, вполголоса, съ усмѣшкою, говорили: «вишь, онъ усталъ!»

Къ концу обѣдни были пойманы и взяты подъ караулъ подпоручикъ Ѳедуловъ командиръ инвалидной роты, и аудиторъ Губановъ. Они также пожелали христіанскаго напутствія въ вѣчность.

Я прямо послѣ службы пошелъ къ нимъ на гауптвахту и пріобщилъ ихъ, и только успѣлъ пройти чрезъ учебное мѣсто въ квартиру, какъ домашніе мои уже замѣтили, какъ убитаго подпоручика Ѳедулова несли за штабъ въ могилу. Съ нимъ вмѣстѣ убитъ и фурштатскій офицеръ Грѣшниковъ и зарытъ съ нимъ въ другой ямѣ. Убійства и истязанія кончились.

Изъ оставшихся въ живыхъ въ караульномъ домѣ отнесли въ квартиру на рукахъ подпоручика Винокурова, въ безпамятствѣ, безнадежнаго, приговаривая, что этому жить недолго; но онъ поправился, только страдалъ послѣ головою, которая была избита. Напротивъ, жена его съ отчаяннымъ плачемъ, умоляя поселянъ за своего мужа, въ безмѣрныхъ порывахъ надорвала себѣ грудь, получила кровохарканіе и впослѣдствіи умерла отъ чахотки. Штабсъ-капитана Дмитріева, и безъ того слабаго здоровьемъ, отвели въ квартиру, изможденнаго троекратнымъ истязаніемъ подъ розгами; но онъ съ разстроеннымъ вдвойнѣ здоровьемъ и доселѣ живетъ *). Мать Дмитріева была въ жестокихъ припадкахъ холеры, и, при началѣ смятенія, оставлена безъ пользованія; потомъ ее перенесли ко мнѣ на квартиру для большей безопасности; она была въ совершенномъ безпамятствѣ: не помнила, гдѣ она и что съ ней и вокругъ ея происходитъ, но впослѣдствіи поправилась. Аудитора Губанова, изувѣченнаго и хромоногаго, отвели также въ квартиру. Отъ неоднократныхъ побоевъ онъ остался хромъ и съ трудомъ могъ ходить на костыляхъ (послѣ на одномъ). Замѣчательно, что онъ смягчалъ ожесточеніе поселянъ шутками, сопровождая и отчасти останавливая ими свое шествіе со свитою поселянъ на мѣсто своего истязанія.

---

*) Писано около 1858 года. *Прим. изд.*

Порывъ буйства началъ ослабѣвать.

Жажда мщенія и крови была утолена; замѣтна была во всѣхъ какая-то усталость и грусть; въ увлеченныхъ пробудилась совѣсть, въ неукротимыхъ — страхъ взысканія; невольно выказывались жалобы на необузданное своевольство и безпорядки безначалія и самоуправства.

Въ эти дни работы были брошены, у всѣхъ хозяйство потеряно изъ виду; скотъ ходилъ вездѣ безъ присмотра и дѣлалъ потраву въ поляхъ, жатвахъ и огородахъ. Обузданія и расправъ не было; начинались безконечные споры и доходили до дракъ, буйные обидчики брали верхъ безнаказанно, смиренные безнадежно терпѣли, и дознавъ на себѣ зло безначалія, начинали всѣ гласно признаваться, что худо быть безъ начальства, выражая по своему: «что безъ головы нельзя». А между тѣмъ очевидно было, что выбранныхъ ими изъ среды ихъ начальниковъ и сами они не признавали за начальниковъ. Эти куклы — начальники безъ правъ власти, силы и законности,—носили одно названіе для прикрытія безначалія и своеволія и не могли принести избравшимъ никакой помощи. Одинъ изъ этихъ мнимыхъ начальниковъ, изъ унтеръ-офицеровъ, командиръ 4-й роты, слагая съ себя шутовское командирство, передъ ротой высказалъ нечаянно дѣльную мысль:

«Вы сами мнѣ отдаете всѣ приказанія, а я только исполняй ихъ; такъ я вамъ больше не начальникъ».

Наконецъ, въ тотъ же день, предъ всенощною, поселяне приступили ко мнѣ съ просьбою, чтобы завтрашній день (20 іюля, день св. прор. Иліи) была отслужена обѣдня, въ главной церкви, съ младшимъ священникомъ вмѣстѣ, а послѣ литургіи былъ бы совершенъ крестный ходъ изъ этой церкви въ Ксенофонтову пустынь.

Эта пустынь въ 7 верстахъ отъ штаба, въ ней почиваютъ, подъ спудомъ, мощи преподобнаго Ксенофонта, ученика преподобнаго Варлаама Хутынскаго.

Желаніе поселянъ было исполнено. Въ самый праздникъ св. пророка Иліи, при большомъ стеченіи народа, была отслужена литургія и сказано длинное поученіе. Поселяне вели себя при этомъ благопристойно и набожно, и наставили свѣчей къ иконамъ необыкновенно много. По окончаніи службы, выступили изъ штаба въ означенную пустынь съ крестнымъ ходомъ, который совершить предоставлено было младшему священнику.

Послѣ этого поселяне спокойно разошлись по домамъ, въ намѣреніи съ утра приняться за работы, заброшенныя съ 17-го числа.

Замѣчательно, что въ эти дни отъ сильныхъ жаровъ и засухи горѣлъ лѣсъ и дымъ застилалъ въ видѣ тумана весь горизонтъ, такъ что при безоблачномъ небѣ едва можно было видѣть солнце, а по вечерамъ воздухъ сгущался до того, что съ улицы въ окна дымъ проникалъ въ комнаты. Рожь поспѣвала въ первыхъ числахъ іюля. Въ предшествовавшую зиму иней на деревьяхъ наросталъ въ видѣ щетины на вершокъ, молодыя деревья инеемъ пригибало къ землѣ или ломало или раздирало сучья; рѣка Волховъ обмелѣла необычайно; то же было и въ 1826 году.

Штабъ освободился отъ буйной толпы и въ немъ водворилась тишина, и въ округѣ прекратилось волненіе. Недоставало только законнаго порядка.

Къ сожалѣнію, виновность поселянъ этого округа и этимъ не ограничилась.

Еще наканунѣ въ воскресенье (19-го ч.) ватага возмутителей, поселянъ этого же округа, отправилась въ

другой сосѣдній округъ, наслѣднаго принца Прусскаго полка, съ цѣлью возмутить и тамъ поселянъ; но, къ счастію, начальники и врачи, противъ которыхъ поселяне питали злой умыселъ, успѣли заблаговременно удалиться изъ округа, и тамъ все кончилось только шумнымъ волненіемъ. Потерпѣли побои три офицера, непринадлежащіе округу, и жена одного изъ ротныхъ командировъ. Управленіе округомъ, за отсутствіемъ настоящаго командира, поселяне упросили принять старшаго священника Василія Лукинскаго, при началѣ возстанія встрѣтившаго ихъ смѣлыми увѣщаніями.

Послѣ литургіи онъ сталъ опять ихъ уговаривать, но одинъ изъ поселянъ занесъ на него саблю и, угрожая зарубить, держалъ ее надъ головою. Священникъ сказалъ: «теперь я готовъ на смерть!» Но потомъ упрошенъ распоряжаться округомъ, и поселяне до того были ему послушны, что, по его назначенію, для обузданія начавшагося грабежа, нѣкоторые изъ поселянъ были наказаны тѣлесно.

И такъ, округъ короля Прусскаго, бывъ возмущенъ поселянами округа императора Австрійскаго, сообщилъ зло округамъ графа Аракчеева и наслѣднаго принца Прусскаго, находясь въ средоточіи всѣхъ сихъ округовъ.

Не подпали тѣлеснымъ истязаніямъ въ округѣ короля Прусскаго полка, кромѣ вышеупомянутыхъ подсудимыхъ офицеровъ принца Павла Мекленбургскаго полка, слѣдующія лица: старшій лекарь Европеусъ. При самомъ первомъ набѣгѣ поселянъ въ штабъ, предупрежденный маіоромъ Яцковскимъ, при помощи инженернаго капитана Костерева, докторъ спасся отъ мятежниковъ въ Новгородъ. Семейство его, равно и семейство командира полка, бывшаго въ походѣ противъ мятежниковъ польскихъ, полковника Чевакинскаго,

не потерпѣли отъ поселянъ обидъ; но посѣщенія поселянъ, приходившихъ въ ихъ покои, какъ бы съ намѣреніемъ успокоить и увѣрить ихъ въ безопасности, тревожили и приводили ихъ въ несказанный страхъ.

Въ весну, предшествовавшую этому неблагополучному лѣту и открывшуюся необыкновенно рано, и до самого появленія холеры въ половинѣ лѣта, сильно свирѣпствовала въ округѣ перемежающаяся лихорадка. Тогда только стала извѣстна и начала приходить въ употребленіе отъ лихорадки хинная соль, и съ отличнымъ успѣхомъ. Поселяне, вылеченные этою солью отъ лихорадки старшимъ лекаремъ Европеусомъ, отыскивая его, съ благодарностію вспоминали о его пользованіи и желали, чтобы ему удалось уйти и скрыться, не ручаясь за его жизнь, если бы онъ попался въ ихъ руки. Командиры 3-й, 2-й и 1-й роты, штабсъ-капитаны: Жоравка, Зальцеръ и Луцкій, тоже предупрежденные маіоромъ Яцковскимъ, равно спаслись незадолго до набѣга поселянъ, и первый изъ нихъ, въ виду уже поселянъ, ускакалъ на пожарной лошади. Очевидно, что и маіоръ Яцковскій прежде ихъ или хотя вмѣстѣ съ ними могъ спастись, еслибы онъ думалъ о спасеніи себя; но онъ медлилъ, терялъ часы и минуты въ нерѣшимости, его удерживали чувство долга, стыдъ и страхъ строгой отвѣтственности, если оставитъ свое мѣсто въ такое время. И онъ поскакалъ изъ штаба верхомъ, но уже тогда, какъ поселяне набѣжали къ самому штабу, и вразумить и возвратить ихъ къ порядку и подчиненію не было средствъ и надежды. На пути еще разъ онъ останавливался въ 1-й ротѣ и заходилъ въ ротный комитетъ, освѣдомлялся о расположеніи и образѣ мыслей поселянъ, и выѣхалъ изъ округа, уже не предвидя ничего добраго. Подъѣзжая

къ округу графа Аракчеева, Яцковскій задержанъ былъ караульнымъ у первой будки 4-й роты и отданъ въ руки бѣжавшимъ за нимъ въ погоню поселянамъ округа короля Прусскаго.

Я былъ угрожаемъ взятіемъ подъ караулъ, въ особенности мнѣ желали сдѣлать зло и настойчиво подущали къ тому другихъ лицъ, бывшіе предъ тѣмъ незадолго подъ слѣдствіемъ и допросомъ по дѣлу о поруганіи св. иконъ; лица эти принадлежали прежде военнаго поселенія къ молоканской сектѣ, и предъ тѣмъ собирались тайно для своевольныхъ толковъ о вѣрѣ въ томъ же родѣ. Они внушали обо мнѣ другимъ, что во мнѣ все зло, его-дѣ перваго надо взять, это не пастырь, а волкъ, но ихъ внушенія какъ-то остались безъ дѣйствія.

Младшій священникъ Іоаннъ Миролюбовъ, имѣвшій квартиру въ 3-й поселенной ротѣ, былъ оставленъ въ покоѣ, какъ недавно поступившій въ округъ и неучаствующій въ распоряженіяхъ комитета.

— «Этотъ ничего не знаетъ», говорили о немъ поселяне, завидя его мимоходомъ на пути въ штабъ: «тамъ есть старшій, онъ членъ комитета», и прошли мимо.

Другаго младшаго священника, Василія Соколова, жившаго въ резервной ротѣ, неподалеку Хутынскаго монастыря, поселяне взяли съ капитаномъ Дасаевымъ въ началѣ возмущенія и повели было въ штабъ, но благомыслящими поселянами онъ былъ освобожденъ въ 4-й ротѣ и отправленъ для безопасности въ усадьбу одного новгородскаго купца, смежную съ полемъ 4-й роты, которымъ былъ принятъ ласково, и тотчасъ же малодушно выданъ изъ боязни за себя и опасенія за свое добро поселянамъ, набѣжавшимъ на его дачу. Принявъ священника съ видомъ радушія, хозяинъ ве-

лѣлъ для него поставить самоваръ, но завидѣвъ поселянъ у себя на дворѣ, искавшихъ священника, вышелъ къ нимъ. Мятежники потребовали веревки, и тотъ самъ сыскалъ и далъ имъ веревку. Священника взяли и связали ему руки назадъ и повели опять въ штабъ. Но онъ былъ вторично выручепъ преданнымъ ему поселяниномъ, ѣхавшимъ на встрѣчу изъ штаба на тройкѣ, который, выдумавъ отъ себя для спасенія священника и убѣжденія поселянъ, что этого священника баталіонъ не требуетъ, тамъ есть старшій въ отвѣтѣ *), и посадивъ священника на свою подводу, поспѣшно отправилъ прямо въ Новгородъ, гдѣ тотъ и пробылъ благополучно до возстановленія тишины и порядка въ округѣ.

Замѣчательны также слѣдующіе случаи:

Фельдфебель 2-й поселенной роты Васильевъ, долгое время болѣвшій перемежающейся лихорадкою и потомъ въ жестокихъ припадкахъ холеры напутствованный 12-го іюля предъ литургіей, едва только началъ поправляться, при открытіи безпорядковъ вытерпѣлъ неоднократные побои. Въ послѣдній разъ 19-го числа поселяне обступили его кругомъ, сколько могли помѣститься съ палками и прутьями, и били его безъ пощады, приговаривая: «вотъ тебѣ лишнія подводы». И послѣ всего этого онъ остался живъ, выздоровѣлъ, былъ по прежнему живой и расторопный и служилъ въ Новгородѣ квартальнымъ надзирателемъ.

Каптенармусъ 4-й поселенной роты, 17-го числа, при началѣ этой смуты, былъ избитъ, изувѣченъ и брошенъ безъ чувствъ замертво на улицѣ въ сухомъ рвѣ до утра. 18-го числа найденный еще дышущимъ,

*) Именемъ баталіона пользовались и дѣйствовали, подобно какъ на мірскихъ сходкахъ, мірскимъ приговоромъ. *Примѣч. издат.*

доставленъ въ госпиталь безнадежнымъ. Отъ опухоли и синевы въ лицѣ нельзя было узнать его. Въ госпиталѣ онъ былъ пріобщенъ св. таинъ, но, впослѣдствіи, поправился и былъ совершенно здоровъ.

3-й поселенной роты школьный учитель, унтеръ-офицеръ Гавриловъ, вытерпѣлъ истязанія отъ женщинъ. Поселянки схватили его и жестоко высѣкли розгами изъ мести за взысканіе съ ихъ дѣтей кантонистовъ за школьныя неисправности. Когда его стыдили и выговаривали ему, какъ онъ поддался женщинамъ, онъ оправдывался тѣмъ, что на сторонѣ враговъ его былъ перевѣсъ слишкомъ великъ, что на него напало тридцать женщинъ, а онъ былъ одинъ.

III.

Пріѣздъ гр. Орлова въ округъ короля Прусскаго полка. — Отпѣваніе убіенныхъ. — Прибытіе императора Николая Павловича. — Рѣчь Государя къ поселянамъ. — Военно-судная коммисія: слѣдствіе и судъ. — Казни. — Въ госпиталѣ. — Мѣры относительно преобразованія военныхъ поселеній.

21—26 іюля 1831 г. и послѣд. чч.

Вечеромъ 20-го іюля (когда поселяне разошлись уже по домамъ) пришло изъ Новгорода въ округъ отъ генералъ-адъютанта, впослѣдствіи князя, Орлова, приказаніе: прибыть поселянамъ на другой день утромъ, къ десяти часамъ, въ полковой экзерциргаузъ и ожидать его прибытія.

21-го числа генералъ прибылъ къ назначенному часу въ экзерциргаузъ и скомандовалъ баталіону:

«На колѣни!».

Послѣ грознаго, громового выговора и сильныхъ укоризнъ за самовольство, грабительство и убійство,

Орловъ громогласно прочелъ предъ баталіономъ высочайшій приказъ о существованіи холеры, о мѣрахъ противъ нея, съ разстановками для истолкованія и внушенія смысла и значенія приказа, вразумляя ихъ ясно и внятно, что смертность была не отъ яда, не отъ отравы, а именно отъ холеры: «слышите-ль, отъ холеры!», и послѣ вразумительныхъ наказовъ о возвращеніи къ порядку и долгу, и строгихъ угрозъ въ случаѣ новыхъ безчинствъ, отправился часу въ двѣнадцатомъ въ округъ графа Аракчеева.

Оставшіеся въ живыхъ свободно вздохнули, чувствуя себя подъ защитою правительства, независящими отъ произвола буйной толпы.

При отъѣздѣ генералъ объявилъ вдовамъ, просившимъ о дозволеніи перенести тѣла убіенныхъ на кладбище, что этого сдѣлать нельзя и что отпѣваніе надъ ними можно совершить надъ ихъ могилами, гдѣ они зарыты первоначально поселянами.

Это и было исполнено тотчасъ по отбытіи генерала такимъ образомъ: я въ облаченіи, съ выносными образами, въ сопровожденіи поселянъ, отправился изъ главной церкви къ мѣсту погребенія за штабъ. Проходя по линіи между полковымъ домомъ и плацъ-парадомъ и поровнявшись съ мѣстомъ убіенія, на которомъ еще оставались на виду четыре большіе потока крови, шествіе остановилось и пропѣта заупокойная литія по убіеннымъ надъ ихъ кровью, и, по окончаніи литіи, шествіе направлено по задней линіи штаба къ могиламъ за домъ полковой ресторацiи. При чтеніи разрѣшительной молитвы, по указанію моему, поселяне стояли на колѣняхъ, а по окончаніи оной, прощались съ убіенными, цалуя дернъ, прикрывавшій могилы. Потомъ опять разошлись по домамъ, съ жела-

ніемъ заняться полевыми работами, съ сожалѣніемъ, что много упущено дѣла и потеряно времени, а толки объ ядѣ совершенно прекратились.

Капитанъ Костеревъ началъ дѣйствовать и распоряжаться рѣшительнѣе.

За тѣмъ ничего особеннаго не происходило до самаго прибытія въ округъ покойнаго государя императора Николая Павловича.

26-го іюля (въ воскресенье) Государь императоръ посѣтилъ штабъ императора Австрійскаго полка, лежащій между большой московской дорогой и рѣкою Волховомъ, и потомъ Новгородъ, въ которомъ явныхъ безпорядковъ не было: было волненіе умовъ, безпокойное опасеніе касательно мнимой отравы, противъ котораго были приняты успѣшныя мѣры тогдашнимъ гражданскимъ губернаторомъ; изъ Новгорода Государь прибылъ къ 11 часамъ утра въ штабъ округа короля Прусскаго полка, гдѣ въ полковомъ экзерциргаузѣ были собраны поселенный баталіонъ и штабныя команды.

Передъ вступленіемъ въ манежъ Государь императоръ встрѣченъ былъ инженернымъ капитаномъ Костеревымъ съ баталіоннымъ адъютантомъ. Поселяне, въ ожиданіи входа его величества, пали ницъ. Капитанъ былъ милостиво обласканъ его величествомъ за посильное возстановленіе и поддержаніе порядка въ округѣ. При входѣ чрезъ экзерциргаузъ въ самую церковь Государь былъ встрѣченъ мною съ крестомъ и св. водою, при колокольномъ звонѣ и пѣніи тропаря: «Спаси, Господи, люди твоя»... Поцаловавъ крестъ, Государь императоръ изволилъ милостиво освѣдомляться: «не былъ ли я обезпокоенъ и оскорбленъ поселянами? раскаяваются-ли они въ проступкахъ? выдадутъ-ли зачинщиковъ?» и повелѣлъ вынести въ экзерциргаузъ

аналой для креста и произнести, по обыкновенію, сугубую эктенію съ многолѣтіемъ царствующему дому. По исполненіи сего, вторично поднесенъ для цалованія крестъ его величеству. Потомъ съ свойственнымъ ему величіемъ и грознымъ видомъ Государь императоръ изволилъ обратиться къ поверженнымъ на землю поселянамъ съ краткою, но сильною рѣчью:

—«Встаньте! (всѣ встали) Слушайте! За всѣ ваши злодѣянія, какія вы учинили, васъ всѣхъ слѣдуетъ разстрѣлять! Вы не заслуживаете милости! Вы виновны передъ Богомъ и государемъ. Эти удары, которые вы наносили вашимъ начальникамъ (указывая на свою грудь), вы наносили мнѣ! Я поставилъ ихъ начальниками надъ вами, а меня поставилъ Богъ! Я отвѣчаю за васъ Богу, а они отвѣчаютъ мнѣ! (нѣсколько пріостановясь и понизя голосъ): Еслибы я и хотѣлъ васъ простить, но (опять прежнимъ голосомъ строгимъ и возвышеннымъ) проститъ ли васъ законъ? Проститъ ли Богъ?...»

Затѣмъ Государь продолжалъ вопрошать ихъ:

—«Понимаете ли, что вы безвинно замучили вашихъ начальниковъ? (Нѣсколько голосовъ отвѣчали: «Виноваты передъ Богомъ и великимъ государемъ!») «Выдайте мнѣ зачинщиковъ!»

Зачинщиками въ этомъ округѣ были, какъ выше сказано, поселяне округа императора Австрійскаго полка, а кто у нихъ поднялъ смятеніе, неизвѣстно. Но отъ неожиданности ли требованія при закоснѣлой надеждѣ ненаказанности, или потому, что еще не прошелъ туманъ ихъ ослѣпленія, поселяне, какъ будто въ остолбенѣніи, промолчали и не оказали готовности выставить зачинщиковъ, и тѣмъ, хотя отчасти, очистить свою вину.

Въ этомъ молчаніи какъ-бы высказывалось упор-

ство, котораго не могъ ожидать Государь императоръ, замѣтно склонившійся къ мѣрамъ снисхожденія и скорѣйшей развязкѣ дѣла; упорство это видимо огорчило его. Но негодованіе не было имъ обнаружено, и черезъ минуту возобновленъ вопросъ:

—«Раскаяваетесь ли вы въ вашихъ поступкахъ?»

Немногіе невнятно признавались въ своей виновности, а звучный голосъ одного изъ поселянъ покрылъ ихъ неясный говоръ обычнымъ привѣтомъ:

—«Дай Богъ вашему императорскому величеству много лѣтъ здравствовать!»

Это былъ одинъ изъ коноводовъ толпы, прежній молоканъ — рѣчистый мужикъ, вышеупомянутый Родіонъ Кондратьевъ, настоятельно уговаривавшій съ своимъ товарищемъ, инвалидомъ Аѳанасьевымъ, поселянъ взять меня подъ караулъ.

Чтобы расположить виновныхъ къ чистосердечному раскаянію и къ дѣйствительному исправленію, Государь императоръ еще сдѣлалъ два слѣдующіе вопроса къ поселянамъ:

—«Будете ли стараться заслуживать за ваши преступленія?»

На этотъ вопросъ дружно отозвались:

—«Рады стараться, ваше императорское величество!»

—«Будете ли молиться за убитыхъ?»

Отвѣтъ былъ согласный съ волею Государя. И Государь императоръ повелѣлъ поселянамъ просить меня (стоявшаго у аналоя во все это время) отслужить по убіеннымъ панихиду, и, помолившись передъ церковію и поцаловавъ еще крестъ на аналоѣ, обратился къ выходу изъ экзерциргауза.

Поселяне въ эту минуту дерзнули поднести его

величеству бѣлый хлѣбъ и свѣжія соты; но Государь, отстранивъ рукою поднесенное, сказалъ:

—«Я тогда приму отъ васъ хлѣбъ-соль, когда съ вами помирюсь», и за симъ тотчасъ изволилъ отбыть прямо изъ экзерциргауза въ округъ графа Аракчеева.

Былъ въ исходѣ 12-й часъ дня.

Панихида по убіеннымъ тотчасъ же была отправлена въ экзерциргаузѣ передъ церковію (въ которой во все время высочайшаго присутствія въ экзерциргаузѣ, и при священнослуженіи, были отверсты всѣ трое дверей); потомъ отслужена божественная литургія, при коей произнесено увѣщаніе къ раскаянію въ преступленіяхъ и строгому исполненію повелѣній царскихъ. Затѣмъ поселенный баталіонъ и штабныя команды были распущены *).

Высочайшее посѣщеніе довершило сознаніе виновности въ поселянахъ, искоренило ложныя убѣжденія и преступную надежду безнаказанности, обуздало обидную клевету и смирило буйныхъ. Объ отравѣ не стало и помину; поселяне позабыли и думать о своемъ вымышленномъ ядѣ, а въ страхѣ помышляли только о рѣшніи своей участи; возвратили въ комитетъ награбленныя вещи; убіенныхъ записывали въ свои семейныя поминанья; въ округѣ императора Австрійскаго полка говѣли и исповѣдывались.

Оставшіяся въ штабѣ семейства офицеровъ совершенно успокоились, для нихъ миновалась беззащитная

*) По обозрѣніи округовъ, императоръ Николай Павловичъ прибылъ обратно въ Царское Село. Въ ночи его величество былъ обрадованъ благополучнымъ рожденіемъ сына, великаго князя Николая Николаевича, нареченнаго въ честь новогорвдскаго угодника бл. Николая Качанова. По сему случаю въ Новгородѣ нѣсколько времени носилась молва въ народѣ, что новорожденный наименованъ великимъ княземъ Новгородскимъ.

тяжкая зависимость и опасность, угрожавшая каждую минуту, особенно въ первые дни нападеній на ихъ собственность и жизнь. Несчастные, какъ будто изъ плѣна воротились въ отечество подъ защиту законной власти и правительства. Десять дней томились они въ жалкой неволѣ, десять дней было для нихъ прервано сообщеніе съ окрестностями и городомъ. Въ эти дни они чувствовали себя отторгнутыми отъ общества людей, живя какъ будто на необитаемомъ островѣ съ дикими звѣрями. Теперь спокойствіе округа упрочено. Комитетъ твердо вступилъ въ управленіе, возобновивъ свои законныя дѣйствія.

Къ вечеру того дня прибылъ въ штабъ округа 17-й егерскій кадровый баталіонъ подъ командою подполковника Будаквы; на другой день пришелъ эскадронъ армейскихъ гусаръ для занятія караула и наблюденія порядка въ округѣ. Это придало жизни штабу, но обитатели штаба и безъ того уже были успокоены и въ безопасности. Кадровый баталіонъ находился въ округѣ и впродолженіи начатыхъ по сему дѣлу слѣдствій. Въ церквахъ, при каждомъ служеніи, продолжались приличныя обстоятельствамъ вразумленія и увѣщанія, до самаго окончанія суда и исполненія высочайше утвержденныхъ приговоровъ виновнымъ.

Покойный генералъ Скобелевъ, въ бытность свою въ округахъ въ это время, при сборѣ поселянъ въ экзерциргаузъ, также не упускалъ ни одного случая дѣлать рѣзкія и вразумительныя увѣщанія.

Вскорѣ открыта въ Новгородѣ общая коммисія для изслѣдованія преступленій во всѣхъ округахъ, а для дополненія дѣланы были мѣстныя освѣдомленія и опросы, въ каждомъ округѣ особенно. Дѣло само себя раскрывало и объясняло. Каждый позванный къ отвѣту

и объясненію, чтобы оправдать себя, дѣлалъ показанія на другихъ; а тѣ, въ свою очередъ, ссылались или слагали вину еще на другихъ. Другъ друга оговаривали, другъ друга уличали; къ этому примѣшивались и личныя неудовольствія и старыя дрязги сосѣдскія; кругъ докащиковъ и уличаемыхъ расширялся быстро и ничто, повидимому, не могло укрыться отъ слѣдователей. Трудность открытія истины и дѣйствій сами отвѣтчики облегчали, съ жаромъ опутывая другъ друга. И какъ при началѣ безпорядковъ буйные зачинщики старались всѣхъ вовлечь въ безчинныя и беззаконныя дѣйствія, такъ и при слѣдствіи первые уличенные старались оговаривать, какъ можно болѣе, чтобы всѣмъ заодно отвѣчать и никто не могъ избѣгнуть отвѣтственности и суда. Необъятный изумительный трудъ преодолѣнъ коммисіею при разборѣ и различеніи вѣрныхъ показаній отъ ябеды, и приведеніи въ порядокъ и ясность этой страшной путаницы, этого ужасающаго хаоса.

Изъ всего видно, что первый шагъ своеволія и посягновенія на свободу начальниковъ прикрывался лукаво придуманнымъ прѣдлогомъ огражденія своей безопасности. Но этотъ шагъ открылъ путь, и далъ волю буйству и чувству мщенія, которое увлекло ихъ къ злодѣяніямъ и удовольствовалось только кровію! Картина грустная и ужасная!

Но среди мрачныхъ явленій и недобрыхъ дѣлъ, нѣсколько отрадно проявленіе не совсѣмъ угасшихъ чувствъ совѣсти, вѣры и сознанія долга. Дерзость и безчеловѣчіе не имѣли границъ; но отрицаніе долга повиновенія не дерзало явно обнаружиться; напротивъ, проявлялось сознаніе нообходимости подчиненія и остались нерушимыми благоговѣйный страхъ и вѣра въ святость церкви и верховной власти.

Дѣйствія коммисіи заключены распредѣленіемъ виновныхъ на разряды. Затѣмъ убійцы наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь на каторжную работу. Прочіе виновные, по степени преступленій, подвергнуты наказаніямъ по опредѣленію военнаго суда.

Наказанія производились частію въ Новгородѣ, частію въ штабѣ округовъ на мѣстахъ преступленій, при сборѣ всѣхъ поселянъ и ихъ семействъ.

Сцена на плацу во время наказаній была также шумна и ужасна, и дѣйствовала на умъ и воображеніе поселянъ сильно.

Удары кнута и бичеваніе шпицрутенами съ воплемъ и стономъ бичуемыхъ раздавались по штабу, но крикъ кантонистовъ и визгъ женщинъ подъ розгами — заглушалъ и покрывалъ все. Поселянкамъ казалось, какъ онѣ увѣряли впослѣдствіи, что грѣхи ихъ изъ-подъ ударовъ вылетали изъ тѣла и поднимались въ видѣ брызжущаго пара.

Призванный въ госпитальныя палаты для пріобщенія наказанныхъ святыми тайнами, я былъ свидѣтелемъ другой страшной сцены: отъ стоновъ и вида обнаженныхъ частей наказанныхъ, причетникъ мой растерялся и оставилъ меня одного подавать наказаннымъ разную помощь: палаты наполнялись глухимъ стономъ; трогательны и поразительны были обращенія ко мнѣ раскаявшихся гласно въ заблужденіяхъ и худыхъ дѣлахъ. Иной взывалъ съ жалкимъ воплемъ и рыданіемъ: «батюшка! не послушали мы вашей молитвы»; иные клялись и дополняли на духу безъ утайки признаніе въ томъ, въ чемъ не были уличены и не признавались въ допросѣ, чтобы облегчить и очистить совѣсть. Наконецъ, изнемогъ и я, и послалъ смѣнить себя младшимъ священникомъ, который и довершилъ исповѣдь желавшихъ напутствованія.

За симъ, по распредѣленіи виновныхъ въ Сибирь, на поселеніе и въ арестантскія роты, оставшіеся въ округѣ свободными отъ суда и наказанія хозяева изъ старослужащихъ, выслужившіе воинскій срокъ, уволены въ отставку на свою родину, а недослужившіе срока распредѣлены на службу по полкамъ арміи дослуживать. Въ первыхъ четырехъ округахъ новгородскаго военнаго поселенія осталась одна треть хозяевъ коренныхъ жителей. Затѣмъ послѣдовало совершенное преобразованіе округовъ, въ 1832 году высочайше утвержденное, по коему военные поселяне переименованы въ пахатные солдаты, дѣти ихъ кантонисты—малолѣтками, школы закрыты. Хозяевамъ прекращена выдача пайковъ, и на нихъ возложена рекрутская повинность и поземельный оброкъ; имъ разрѣшено строиться на собственный счетъ, по особенно изданнымъ планамъ, но, по желанію ихъ, на мѣстахъ прежняго ихъ жительства. На постройку отданы имъ связи съ надворнымъ строеніемъ бывшихъ первой и четвертой поселенныхъ ротъ и разрѣшена вывозка бревенъ изъ казенныхъ ближайшихъ лѣсовъ. Связи второй и третьей ротъ, оставленныя въ прежнемъ видѣ казармами, заняты дѣйствующими баталіонами гренадерскихъ полковъ, которые и вошли уже послѣ того въ составъ округовъ военнаго поселенія, но отчислены отъ поселеннаго вѣдомства. Въ каменныхъ штабахъ трехъ поселенныхъ полковъ, бывшихъ первой поселенной дивизіи, помѣщены три полка лейб-гвардіи легкой кавалерійской дивизіи; а въ штабѣ четвертаго округа открытъ новый кадетскій корпусъ. Строеніе фурштатской въ первомъ округѣ и первой половины резервной роты второго округа съ лѣсомъ, пашней и покосами предоставлено нѣмецкимъ колонистамъ. Имъ дано удобной

пашни, покоса и лѣсу по пятидесяти десятинъ на хозяина. Земли пахатныя и покосныя, оставшіяся излишними за убылью водворенныхъ хозяевъ, поступили въ оброчное содержаніе желающимъ покупателямъ, по открывавшимся каждогодно торгамъ. Выручаемая изъ этого сумма покрывала во второмъ округѣ содержаніе оставшихся членовъ комитета и чиновниковъ по новому сокращенному штату.

Такъ совершился послѣдній переворотъ въ бытѣ военнаго поселенія, и въ этомъ-то видѣ, округъ сей доживалъ послѣдній возрастъ недолговѣчной сорокалѣтней жизни новгородскаго военнаго поселенія, до перехода въ удѣльное вѣдомство, оставя по себѣ потомству много глубокихъ назидательныхъ уроковъ и наказовъ, религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ, нравственныхъ и житейскихъ, въ пользу правительства и быта народнаго.

IV.

Разсказъ чиновника въ городѣ Демьянскѣ Соколова.

I.

Холера.—Народные толки.—Убійства въ Старой Русѣ.—Волненія въ Новгородѣ.

Первая холера въ Новгородской губерніи и въ самомъ Новгородѣ появилась лѣтомъ въ 1831 году. Она поражала внезапно и неотразимо самыхъ, повидимому, здоровыхъ людей обоего пола, которые въ нѣсколько часовъ умирали отъ необыкновенной рвоты и поноса, въ мучительнѣйшихъ страданіяхъ и корчахъ, такъ что у иныхъ ноги притягивало судорогами къ спинѣ. Отъ столь грознаго и неслыханнаго явленія напалъ на всѣхъ ужасъ. Ежеминутно каждый ожидалъ себѣ смерти, и приготовляясь къ ней, многіе, особенно изъ пожилыхъ женщинъ, ходили ежедневно въ церковь, исповѣдывались и пріобщались св. тайнъ.

Никто не постигалъ настоящимъ образомъ ни свойствъ страшнаго этого бича, ни причинъ, почему иныхъ онъ поражалъ, а на другихъ не дѣйствовалъ; ибо нерѣдко жертвой язвы были люди самой строгой жизни, напротивъ того, невоздерженные оставались цѣлы.

О свойствѣ холеры держались различныхъ мнѣній. Нѣкоторые признавали ее эпидемическою, ибо иногда она вдругъ вырывала цѣлыя семейства, опустошала цѣлые кварталы въ городахъ и большую часть селе-

ній; а другіе, тоже основываясь на очевидныхъ опытахъ, считали ее вовсе неприлипчивою, потому что очень часто случалось, что въ домѣ умиралъ только кто-нибудь одинъ, а прочіе домашніе, ходившіе за больнымъ, оставались всѣ здоровы.

Такая неразгаданность была причиной разныхъ въ народѣ толковъ и выдумокъ. Нѣкоторые увѣряли, что будто холера ходитъ въ глухую полночь по улицамъ въ видѣ страшной женщины, одѣтой въ саванъ, которая если къ чьему дому подходила, то тамъ на слѣдующій день непремѣнно кто-нибудь умиралъ изъ семейства. Вѣроятно, по этому поводу, какъ случалось мнѣ видѣть, на многихъ домахъ прилѣплялись надъ входными дверями таблички съ надписью: «дома нѣтъ», или приклеивали псаломъ: «Живый въ помощи Бога небеснаго». Носилась тоже молва, будто холера показывается на рѣкахъ въ видѣ какъ бы темнаго облачка, особенно по утрамъ и вечерамъ, и если кто, не догадавшись, черпалъ съ этимъ облачкомъ воду, то всѣ употреблявшіе ее непремѣнно умирали холерой.

Какъ бы то ни было, но народъ впалъ, наконецъ, въ какое то непостижимое умопомраченіе. Не только простолюдины, но даже многіе изъ гражданъ, люди довольно образованные, Богъ знаетъ съ чего, были совершенно убѣждены, что холера не больше какъ одна лишь выдумка; смертоносность же происходитъ единственно, оттого что злонамѣренные люди (господа, какъ распускались слухи между народомъ), будучи подкупаемы Поляками, отравляютъ озера, рѣки и колодцы, и даже грибы и ягоды въ лѣсахъ. Несмотря на всю несостоятельность, химерная мысль объ отравленіи водъ до такой степени овладѣла умами народа, что жители города Старой Русы и старорусскіе военные

поселяне, по выходѣ изъ поселенiй строеваго войска въ возмутившуюся тогда Польшу, взбунтовались, и подстрекаемые какими-то фанатиками, или просто людьми неблагонамѣренными, вѣроятно, не безъ содѣйствiя Поляковъ, объявлявшими подложный высочайшiй указъ объ истребленiи будто бы всѣхъ господъ, начали предавать мученической смерти всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, остававшихся въ поселенiи. Иныхъ до смерти засѣкали, другимъ вбивали гвозди въ пятки и зарывали. Наконецъ, какъ ниже увидимъ, звѣрство свое они простирали и внѣ военныхъ поселенiй *).

Новгородцы, подъ предводительствомъ купца С—ва, тоже составили общество для преслѣдованiя и уничтоженiя мнимыхъ отравителей. Однажды чуть-чуть не убили какого-то проѣзжаго изъ Петербурга надворнаго совѣтника, который, переѣхавъ Волховской мостъ, вышелъ изъ коляски, чтобы тутъ же въ обжорномъ ряду, гдѣ на столикахъ продавались горожанками разные припасы, купить себѣ что-нибудь изъ съѣстнаго на дорогу. Обойдя нѣсколько торговокъ набивавшихся ему съ своими пирогами съ рыбой, печенками, бараниной и т. п., онъ купилъ что-то у одной изъ нихъ. Это возбудило въ прочихъ торговкахъ зависть, и онѣ закричали въ одинъ голосъ, что этотъ господинъ, ходя между ихъ столиками и прилавками, посыпалъ на нихъ какой-то порошокъ. По всей вѣроятности, онъ нюхалъ табакъ. Услышавъ этотъ крикъ, рядскiе сбѣжались, и,

*) Разсказываютъ, что когда въ поселенiи начали многiе умирать холерой, то, чтобы не было ни малѣйшей задержки въ похоронахъ умирающихъ, военные начальники распорядились заблаговременно заготовить могилы, гробы и извѣсть для засыпки гробовъ. Это распоряженiе еще болѣе могло возмутить умы поселянъ и увѣрить ихъ въ мнимомъ отравленiи. Они говорили: «ну, братцы, насъ ужъ заживо хоронятъ».

не говоря ни слова, начали немилосердно бить его и, наконецъ, всею ватагой, человѣкъ до 40, привели прямо къ губернатору, для поступленія съ нимъ какъ съ злодѣемъ-отравителемъ. Губернаторъ хотя былъ весьма вспыльчиваго характера, но, на этотъ разъ, умѣлъ воздержать себя. Не подавъ ни малѣйшаго вида негодованія на столь наглое и противозаконное буйство, онъ довольно кротко сказалъ горожанамъ:

— Оставьте этого господина у меня. Я прикажу произвести надъ нимъ строжайшее слѣдствіе, а вы ступайте себѣ по своимъ мѣстамъ и, на будущее время, если кто окажется вамъ подозрительнымъ, то ведите его прямо ко мнѣ, но отнюдь не самоуправствуйте и не причиняйте ему никакой обиды.

— Слушаемъ, ваше превосходительство, отвѣчали горожане, и, будучи совершенно довольны губернаторомъ, разошлись тихо и спокойно по своимъ домамъ и послѣ того ни какого буйства со стороны ихъ не происходило. Что же касается упомянутаго надворнаго совѣтника, то губернаторъ, обласкавъ и успокоивъ его, отпустилъ въ ночь благополучно слѣдовать въ дальнѣйшій путь.

Другой случай былъ вотъ какого рода: одинъ бѣдный старичекъ, отставной приказно-служитель, шелъ однажды изъ Антоніева монастыря берегомъ рѣки Волхова и на дорогѣ, понюхавъ табачку изъ бумажки, бросилъ ее съ остальною пылью въ воду. Увидѣвъ это, бывшій тутъ на баркахъ прикащикъ и рабочіе закричали: «смотрите-ка ребята, вѣдь это онъ рѣку-то отравляетъ!» И вдругъ соскочивъ на берегъ, нѣсколько человѣкъ избили невиннаго старика до такой степени, что онъ едва могъ дотащиться до квартиры и на другой день умеръ.

II.

Изтязанія Демьянскаго исправника и помѣщика.—Мѣры противъ распространенія холеры. — Смотрителя. — Дороги. — Карантины.

О всемъ разсказанномъ выше я узналъ изъ разсказовъ очевидцевъ, по перемѣщеніи моемъ въ 1831 году въ Новгородъ изъ г. Демьянска, гдѣ я тогда состоялъ на службѣ, и гдѣ, равно какъ и въ уѣздѣ, по милости Божіей, холеры вовсе не существовало *). За всѣмъ тѣмъ однакожъ и здѣсь дѣло не обошлось безъ трагическихъ происшествій, хотя между ими были случаи и довольно забавные. Первое несчастіе обрушилось на бывшаго демьянскаго исправника И. А. Богдановича, человѣка кроткаго и благороднѣйшихъ правилъ.

Помнится, что осенью поѣхалъ онъ въ свою деревню чрезъ Старую Русу, отъ которой находилась она не въ дальнемъ разстояніи. Въ Старой Русѣ онъ встрѣтился съ сосѣдомъ и пріятелемъ своимъ, помѣщикомъ Болкашинымъ, и предложилъ ему отправиться вмѣстѣ съ нимъ, въ одной коляскѣ. Вечеромъ они приблизились уже къ тому мѣсту, гдѣ надобно было переправиться чрезъ рѣку Ловать, на берегу которой находилась усадьба Богдановича, какъ вдругъ наткнулись на толпу военныхъ поселянъ, которые тотчасъ же остановили лошадей и, не слушая никакихъ вразумленій, вытащили силой изъ коляски обоихъ спутниковъ и начали сговариваться, спрашивая другъ друга:

«Какъ же намъ быть съ ними?»

— Да чтò тутъ много разговаривать, сказалъ одинъ изъ нихъ: — просто посѣчь, какъ надо, да и дѣло съ концомъ!

---

*) Демьянскъ (Демянскъ) у. г—дъ Новг. губер. въ 173 верст. отъ Новгорода, жител. об. п. 1700 челов.

Въ это время кучеръ Богдановича бросился поселянамъ въ ноги, и, обливаясь слезами, на колѣнахъ умолялъ ихъ:

— Родимые батюшки! возьмите и сѣките меня сколько угодно, убейте хоть до смерти, только, ради самого Бога, не трогайте моего барина!

— До тебя, любезный, намъ нѣтъ дѣла, отвѣчали хладнокровно варвары. Намъ велѣно убивать однихъ только господъ, которые, вишь, отравляютъ воду и наводятъ на всѣхъ холеру!

Съ этимъ словомъ они схватили Богдановича и Болкашина и сѣкли ихъ до тѣхъ поръ, пока они перестали кричать и потеряли всякое сознаніе. Въ такомъ положеніи, поселяне, перевязавъ ихъ кушаками подъмышки, и перекинувъ на жердь, принесли къ рѣкѣ, и опустивъ въ воду между двумя лодками, переѣхали чрезъ рѣку и выбросили замертво на берегъ. Отсюда несчастные принесены были въ домъ сбѣжавшимися дворовыми людьми, и тотчасъ же посланъ былъ нарочный въ Старую Русу за докторомъ. При усиленномъ стараніи доктора, Богдановичъ, хотя былъ довольно слабаго сложенія, сталъ мало-по-малу нѣсколько поправляться; но Болкашинъ, несмотря на то что сложенъ былъ атлетически, не могъ вынести истязанія и чрезъ недѣлю умеръ.

Между тѣмъ, какъ все это происходило, послѣдовало къ бывшему тогда демьянскому предводителю дворянства, Шамшеву, предписаніе отъ начальника губерніи, съ приложеніемъ инструкціи министра внутреннихъ дѣлъ: о немедленномъ принятіи мѣръ противъ распространяющейся смертности отъ холеры.

За неимѣніемъ подъ рукой документовъ, я не могу всего объяснить въ подробности что̀ заключа-

лось въ этихъ инструкціяхъ; помню только, что для приведенія ихъ въ дѣйствіе велѣно было, какъ водится, учредить, подъ предсѣдательствомъ предводителя, комитетъ: изъ городничаго, уѣзднаго судьи, градскаго головы и исправника; уѣздъ раздѣлить на отдѣленія и участки, избравъ въ первыя попечителей, а въ послѣдніе смотрителей изъ дворянъ; по трактамъ, идущимъ отъ Москвы къ Петербургу, провести кордонныя линіи, раздѣливъ дороги на двѣ стороны: на благополучную и неблагополучную; учредить въ извѣстныхъ пунктахъ карантины и обсерваціонныя заставы. Въ числѣ собственно медицинскихъ мѣръ предписывалось, чтобы въ каждомъ селеніи, при въѣздахъ въ нихъ, постоянно курились навозныя кучи, чтобы жители воздерживались ѣсть кислое, соленое и незрѣлые плоды; наконецъ, чтобы въ каждомъ селеніи у старостъ было въ готовности вино, настоенное стручковымъ перцомъ для растиранія заболѣвающихъ и употребленія внутрь. Все это привести въ исполненіе возложено было на попечителей и смотрителей.

По приглашенію предводителя, дворяне, помѣщики нашего уѣзда, человѣкъ до 60, съѣхались въ Демьянскъ и того же дня отправились въ церковь, гдѣ предъ молебствіемъ и присягой предводителемъ произнесена была приличная случаю рѣчь. За тѣмъ совершено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ объ избавленіи отъ всегубительной язвы; присягнувъ, дворяне отправились въ квартиру къ предводителю, гдѣ избравъ смотрителей, въ каждый участокъ по три и по четыре человѣка, а въ отдѣленія—по одному попечителю, на другой же день разъѣхались, кромѣ избранныхъ въ означенныя должности, которыхъ надлежало снабдить инструкціями.

Смотрители съ перваго раза начали дѣйствовать весьма ревностно, и даже иные — черезчуръ энергически. Предписавъ сельскимъ жителямъ отнюдь не употреблять въ пищу ничего кислаго, соленаго, рыбы и сырыхъ плодовъ, они, невзирая ни на какія просьбы крестьянъ и на горькія слезы бабъ, заставляли выливать изъ спусниковъ квасъ въ навозъ, а капусту, рѣдьку и другія овощи выкидывать за селенія въ овраги, такъ что крестьянамъ приходилось терпѣть самый изнурительный постъ; но смотрителей это не трогало. Одинъ изъ нихъ, какой-то не служащій дворянинъ, напавъ въ селеніи своего участка на осташковскаго мѣщанина, развозившаго по деревнямъ для продажи мороженую свѣжую рыбу, въ порывѣ не удержимой ревности, приказалъ мужикамъ обложить возъ торгаша хворостомъ и соломой и сжечь оный среди селенія со всею поклажей и упряжью, едва дозволивъ отпречь лошадь. Бѣдный мѣщанинъ обращался съ жалобой на смотрителя къ предводителю, но тотъ, разсмѣявшись, сказалъ: «на этомъ человѣкѣ во всей точности сбываются слова писанія: имать ревность, но не по разуму». Обратясь потомъ къ просителю, объявилъ, что онъ крайне жалѣетъ о понесенныхъ имъ убыткахъ, но къ удовлетворенію ничего сдѣлать не можетъ, потому что у смотрителя нѣтъ никакого состоянія и взыскать съ него нечего. Итакъ, мѣщанинъ, горько заплакавъ, долженъ былъ отправиться домой верхомъ на оставшейся ему лошади съ пустыми руками.

Другой смотритель, помѣщикъ 50 душъ, ни на что не обращалъ столько вниманія какъ на то, чтобы въ каждомъ селеніи непремѣнно запасена была перцовка. При постоянныхъ разъѣздахъ по участку, заѣзжая въ каждомъ селеніи къ старостѣ, онъ обыкновенно всякій

разъ требовалъ перцовку на лицо, для освидѣтельствованія.

— А что, любезный, скажетъ бывало старостѣ:— перцовочка у тебя водится?

— Какъ же, ваше благородіе, два штофика имѣется, какъ изволили приказывать.

— То-то же... такъ и надобно. Принеси-ка мнѣ посмотрѣть, да захвати стаканчикъ.

— Извольте, батюшка, посмотрите, вотъ вамъ обѣ посудинки. Не взыщи, кормилецъ, что стаканчикъ-то маловатъ.

— Ничего, братецъ, годится.

Потомъ, поболтавъ и другой штофъ и посмотрѣвъ къ свѣту на настойку, смотритель всякій разъ наливалъ стаканъ и выпивалъ его залпомъ, отъ чего захватывало у него духъ, такъ что онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ съ открытымъ ртомъ. Наконецъ, проперхавшись, скажетъ бывало:

— Добре, добре, братъ, староста! Настоено какъ слѣдуетъ. Дай-ка кусочекъ хлѣбца съ солью, а перцовку убери; но нѣтъ, такъ и быть, налей еще стаканчикъ на дорожку. Ну, теперь убирай! Да смотри у меня, долей непремѣнно, чтобъ оба штофа всегда были цѣлы, забузую тебя, ракалія!

— Слушаю, сударь, будьте покойны; все будетъ исполнено.

Посидѣвъ немного, смотритель съ тяжелою головой и сженіемъ въ глодкѣ отправлялся въ другое селеніе, гдѣ та же происходила исторія съ перцовкой......

Извѣстно, что холера шла отъ юга къ сѣверу, слѣдовательно, повидимому, было бы естественнѣе проводить кордонныя линіи для прегражденія пути поперекъ всѣхъ путей, идущихъ отъ Москвы къ Петер-

бургу; напротивъ того, трудно понять, по какимъ именно соображеніямъ линіи эти, точно меридіаны, проведены были вдоль посреди дорогъ съ раздѣленіемъ ихъ на двѣ стороны, изъ коихъ правая отъ Москвы именовалась неблагополучною, а лѣвая — благополучною. Такимъ же образомъ и Старорусскій трактъ, идущій отъ г. Осташкова на Старую Русу къ Петербургу, среди Демьянскаго уѣзда, раздѣлялся также на благополучную и неблагополучную стороны, хотя обѣ онѣ одинаково были благополучны. На этомъ трактѣ учреждены были: обсерваціонная застава въ селѣ Молвотицахъ и карантинъ въ деревнѣ Волбовичахъ, при поворотѣ Старорусской дороги на Демьянскъ. Такія распоряженія вели иногда къ страннымъ и даже забавнымъ послѣдствіямъ. Напримѣръ, по благополучной половинѣ дороги можно было идти и ѣхать безпрепятственно куда угодно на всемъ ея протяженіи; но никакъ нельзя было пройдти или проѣхать чрезъ дорогу свободно, съ мнимо-неблагополучной на благополучную сторону, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась обсерваціонная застава.

Надобно сказать, что въ селѣ Молвотицахъ идетъ Старорусская дорога вдоль, между двухъ посадовъ; земля же, принадлежащая тамошнимъ крестьянамъ, простирается отъ села на востокъ узкимъ хвостомъ въ одну только сторону, называвшуюся тогда неблаполучною; а потому крестьяне могли безпрепятственно ѣздить въ свое поле за снопами, за сѣномъ и за дровами въ лѣсъ; но возвращаясь домой, они, всякій разъ, были останавливаемы: дрова, сѣно и проч. раскладывались и передавались на село, привязываемыя къ длиннымъ шестамъ; тѣмъ же способомъ перепускали сани, телѣги и даже лошадей, привязывая ихъ за поводья къ шестамъ, на

томъ основаніи, что все это возвращалось будто бы съ неблагополучной стороны. Такимъ образомъ поступали и со всѣми посторонними проѣзжающими, или проходящими, тогда какъ, кромѣ Молвотицъ, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ чрезъ ту же самую дорогу можно было переѣзжать и переходить свободно и справа на лѣво и слѣва на право. То же самое должно сказать и о карантинѣ въ деревнѣ Волбовичахъ, гдѣ, подъ вѣдѣніемъ медика, присланнаго изъ другой какой-то губерніи, окуривали безъ милосердія въ баняхъ хлористою известью, Богъ знаетъ за что, всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ съ правой стороны. Носился даже слухъ, что здѣсь закурили до смерти одного семинаристика, который шелъ домой на Святки, или къ Святой недѣли изъ старорусскаго училища. Вѣроятно, бѣдняжка, по незнанію, шелъ по неблагополучной половинѣ дороги.

Подобные распорядки, кажется, вездѣ были одинаковы. Предъ святками въ 1831 году нужно мнѣ было побывать въ Осташковѣ. Не желая чтобы меня перекидывали черезъ дорогу на длинномъ шестѣ по Старорусскому тракту, я отправился окольнымъ путемъ чрезъ село Полоново, и проѣхавъ вдоль всего озера Селигера, хотѣлъ было въѣхать въ городъ, какъ у самаго берега повстрѣчавшійся мужичокъ остановилъ меня и сказалъ, указавъ кнутовищемъ:

— Смотри, баринъ, на эту большую улицу не въѣзжай, а то безпремѣнно попадешъ въ карантиръ.

— Да развѣ тутъ неблагополучно? спросилъ я его.

— Нѣтъ, слава Богу, холеры пока здѣсь не слыхать, да такъ ужъ, стало-быть, приказано: что кто поѣдетъ по этой улицѣ, то и прощай! Сейчасъ подхватятъ тебя въ избу и давай курить какимъ-то снадобьемъ, такъ что другой еле, еле живъ останется!

— Гдѣ же мнѣ проѣхать? опять спросилъ я мужичка.

— А вотъ возьмите лѣвѣе въ другую улицу, вонъ къ собору! Тутъ проѣдете, какъ угодно, и никто не тронетъ.

Поблагодаривъ добраго мужичка, я послѣдовалъ его совѣту, и проѣхавъ другою улицей, случайно остановился у престарѣлаго соборнаго дьячка, занявъ у него особую небольшую комнату. Здѣсь произошелъ довольно памятный для меня случай. Вечеромъ, когда подали мнѣ чай, слышу, что къ хозяину пришла расплакавшаяся соборная попадья, которая, то и дѣло всхлипывая, разсказывала, что мужъ ея, отецъ Савва, пошелъ еще съ утра хоронить младенца и съ тѣхъ поръ не возвращался, и хотя она у многихъ о немъ разспрашивала, но никто не могъ сказать ей куда онъ дѣвался. Старикъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, тотчасъ одѣлся и пошелъ со двора, утѣшивъ попадью, что авось отецъ Савва отыщется. И дѣйствительно, не прошло и полчаса, какъ старикъ возвратился и объявилъ, что отецъ Савва, какъ-то по неосторожности, переступилъ на большой улицѣ на неблагополучную сторону, поэтому карантинный смотритель, остановилъ процессію, приказалъ гробикъ съ младенцомъ, привязавъ къ шесту, подать въ окно карантиннаго дома, куда взятъ былъ и отецъ Савва со всѣми спутниками, провожавшими гробикъ.

Изъ этихъ примѣровъ легко можно видѣть, что всѣ тогдашнія полицейскія предохранительныя мѣры были вполнѣ безполезны и ровно ни къ чему не вели, а составляли только какъ бы игру въ карантины и обсерваціонныя заставы.

III.

Присяга.—Нападеніе поселянъ на помѣщичьи усадьбы.—Оборона города Демьянска. — Лекарь съ Волбовицкаго карантина. — Операторъ Бѣлопольскій.

О бунтѣ военныхъ поселянъ въ Старой Русѣ я могу передать только по пересказамъ другихъ, а что происходило въ Демьянскомъ уѣздѣ, о томъ я зналъ непосредственно по близости моей къ тогдашнимъ событіямъ.

Лѣтомъ 1831 года поселяне двинулись полчищемъ, человѣкъ до 300 или болѣе, на Старую Русу, вооружившись косами, вилами и кто чѣмъ попало. Здѣсь, подъ смертельными угрозами, они принудили архимандрита, настоятеля тамошняго монастыря, выйдти съ крестнымъ ходомъ на городскую площадь и привести всѣхъ ихъ къ присягѣ, чтобы дѣйствовать всѣмъ имъ за-одно и другъ другу не измѣнять, за что̀ архимандритъ въ послѣдствіи лишенъ былъ монастыря и преданъ уголовному суду. Потомъ разгромили городскую аптеку, заставивъ аптекаря пробовать лекарства изъ всѣхъ склянокъ и банокъ, въ удостовѣреніе, что онъ не отравляетъ ими воду, что̀ стоило ему жизни. Наконецъ, засѣкли до смерти полиціймейстера, маіора Манжоса, и трупъ его привязали къ хвосту разъяренной лошади, которая мыкала его по мостовымъ улицамъ, до тѣхъ поръ, пока не остался одинъ только безобразный костякъ. По совершеніи злодѣйскихъ этихъ подвиговъ, скопище направило путь свой въ Демьянскій (бывшій Старорусскій) уѣздъ. Такъ какъ поселянамъ надлежало переходить черезъ рѣку Ловать, то остававшійся здѣсь окружный генералъ, фамиліи котораго не

припомню, *) распорядился выставить противъ самаго моста пушки, приставивъ къ нимъ дѣйствовать кантонистовъ; но побоясь, чтобы не подвергнуться отвѣтственности за эту рѣшительную мѣру, пошелъ къ поселянамъ на встрѣчу, когда они вступили на мостъ, и сталъ-было вразумлять ихъ, чтобъ они разошлись по своимъ мѣстамъ; на это они отвѣчали ему ругательствами и угрозами; а потому, обратясь отъ нихъ назадъ и перебѣжавъ мостъ, онъ скомандовалъ кантонистамъ палить, а они, вмѣсто того, присоединились къ бунтовщикамъ, между коими, безъ сомнѣнія, были близкіе ихъ знакомые и родные. Видя такую измѣну, генералъ бросился въ домъ своей квартиры, находившійся тутъ же на берегу, близъ самаго моста, заперъ за собою внизу двери, и взойдя на верхъ, только лишь остановился противъ окна въ залѣ посмотрѣть на дальнѣйшія дѣйствія поселянъ, какъ они вдругъ пустили съ мостовой въ окна тучу каменьевъ, изъ коихъ одинъ ударилъ его въ високъ и лишилъ жизни.

Послѣ сего поселяне потянулись по Старорусскому тракту, и пройдя извѣстное разстояніе, поворотили на Демьянскъ чрезъ село Петровское, принадлежавшее помѣщицѣ, полковницѣ А. С. Дириной, имѣвшей до 600 душъ крестьянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поселяне думали найдти здѣсь для себя хорошую поживу; они непремѣнно разграбили бы весь домъ г-жи Дириной и убили бы ее самую, еслибъ ихъ скопище не отразили сбѣжавшіеся крестьяне. Такимъ образомъ поселяне, бывъ прогнаны, продолжали путь свой къ Демьянску и на дорогѣ разбили кабакъ. Отсюда пьяные напали они на усадьбу помѣщицы М. С. Мавриной, отстоящую отъ

*) Едва ли ни Леонтьевъ, мужъ нынѣшней начальницы Смольнаго Монастыря статсъ-дамы Маріи Павловны Леонтьевой, рожденной Шиповой.

Демьянска не болѣе пяти или шести верстъ. Тутъ они не щадили ничего и истребляли все, что попадало имъ подъ-руку, не оставивъ ни запасныхъ винъ, ни съѣстныхъ припасовъ. На антресоляхъ найдя лежащаго въ постели больнаго доктора Альховскаго, выбросили его въ окошко, отъ чего онъ вскорѣ и умеръ. Хозяйку же Маврину одинъ знакомый ей поселянинъ успѣлъ какъ-то заднимъ крыльцомъ выпроводить въ садъ, откуда, кажется, она бѣжала въ другую деревню, перерядясь въ крестьянское платье.

Видя столь близкую опасность, демьянскій городничій, судья и прочіе чиновники бѣжали изъ города куда попало и кому какъ удалось: кто ускакалъ верхомъ на лошадяхъ, а кто удралъ на своихъ на двоихъ. Я о себѣ не думалъ, заботился только спасти семейство и маленькихъ дѣтей, почему остановивъ попавшагося мнѣ на улицѣ мѣщанина, ѣхавшаго въ поле на простой телѣгѣ за снопами, я упросилъ его, за значительную плату, отвести ихъ по направленію къ городу Осташкову, въ деревню Филипову Гору, къ одному знакомому мнѣ доброму мужичку, который послѣ сдѣлался демьянскимъ купцомъ. Самъ же я, оставшись въ городѣ, квартиру свою заперъ и заколотилъ. Бывшія на рукахъ у меня дворянскія складочныя деньги, до 10 т. рублей, отнесъ для сохраненія въ церковь и потомъ расположился-было у откупщика г. Малахова, человѣка образованнаго, добраго и благороднѣйшаго, который человѣкъ восемь изъ конторскихъ служителей вооружилъ ружьями и пистолетами.

Видя ничтожность этой защиты, я присовѣтовалъ ему послать просить отъ насъ инвалиднаго начальника вооружить командуемую имъ роту, но, къ несчастью, нашли его до безчувственности упившимся и спавшимъ непро-

буднымъ сномъ. Дѣлать нечего, мы обратились къ фельдфебелю и убѣдили его собрать всю роту, выдать ей патроны и выстроить солдатъ противъ самого моста чрезъ рѣку Явонъ, по которому должны были переходить поселяне, съ тѣмъ, чтобы, какъ скоро вступятъ они на мостъ, стрѣлять въ нихъ изъ всѣхъ ружей. Но чтобы поселяне не могли застать насъ врасплохъ, я распорядился послать въ усадьбу г-жи Мавриной коннаго разсыльнаго для наблюденія за ними, и чтобъ онъ какъ можно поспѣшнѣе вернулся назадъ, когда они двинутся на Демьянскъ. Между тѣмъ, примкнувъ къ инвалидной ротѣ, я приглашалъ также вооружиться и гражданъ, собравшихся со всего города къ мосту, но они съ насмѣшливою улыбкой отозвались: «Къ чему намъ вооружаться? Вѣдь поселяне идутъ только противъ господъ, а насъ они не тронутъ. Стало-быть, вы и вѣдайтесь съ ними, какъ знаете, а наше дѣло сторона».

— Зачѣмъ же вы сюда собрались? спросилъ я ихъ.

— Да такъ, посмотрѣть, что у васъ тутъ будетъ.

Признаюсь, предательскій этотъ отзывъ поколебалъ-было у меня надежду и на вѣрную защиту солдатъ. Впрочемъ, не теряясь духомъ, я сообразилъ, что въ случаѣ неминуемой опасности можно будетъ задами дворовъ убѣжать и скрыться въ лѣсу, который находился близъ самаго города, не дальше какъ въ полуверстѣ. Между тѣмъ какъ у меня вертѣлся въ головѣ этотъ планъ, вдругъ прискакалъ во весь опоръ мой разсыльный и объявилъ, что крестьяне г-жи Мавриной вооружившись всѣ, какъ одинъ, противъ поселянъ дубьемъ, не пустили ихъ на Демьянскъ, а обратили назадъ.

Послѣ этого въ городѣ все затихло, и дѣла пошли своимъ чередомъ по старому, какъ будто ничего не бывало.

Городничій и прочіе чиновники возвратились въ городъ, но моя семья оставалась еще въ деревнѣ. Я, скучая одиночествомъ, спустя нѣсколько дней послѣ минувшей катастрофы, пошелъ къ г. Малахову, у котораго встрѣтилъ вовсе незнакомаго молодаго человѣка, сидѣвшаго у окна, въ глубокой задумчивости. Волосы у него были въ безпорядкѣ, и съ перваго раза можно было замѣтить, что онъ одѣтъ былъ въ чужое платье. Г. Малаховъ, вышедъ тотчасъ же ко мнѣ, отрекомендовалъ его, что это г. лекарь съ Волбовицкаго карантина. Разумѣется, меня подстрекнуло крайнее любопытство, зачѣмъ и по какому случаю онъ попалъ сюда. Мы размѣнялись съ нимъ только поклонами и парой словъ. Наружность его показалась мнѣ довольно симпатичною, но, видя что онъ въ разстроенномъ положеніи, я не смѣлъ безпокоить его своими вопросами и обратился съ просьбой къ самому хозяину удовлетворить мое любопытство о его гостѣ. Г. Малаховъ со словъ самого лекаря разсказалъ мнѣ, что назадъ тому дня четыре, въ ночное время, вдругъ неожиданно, съ чрезвычайнымъ шумомъ и крикомъ, на Волбовицкій карантинъ, то-есть на домъ, гдѣ квартировалъ лекарь и находилась аптека, напали военные поселяне, тѣ самые, которые шли на Демьянскъ и которые прогнаны были крестьянами г-жи Мавриной. Медикъ, фамиліи котораго я не припомню, былъ уже въ постели, но еще не спалъ, и услышавъ, что поселяне, вломившись въ находившуюся въ нижнемъ этажѣ аптеку, все ломали, били и кричали: «ищите лекаря и давайте его сюда!» онъ второпяхъ, босой и въ одной рубашкѣ, едва успѣлъ вскочить на чердакъ, откуда, продравшись сквозь соломенную крышу, спрыгнулъ прямо въ огородъ и пустился бѣжать полями,

оврагами и лѣсами, самъ не зная куда, ибо мѣстность ему совершенно была неизвѣстна. Къ утру прибѣжалъ онъ чуть живой отъ испуга, усталости и ночнаго холода въ деревню Маслово, помѣщицъ Нармонскихъ, гдѣ мужики, выѣзжавшіе въ поле на работы, собравшись въ кучу, обступили его, и узнавъ, кто онъ такой, стали разсуждать что̀ имъ съ нимъ дѣлать? Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Ну, что̀ тутъ много думать! Повѣсить его!

— Вотъ тебѣ повѣситъ! сказалъ другой: — очень нужно съ нимъ возиться! просто съ камнемъ въ рѣку, да и концы въ воду.

— «Нѣтъ братцы сказалъ третій, постарше прочихъ:—зачѣмъ намъ грѣхъ на душу принимать? Отправимте его лучше къ поселянамъ: пусть они вѣдаются съ нимъ какъ знаютъ, вѣдь не намъ, а имъ велѣно расправляться съ господами».

Всѣ на это согласились, и, не давъ бѣдному обогрѣться, отправили его на подводѣ въ Волбовичи, въ надеждѣ застать тутъ поселянъ. Но на дорогѣ, улучивъ благопріятную минуту, медикъ соскочилъ съ телѣги, и давай бѣжать куда попало.

Передъ вечеромъ онъ очутился въ усадьбѣ помѣщика Кобелева, гдѣ не встрѣтивъ на барскомъ дворѣ ни одной души, забрался въ скотную избу, залегъ на печку и уснулъ. Въ сумерки скотникъ съ женою возвратились съ поля, и, убравшись со скотиной, вздули огонь и сѣли ужинать. Въ это время медикъ, переворотясь на другой бокъ, зацѣпился за горшки, которые и загремѣли. Скотникъ и скотница, оробѣвъ, перекрестились.

«Съ нами крестная сила! Аминь, аминь! Что̀ это такое! Кто это къ намъ забрался?»

Скотникъ съ зажженною лучиной подошелъ къ печкѣ, и увидѣвъ неизвѣстнаго человѣка, сперва нѣсколько испугался, потомъ крикнулъ:

— «Кто ты такой? Полезай долой съ печки!»

Дѣлать нечего, медикъ, будучи весь какъ разбитый, кое-какъ слезъ, разсказалъ скотнику о всемъ случившемся съ нимъ и просилъ представить его въ городъ къ начальству.

«Нѣтъ, любезный, вести тебя въ городъ не приходится, а надобно тебя представить къ военнымъ поселянамъ, а то, пожалуй, и намъ отъ нихъ достанется».

Видя что здѣсь нѣтъ ему спасенія, онъ выпросилъ у хозяевъ кусокъ хлѣба, и, подкрѣпивъ ослабѣвшія свои силы, успѣлъ бѣжать и отсюда. Проплутавъ цѣлую ночь, онъ наконецъ попалъ съ разсвѣтомъ на дорогу, которая нечаянно привела его въ Демьянскъ.

Отъ сильнаго потрясенія тяжкими испытаніями, какія суждено было ему перенесть, лекарь упалъ нравственно. Его ничто не занимало, и онъ всегда старался быть въ уединеніи. Какъ бы то ни было, недѣли черезъ двѣ, когда здоровье его немножко поправилось, онъ отправленъ былъ при рапортѣ городничаго въ Новгородъ. Впослѣдствіи несчастный молодой человѣкъ сошелъ окончательно съ ума.

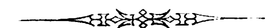
Между тѣмъ всѣ иногородные медики, командированные тогда въ Новгородъ изъ другихъ губерній, бывъ уволены, отправились по своимъ мѣстамъ, кромѣ надворнаго совѣтника Бѣлопольскаго, занявшаго вакансію оператора новгородской врачебной управы. Онъ присланъ былъ изъ Олонецкой губерніи. Тамъ, по распоряженію начальства, онъ былъ однажды командированъ въ какое-то селеніе для поданія помощи страждущимъ холерой, и когда туда пріѣхалъ, то мужики,

окруживъ его на улицѣ, стали разспрашивать: «кто онъ такой?»

— Я, отвѣчалъ онъ имъ: — операторъ Бѣлопольскій, думая озадачить ихъ этимъ громкимъ званіемъ.

— А, такъ ты польскій императоръ? Эге ребята! Вотъ какой звѣрь попался намъ! это не простой какой-нибудь полячишка-бродяга, а, видишь, вздумалъ ужъ пріѣхать въ Россію и губить людей самъ ихъ нехристь-императоръ! Нечего же на него смотрѣть, — давайте веревку! Повѣсить его проклятаго!

И дѣйствительно, привели-было Бѣлопольскаго къ воротищамъ, какія обыкновенно бываютъ при въѣздахъ въ селеніе, накинули уже на шею веревку, и только лишь хотѣли вздернуть его на перекладину воротищъ, какъ въ ту же минуту, какъ посланный съ неба, налетѣлъ исправникъ, разогналъ толпу и, такимъ образомъ, спасъ жизнь мнимому императору.



V.

Замѣтка Холмскаго купца Красильникова.

Тревожное состояніе жителей г. Холма въ 1831 г. — Мѣры Холмскихъ властей. — Мнимое нашествіе поселянъ. — Сомнѣніе въ водкѣ.

Въ 1831 году холера, впервые появившись въ С. Петербургѣ, быстро стала распространяться и по прочимъ городамъ и селеніямъ Имперіи. Противъ свирѣпствованія ее правительство приняло мѣры: были устроены въ необходимыхъ мѣстахъ карантины и открыты больницы въ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, которые прилегаютъ къ большимъ сухопутнымъ дорогамъ или водянымъ сообщеніямъ идущимъ въ столицы и отъ нихъ внутрь Имперіи. Эти мѣры распространялись соотвѣтственно захватамъ различныхъ мѣстностей холерою, а съ ними росъ, со дня на день, и паническій страхъ въ народѣ — непомнившимъ появленія столь страшнаго бича, непонятнаго въ то время.

Предразсудки и суевѣрія породили и при этомъ бѣдственномъ событіи, особенно въ тѣхъ захолустьяхъ, гдѣ чрезвычайно сильно свирѣпствовала эпидемія, нелѣпые толки въ народѣ о причинахъ появленія холеры, толки на разныя лады, распалявшіе воображеніе слабохарактерныхъ невѣждъ и фанатиковъ.

Въ округѣ военныхъ поселянъ Старорусскаго удѣ-

ла — смежномъ съ Холмскимъ уѣздомъ (въ 18-ти верстномъ разстояніи отъ г. Холма) во время разгара въ 1831 г. эпидеміи, начали появляться глухіе толки: что де карантины и больницы не прекращаютъ а плодятъ холеру; и что, будто-бы, воду и огородныя овощи отравляютъ посыпаніемъ яда поляки, стремящіеся, изъ чувства непріязни къ Россіи, отравить русскій народъ подъ предлогомъ холеры. Разумѣется бредни эти, при напряженномъ вниманіи сосѣдей ко всякому слуху о холерѣ, не пронеслись и мимо Холмичей.

Люди, болѣе или менѣе съ здравымъ смысломъ, конечно не вѣрили всѣмъ этимъ сказкамъ, но слабохарактерные невѣжды сильно безпокоились. Между тѣмъ, когда и въ Холму явилось внезапное пораженіе холерою четырехъ или пяти человѣкъ, то сдѣлавшійся одновременно съ этимъ въ Старорусскомъ уѣздѣ кровавый бунтъ поселянъ, не могъ не подѣйствовать сильно и на воображеніе Холмичей.

Катастрофа была близка.

Я помню хорошо, какъ тогда одни, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, опасались появленія въ Холму изъ Старорусскаго уѣзда поселянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ страшились того, чтобъ не случилась таже драма и въ Холму, какая произошла въ поселеніяхъ, а другіе, легко поддающіеся нелѣпымъ бреднямъ, — желали появленія въ Холму тѣхъ поселянъ.

Вообще же страхъ былъ до того великъ, что въ Холму произошло нѣсколько траги-комическихъ случаевъ, изъ которыхъ вспоминаю слѣдующіе:

Когда за кровавымъ дѣломъ въ Старорусскомъ уѣздѣ на другой же день дошелъ о томъ въ г. Холмѣ ужасающій глухой слухъ (это, помнится, было въ Іюлѣ мѣсяцѣ), а вмѣстѣ съ тѣмъ пришло извѣстіе, будто бы,

тѣ же мятежники-поселяне сбираются сдѣлать наѣздъ и въ Холмъ для такой же свалки, какую произвели они на Волховѣ, населеніе нашего городка сильно этимъ встревожилось.

Мѣстное начальство въ домашнемъ совѣтѣ положило: тотчасъ же послать отъ Земскаго Суда въ Старорусскій уѣздъ для развѣдки о тѣхъ событіяхъ и слухахъ, дворянскаго засѣдателя Львова (тогда становыхъ приставовъ не было) какъ личность считавшеюся не трусливаго десятка и храбраго въ распеканіи крестьянъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ наши власти положили, въ случаѣ приближенія мятежныхъ поселянъ къ городу, отвести немедленно пловучій мостъ на р. Ловати съ тѣмъ, чтобы затруднить переходъ шаекъ и приготовить имъ отпоръ. Это же дѣло предпологалось возложить на инвалидную команду, къ которой должны были присоединиться мѣщане, вооруженные дубинами.

Львовъ, вооружась парою заряженныхъ пистолетовъ и саблею, поскакалъ на лихой тройкѣ изъ Холма къ границѣ Старорусскаго уѣзда; но едва прошло два часа, какъ тотъ же посланецъ вихремъ примчался обратно къ квартирѣ земскаго исправника, совершенно перепуганный и донесъ: что де въ городъ идутъ и ѣдутъ поселяне многочисленною толпою.

Разумѣется съ этой вѣстью тотчасъ побѣжали гонцы отъ исправника: одни къ городничему и городскому головѣ: что бы тѣ распорядились отводомъ на рѣкѣ моста и приготовленіемъ гражданъ съ дубиннымъ вооруженіемъ; а другіе — къ инвалидному начальнику съ приказаніемъ немедленно приготовить и вывести команду въ боевомъ порядкѣ на берегъ рѣки Ловати.

Всѣ эти распоряженія исправника не были еще приведены въ исполненіе, какъ спустя одинъ или полтора

часа послѣ возврата Львова, наведенный донесеніемъ его страхъ оказался напраснымъ.

Прибывшіе въ г. Холмъ по тому же Старорусскому тракту по свѣжимъ слѣдамъ Львова — два брата мѣщане (возвратившіеся съ своей пустоши, гдѣ они ставили сѣно, домой), объявили: «что на томъ трактѣ ни какой толпы поселянъ, ни конной ни пѣшей, не было и нѣтъ, но что де только идетъ въ Холмъ городское стадо коровъ (до 300 штукъ) возвращающееся съ паствы».

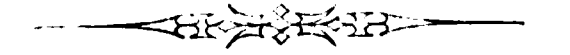
Облака пыли, поднятой коровами съ песчанной дороги, были приняты Львовымъ за знакъ приближенія мятежной толпы поселянъ; безстрашный гонецъ струсилъ предъ пылью, выходившей изъ за лѣса, окамляющаго тотъ трактъ съ обѣихъ сторонъ и, нéдоѣзжая до нее, поспѣшилъ ускакать въ Холмъ съ роковою вѣстью.

Вотъ еще случай изъ того достопамятнаго лѣта.

На другой или третій послѣ сказаннаго день, пришли въ Холмъ изъ Старорусскаго уѣзда изъ квартирующаго тамъ, не помню какого именно, баталіона войскъ, человѣкъ десять или болѣе нижнихъ чиновъ при унтеръ-офицерѣ; команда эта была командирована въ нашъ городъ для покупки въ питейномъ откупѣ нѣсколькихъ ведеръ полугарнаго вина. При приходѣ солдатъ въ городъ съ упряжною въ телѣгѣ лошадью, многіе изъ горожанъ смотрѣли на нихъ съ нѣкоторою затаенною боязнею, а другіе съ нетерпѣливымъ желаніемъ разгадать поскорѣе точную причину появленія ихъ въ Холму. Когда этимъ чинамъ стали въ винномъ подвалѣ отпускать требуемую ими водку, — разумѣется за наличныя деньги, — то солдаты потребовали, чтобы управляющій откупомъ самъ выпилъ изъ наливаемаго имъ въ боченокъ вина, полный стаканъ водки. Управляю-

щій вынужденъ былъ исполнить это требованіе предъ всѣми солдатами и другими зрителями въ доказательство безвредности отпущеннаго имъ вина. Этотъ случай въ другое время показался бы смѣшнымъ, но въ тогдашнемъ настроеніи умовъ народа онъ имѣлъ не маловажное значеніе.

Благоразумный устой Холмичей противъ напора бури сомнѣній, наносимыхъ заразившимися мятежнымъ духомъ сосѣдей, спасая свое общество, оградилъ, быть можетъ, все населеніе уѣзда отъ неразумной вспышки невѣждъ и фанатиковъ.



ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Списокъ преступниковъ 2-й поселенной роты Австрійскаго императора Франца 1 полка уличенныхъ въ мятежныхъ поступкахъ 16 іюля 1831 года.

№	Званіе, имя и фамилія.	Отмѣтки.
	Унтеръ-офицеры:	
1	Ларіонъ Булатовъ . . .	ударилъ поручика Забѣлина по шеѣ.
2	Михаилъ Чернобаевъ. .	держа въ рукахъ купоросную кислоту и хлористую известь, говорилъ поселянамъ, что это ядъ, и тѣмъ самымъ возмущалъ къ мятежу.
3	Михайло Яковлевъ . . .	буйствовалъ за одно съ поселянами.
4	Абрамъ Емельяновъ . .	убивалъ подполковника Бутовича и штабъ-лекаря Богоявленскаго.
5	Иванъ Андреевъ	кололъ вилами штабсъ-капитана Савурскаго.
	Рядовые:	
1	Дмитрій Васильевъ. . .	всѣ они убивали Бутовича, Султанова и Богоявленскаго.
2	Григорій Раевскій . . .	
3	Тихонъ Лаврентьевъ . .	
4	Козьма Лаврентьевъ . .	
5	Өедоръ Телешневъ . . .	
6	Өедоръ Васильевъ . . .	
7	Максимъ Пересторонковъ	
8	Ефимъ Григорьевъ . . .	
9	Иванъ Агафоновъ. . . .	

№	Званіе, имя и фамилія.	Отмѣтки.
10	Гаврило Дементьевъ . .	началъ первый бунтовать, грубилъ мнѣ и извѣщалъ 1 поселенную роту о бунтѣ въ Подберезьѣ.
11	Емельянъ Михайловъ. .	убивалъ Бутовича и билъ у.-о. Афанасьева.
12	Иванъ Трофимовъ. . . .	билъ Панова и хотѣлъ убить фельдфебеля.
13	Григорій Пантелѣевъ . .	первый ударилъ Панова коломъ.
14	Макаръ Ивановъ	билъ Султанова и ѣздилъ извѣщать о бунтѣ въ 3 пос. роту.
15	Родіонъ Макаровъ . . .	сзывалъ поселянъ бить фельдфебеля.
16	Яковъ Гусаковъ	грубилъ Бутовичу, билъ его, допрашивалъ Богоявленскаго, билъ его и хотѣлъ повѣсить.
17	Иванъ Никифоровъ. . .	билъ поручика Забѣлина.
18	Егоръ Султановъ. . . .	билъ Султанова и хотѣлъ убить фельдфебеля.
19	Сергѣй Соколовъ. . . .	хотѣлъ убить каптенармуса.
20	Петръ Егоровъ.	вмѣстѣ много буйствовали.
21	Ѳедоръ Егоровъ	вмѣстѣ много буйствовали.
22	Кондратій Чабыкинъ . .	билъ Бутовича, Султанова, Савурскаго, и на другой день хотѣлъ взять меня на гауптвахту.
23	Прокофій Александровъ.	билъ Султанова и Забѣлина; стращалъ взять меня на гауптвахту.
24	Василій Григорьевъ . . .	на другой день бунта хотѣлъ взять меня на гауптвахту.
25	Иванъ Кондратьевъ. . .	билъ Бутовича, наказывалъ розгами кантониста Мельницкаго за то, что я будто-бы давалъ ему яду кидать въ колодцы.
26	Василій Митрофановъ. .	тащилъ Савурскаго за ноги въ ригу.
27	Ефимъ Филиповъ	тащилъ отъ фрунта 7 фузелерной роты полуживаго поручика Забѣлина.
28	Лука Гіенко	грубилъ со всѣми, билъ: Бутовича, Султанова, Богоявленскаго и Панова.

№	Званіе, имя и фамилія.	Отмѣтки.
29	Ефимъ Симіоновъ. . . .	сочинялъ жалобу государю на начальниковъ.
30	Ефимъ Григорьевъ . . .	буйствовали и били унтеръ-офицера Афанасьева. Освобождены Коммисіею.
31	Иванъ Өедотовъ	
32	Антипъ Коренковъ . . .	возмущалъ поселянъ къ бунту.
33	Захаръ Семеновъ. . . .	кричалъ: «всѣхъ надо убить».
34	Евстигней Ивановъ. . .	билъ коломъ Панова.
35	Николай Сорокинъ . . .	билъ: Бутовича, Султанова, Савурскаго, Забѣлина и меня хотѣлъ взять на гауптвахту.
	Кантонисты:	
1	Митрофанъ Фиктевъ. . .	грабили съ убитыхъ начальниковъ одежду.
2	Иванъ Гусевъ.	
3	Петръ Кузьминъ	

Списокъ этотъ заключаетъ имена первыхъ захваченныхъ послѣ происшествія *).

II.

Командиру поселеннаго баталіона Гренадерскаго его величества императора Австрійскаго полка, г. подполковнику Бутовичу, командира 2-й поселенной роты Рапортъ.

Сего числа, выславъ поселянъ на покосъ для пожарныхъ лошадей, я отправился для осмотра сей работы и, прибывъ туда, встрѣтилъ десяточныхъ унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ Михайло Чернобаевъ говорилъ поселянамъ, чтобъ они сказали мнѣ, что не желаютъ косить на кряжахъ, гдѣ лучшее сѣно, и что будутъ сдавать положенное количество сѣна отъ себя

*) Приведенный списокъ представленъ былъ начальству капитаномъ Заикинымъ при рапортѣ, помѣщенномъ ниже въ № III.

каждый. Какъ сѣно необходимо, то я и приказалъ раздѣлить участки, скосить и сдать. Замѣтивъ при этомъ дерзкими поселянъ: Евстигнея Иванова и еще другаго, я велѣлъ привести на ротный дворъ, чтобъ наказать, куда и самъ прибылъ. Вскорѣ, чрезъ кантониста, дали знать, что поймали съ ядомъ, почему тотчасъ же отправился на встрѣчу. Встрѣтилъ толпу, въ коей были связаны унтеръ-офицеръ и женщина, и разспросивъ—въ чемъ дѣло, и почему они ушли съ работъ, и почему осмѣлились избить связаннаго унтеръ-офицера шоссейнаго. Они дерзко отвѣчали, что онъ сыплетъ ядъ въ колодцы по приказанію начальства и при семъ показали данную унтеръ-офицеру для окурки хлористую известь и купоросную кислоту; объяснивъ имъ, что это лекарство, я приказывалъ имъ возвратиться на работу; но они отвѣчали дерзко, что не пойдутъ, и повели его въ ригу, гдѣ стали допрашивать, нанося побои. Донося о семъ, имѣю честь почтительнѣйше просить распоряженія вашего высокоблагородія.

№ 30. 16-го іюля 1831 года.

III.

Командующему округомъ господину подполковнику и кавалеру Панаеву, командира 2-й поселенной роты — объясненіе.

Вслѣдствіе предписанія вашего высокоблагородія, послѣдовавшаго ко мнѣ сего Августа 15-го числа, за № 1521-мъ, симъ имѣю честь донести, что прошедшаго Іюля мѣсяца 16-го числа, ввѣренный мнѣ 2-й поселенной роты военные поселяне были мной высланы на покосъ близъ Вышинскаго моста, называемый кряжъ, для

пожарныхъ лошадей, ибо хотя военнымъ поселянамъ и должно сдавать сѣно отъ себя по $7^1/_2$ пудъ, но какъ многіе поселяне сдаютъ оное не годнымъ къ корму и котораго пожарнымъ лошадямъ оставалось мало, почему я приказалъ сѣно скосить на пожняхъ и сколько таковаго будетъ кучь, раскладывать по поселянамъ. И потому, поутру въ 8-мъ часу, хотѣлъ самъ осмотрѣть— сколько для сего мѣста опредѣлятъ поселяне; но оные найдя между собой невыгоднымъ для себя, потому что на кряжахъ находилась лучшая трава, а потому и согласились просить меня, дабы я сіе отмѣнилъ. Все сіе я незналъ до тѣхъ поръ, какъ уже поѣхалъ осмотрѣть мѣсто, и проѣзжая мимо собравшихся на работу поселянъ, замѣтилъ, что унтеръ-офицеръ Чернобаевъ позади меня шепотомъ говорилъ поселянамъ: «что-жъ вы не говорите капитану?» но оные молчали, и я, не обратя никакого вниманія, поѣхалъ съ десяточными унтеръ-офицерами, которые начали мнѣ говорить, что поселяне не согласны сдавать сѣно съ кряжей. Услыша сіе, я обратился къ нимъ и сказалъ стоящимъ тутъ: «кто не хочетъ косить?» но оные всѣ до одного стали говорить: «мы не желаемъ сего, а лучше мы всякій отъ себя будемъ сдавать должное»; на что я приказалъ имъ молчать; между тѣмъ сказалъ, что если всѣ въ голосъ кричатъ, то это уже будетъ буйство, и что есть средство усмирить, и при семъ, замѣтивъ одного, который говорилъ азартнѣе, именно поселянинъ, рядовой Евстигнѣй Ивановъ; при семъ всѣ бывшіе тутъ замолчали и была тишина, при чемъ велѣлъ имъ, по ихъ желанію, раздѣлить покосъ, какъ хотятъ, говоря: пусть «осмѣлится кто сдать дурное сѣно». Съ сими словами поѣхалъ въ роту и встрѣтилъ фельдфебеля, который сказалъ, что симъ обижается 4-е капральство, почему я оныхъ

десяточныхъ, Михайла Яковлева и Ермолая Ефимова, потребовалъ къ себѣ и когда прибыли, то спросилъ: «почему вчерашняго числа при сборѣ всѣхъ десяточные были согласны взять сѣно съ кряжей, а сегодня ропщутъ?» Въ то время, когда я о семъ разговаривалъ, пришли мнѣ сказать, что поймали дорожнаго унтеръ-офицера съ ядомъ; тогда, оставя сіе, я тотчасъ отправился узнать, что случилось, и увидя, что ведутъ солдата и женщину, а сзади (идетъ) толпа поселянъ, при коихъ дежурный унтеръ-офицеръ; сіе случилось у лѣваго фланга роты, и когда я поѣхалъ къ нимъ (и) спросилъ, что это значитъ? они лишь показали мнѣ пузырекъ и порошки, говоря, что (пойманный унтеръ-офицеръ) отравляетъ ядомъ, при чемъ и унтеръ-офицеръ объявилъ мнѣ, что, «убоясь угрозъ на меня сей женщины, которая хотѣла объявить на меня въ нижнеземскомъ судѣ, что я жилъ съ нею нѣсколько времени беззаконно и билъ ее, и что имѣю при себѣ ядъ, а потому вынужденъ былъ постращать её отравой». А женщина еще къ тому прибавила, что «оный (т. е. унтеръ-офицеръ), знавъ мое намѣреніе, пошелъ за мной и догнавъ, повалилъ на землю и, наступя колѣнкомъ на грудь, хотѣлъ влить изъ бывшаго у него тогда пузырька яду и въ то время она начала кричать: «караулъ!» — На крикъ сей прибѣжалъ унтеръ-офицеръ 7-й роты Максимъ Евстигнѣевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе изъ поселянъ, бывшихъ тутъ поблизости на покосѣ, и разсказавъ о семъ прочимъ, пошли всѣ узнать о семъ происшествіи, и, полагая, что это тотъ самый, который вездѣ отравляетъ, пришли въ такое изступленіе, что готовы были его тутъ-же убить, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, ибо когда я говорилъ имъ, чтобы они шли по мѣстамъ и что онъ будетъ за сіе нака-

занъ, то они о семъ не хотѣли слушать, говоря: «мы сами, своимъ судомъ, съ нимъ сдѣлаемся». Въ то время женщина прибавила еще, что у него много есть на квартирѣ яду и что ключь, который былъ при унтеръ-офицерѣ, не отъ того мѣста, гдѣ лежитъ ядъ; но что ключь тотъ, которымъ отпирается сундукъ, находится въ шкапу. Почему всѣ заговорили, что нужно обыскать его, и сейчасъ-же пошли бывшіе при семъ унтеръ-офицеры: Ларіонъ Булатовъ, Михаилъ Чернобаевъ, Никита Ануфріевъ и Семенъ Мальцевъ, и говорили мнѣ: «пойдемте, ваше благородіе, вы будете свидѣтель». И придя въ казарму, не нашли ничего о чемъ говорила женщина, кромѣ что на окнѣ былъ въ склянкѣ марганецъ и хлориновая известь. Возвратясь оттудова, сказали, что это все ложь, и что ничего не нашли; и что сіе должно быть окурка; но поселяне отвѣчали, что сей окуркой могли-бы всѣхъ уморить, еслибъ не сей случай открылся, и показывали, что у одного отъ такой кислоты прогорѣлъ холстъ, и когда я ихъ уговаривалъ, то рѣшительно сказали: «не отпустимъ сего унтеръ-офицера, а отправимъ сами въ Новгородъ». Въ это время подъѣхалъ резервнаго баталіона маіоръ Баллашъ и, вмѣстѣ со мной, уговаривалъ поселянъ разойтись. Наконецъ, я долженъ былъ дать знать баталіонному командиру. Въ то время уже былъ 11-й часъ въ исходѣ, и когда пріѣхалъ г. подполковникъ Бутовичъ, я разсказалъ ему происшествіе и вмѣстѣ пошли въ ригу, гдѣ онъ осмотря найденныя у унтеръ-офицера вещи и подробно разспросивъ его, сказалъ: «ребята, это не ядъ, но что это дѣйствительно служитъ окуркою при холерѣ»; на что всѣ еще болѣе озлобились, говоря: «что въ госпиталѣ много уморили окурками, да ваннами, зачѣмъ выдумали карантины; это все отъ тебя...» Въ

это время вошелъ штабъ-лекарь Богоявленскій, котораго, какъ только увидѣли, закричали: «вотъ онъ!» и взявъ за руки, притащили на средину, ничего не разспрашивая и не внимая словамъ, окружили и кулаками повалили его на землю; въ то время я отступилъ нѣсколько шаговъ; но унтеръ-офицеръ 4-й роты, Захаръ Евдокимовъ, схватилъ меня за руку, сказавъ: «куда бѣжишь!» однако прочіе изъ моей роты отвели какъ меня, такъ и подполковника, говоря: «уходите скорѣй, а то въ эдакомъ буйствѣ и вамъ тутъ-же попадетъ», почему мы и вышли я—съ одной стороны, а онъ съ другой на большую дорогу, говоря: «что вы дѣлаете?» но они, побивъ лекаря, стали допрашивать; тутъ подполковникъ посылалъ меня нѣсколько разъ и за мною неслужащаго инвалида Михайла Мартемьянова уговаривать людей; но не могъ ничѣмъ склонить ихъ оставить. Между тѣмъ нѣкоторые поселяне говорили: «не бойтесь, ваше благородіе, вамъ ничего не будетъ; вы не подписались на холеру, вы еще будете счастливы». А Мартемьяновъ сказалъ подполковнику: «поѣзжайте поскорѣе домой, а то вамъ худо будетъ». Присемъ насъ опять обступили и просили подполковника дать билетъ для отправленія въ С.-Петербургъ лично представить виновныхъ государю, и, вмѣсто того, чтобы разойтись по домамъ, укоряли его: зачѣмъ резервной баталіонъ поставленъ не по квартирамъ, а по ригамъ. На сіе подполковникъ обѣщалъ всѣхъ распустить и изъ госпиталя возвратить въ семейства, но толпа не разходилась. Въ это время пріѣхалъ маіоръ Султановъ, и поговоря съ подполковникомъ, разошлись: первый пошелъ задворками, а подполковникъ къ резервной ротѣ; въ это время, стали подъѣзжать съ разныхъ ротъ верхами и, спустя малое время, вижу, что ведутъ подполковника и пору-

чика Забѣлина, вокругъ которыхъ и верхами и пѣшкомъ шли поселяне большою дорогою толпою. При этомъ я, на нѣкоторое время, долженъ былъ удалиться на квартиру и, спустя нѣсколько времени, пришелъ ко мнѣ штабсъ-капитанъ Пановъ и просилъ укрыть его. Женщина моя не успѣла затворить подвалъ, какъ вошли его роты поселяне, говоря: «сейчасъ сюда вошелъ, гдѣ онъ?» но женщина ихъ оттолкнула отъ горницы и они нашли Панова въ подвалѣ, и его тотчасъ повели на площадь и начали бить. Въ это время я, оторопѣвъ, не зналъ, что предпринять и еще болѣе, когда мой фельдфебель и пожарный унтеръ-офицеръ, каптенармусъ 7-й роты Маринъ и десяточные унтеръ-офицеры: Булатовъ и Андрей Васильевъ сказали: «спасайтесь ваше благородіе и васъ спрашиваютъ; вотъ ключь, ступайте въ 72-й номеръ» и когда я, опамятовавшись, не соглашался, то повели меня и семейство, нехотѣвшее оставить меня, въ 72 номеръ, гдѣ заперли меня въ сараѣ, гдѣ провелъ все время, пока не утихло. Тогда вошелъ ко мнѣ унтеръ-офицеръ Авдѣй Михайловъ съ другими и сказалъ: «теперь можете безопасно идти въ свою квартиру». Прочія обстоятельства вашему высокоблагородію извѣстны. Вообще въ семъ происшествіи наиболѣе виновны моей роты: Николай Сорокинъ, Кондратій Чебыкинъ, Яковъ Гусаковъ, Козьма Лаврентьевъ, Гаврило Дементьевъ, Григорій Боевъ, Василій Ивановъ, а о прочихъ узнаете отъ фельдфебеля, десяточныхъ унтеръ-офицеровъ и учителя Семена Таркова. Все сіе имѣю честь представить вашему высокоблагородію на разсмотрѣніе.

№ 1. Августа 17-го дня, 1831 года.

IV.

Списокъ лицъ по свидѣтельству: Воинова, Заикина, Панаева и Соколова истязанныхъ, изувѣченныхъ и умерщвленныхъ въ іюлѣ 1831 года мятежными поселянами.

А. Арестованные, истязанные, изувѣченные:

Дѣвушка, любовница шоссейнаго унтеръ-офицера.

Сыропятова солдатка.

Кантонистъ, Кантонистъ — фамиліи неизвѣстны.

Мельницкій кантонистъ.

Комковъ Дмитрій поселянинъ.

Поселянинъ, Поселянинъ, Поселянинъ — Прусскаго полка; фамиліи забыты разскащикомъ.

Деньщикъ капитана Савурскаго.

Сторожъ церковный, инвалидный солдатъ въ округѣ Прусскаго полка.

Афанасьевъ унтеръ-офицеръ.

Унтеръ-офицеръ вѣдомства Путей-Сообщенія. Каптенармусъ 4-й роты Прусскаго полка. — фамиліи забыты разскащикомъ.

Штоцъ писарь.

Васильевъ фельдшеръ 2-й поселенной роты, Австрійскаго полка.

Черепановъ фельдшеръ.

Аптекарскій ученикъ въ округѣ Прусскаго полка.

Гавриловъ учитель, унтеръ-офицеръ.

Тарковъ учитель.

Литвиновъ помѣщикъ.

Гутниковъ лекарь въ Австрійскомъ полку.

Губановъ аудиторъ въ Прусскомъ полку, изувѣченъ, остался хромъ.

Симковъ аудиторъ въ Австрійскомъ полку.

Парфеновъ полиціймейстеръ.

Винокуровъ подпоручикъ Прусскаго полка.

Абрамовъ баталіонный адъютантъ въ Прусскомъ полку.

Ротнаго командира въ Наслѣднаго принца Прусскомъ полку жена, фамилія забыта разскащикомъ.

Ганеманъ штабсъ-капитанъ, командиръ 9-й фузелерной роты въ Австрійскомъ полку.

Дмитріевъ штабсъ-капитанъ Прусскаго полка, три раза истязанъ розгами.

Занозинъ штабсъ-капитанъ Австрійскаго полка.

Офицеръ въ округѣ Наслѣднаго принца Прусскаго полка.	фамиліи забыты разскащикомъ.
Офицеръ » » »	
Офицеръ » » »	

Соколовъ капитанъ, командиръ роты въ Австрійскомъ полку.

Надворный совѣтникъ въ Новгородѣ, фамилія забыта.

Богдановичъ И. А. исправникъ въ г. Демьянскѣ.

Костеревъ инженеръ-капитанъ въ округѣ Прусскаго полка.

Баллашъ маіоръ, баталіонный командиръ въ Австрійскомъ полку.

Кутузовъ маіоръ, въ Австрійскомъ полку.

Москвинъ маіоръ, командиръ рабочаго баталіона въ округѣ Австрійскаго полка.

Соколовъ Василій—младшій священникъ въ Прусскомъ полку.

Смѣлковъ Лавръ — старшій священникъ въ Австрійскомъ полку; переломана рука.

Архимандритъ въ монастырѣ, въ г. Старой Русѣ.

Б. Умершіе отъ истязаній и убитые на мѣстѣ:

Болкашинъ помѣщикъ.

Канцелярскій чиновникъ въ Новгородѣ, фамилія забыта разскащикомъ.

Фельдшеръ въ округѣ Австрійскаго полка.

Ветеринаръ въ округѣ Австрійскаго полка.

Ѳедоровъ Руфъ — аптекарскій ученикъ въ округѣ Прусскаго полка.

Аптекарь въ г. Старой Русѣ отравленъ.

Гопольдъ аптекарь въ округѣ Австрійскаго полка.

Лекарь съ Волбовицкаго карантина отъ истязаній сошелъ съ ума.

Альховской докторъ.

Богоявленскій штабъ-лекарь Австрійскаго полка.

Винокурова жена подпоручика Прусскаго полка—умерла вслѣдствіе мятежа поселянъ.

Грѣшниковъ фурштатскій офицеръ въ Прусскомъ полку.

Ѳедуловъ подпоручикъ, командиръ инвалидной роты въ Прусскомъ полку.

Забѣлинъ поручикъ, командиръ 7-й фузелерной роты въ Австрійскомъ полку.

Денисовъ штабсъ-капитанъ, командиръ 4-й роты въ Прусскомъ полку.

Пановъ штабсъ-капитанъ, командиръ 4-й роты въ Австрійскомъ полку.

Дасаевъ капитанъ, командиръ резервной роты въ Прусскомъ полку.

Савурской капитанъ, командиръ 1-й роты въ Австрійскомъ полку.

Манжосъ полиціймейстеръ въ г. Старой Русѣ, засѣченъ до смерти.

Султановъ маіоръ, командиръ резервнаго баталіона Австрійскаго полка.

Яцковскій маіоръ, баталіонный командиръ въ Прусскомъ полку.

Вутовичъ подполковникъ, баталіонный командиръ въ Австрійскомъ полку.

Леонтьевъ генералъ, начальникъ округа Старорусскихъ поселеній.

Примѣчаніе. Этотъ скорбный списокъ далеко не полонъ. Въ немъ помѣщены имена тѣхъ лишь лицъ, о которыхъ сочли нужнымъ упомянуть очевидцы мятежа поселянъ въ округахъ двухъ полковъ — Австрійскаго и короля Прусскаго и отчасти въ г. Старой Русѣ; при томъ и относительно этихъ мѣстностей — имена лицъ поселянами арестованныхъ и во время ареста подвергнутыхъ разнаго рода истязаніямъ — также упомянуты далеко не всѣ; довольно напомнить свидѣтельство инженеръ-подполковника Панаева о томъ, что въ округѣ одного Австрійскаго полка—таковыхъ лицъ было 38 человѣкъ.

V.

Бунтъ ополченія въ 1812 году.

Когда Наполеонъ съ полчищами своими занимая оставленную жителями Москву, увеселялся заревомъ пожара въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1812 года, въ Пензенской губерніи составилось ополченіе изъ дворянскаго сословія и изъ крестьянъ онаго. Ополченіе раздѣлялось на четыре пѣхотныхъ, одинъ конный полки и артиллерійскую роту, которые формировались въ городахъ: Пензѣ, Мокшанѣ, Саранскѣ, Инсарѣ и Краснослободскѣ.

Въ продолженіе одного мѣсяца всѣ полки, каждый по четыре тысячи человѣкъ, были собраны, обмундированы и вооружены пиками. Ратниковъ обучали всѣмъ нужнымъ построеніямъ; и, съ одной стороны, усердіе къ пользѣ отечества, а съ другой — повиновеніе и желаніе пріобрѣсти вѣрнѣйшія средства къ точному исполненію обязанностей — дѣлали успѣхи, превосходившіе ожиданія.

Такъ все шло до Декабря — до того времени, когда было получено повелѣніе выступить въ походъ. 10 числа назначалось выступленіе — и 8 числа были уже отправлены квартирьеры для занятія квартиръ на первыхъ станціяхъ.

Я находился тогда въ 3 полку полковымъ адъютантомъ. Полкъ квартировалъ въ Инсарѣ и состоялъ подъ командою полковника Кушнерева, опытнаго по службѣ и храбраго въ войнѣ: ибо первое — доказывалъ успѣхъ, съ какимъ Кушнеревъ образовалъ свой полкъ; а послѣднее — свидѣтельствовали раны, которыя онъ имѣлъ, и ордена, которыми украшался.

8 Декабря, по отправленіи квартирьеровъ, дѣлались

приготовленія къ походу — и весь полкъ былъ собранъ въ штабъ-квартиру.

Утромъ 9 Декабря, часу въ осьмомъ, я и нѣкоторые изъ офицеровъ находились у полковника. Къ нему явился капитанъ, командовавшій первою ротою, и донесъ, что назначенный съ этой роты караулъ не повинуется его приказаніямъ, и что цѣлая рота, безъ всякаго требованія, собралась къ его квартирѣ. Это извѣстіе насъ удивило, но не заставило подозрѣвать ничего важнаго; ибо предшествовавшее тому безмолвное повиновеніе ратниковъ слишкомъ обезпечивало всѣхъ со стороны тишины и порядка.

Тотчасъ я получилъ отъ полковника приказаніе — вмѣстѣ съ капитаномъ отправиться къ ротѣ и подробно узнать о случившемся происшествіи. По прибытіи нашемъ къ квартирѣ капитана, мы нашли роту во фронтѣ съ пиками. Подхожу къ ней и требую назначенныхъ для караула ратниковъ, и они выходятъ изъ рядовъ; спрашиваю ихъ: «почему они не повиновались приказаніямъ начальника?» — и цѣлая рота отвѣчаетъ мнѣ громкимъ крикомъ: «не хотимъ!» . .

Я старался внушить имъ, что всякое неповиновеніе строго будетъ наказано, — приказывалъ тотчасъ выполнить все то, что требуетъ долгъ службы, но голосъ трехъ сотъ ратниковъ заглушилъ мои приказанія.

«Не пойдемъ въ походъ безъ присяги! не хотимъ ни кого слушаться!» — были слова, которыя слышалъ я въ ужасномъ ихъ крикѣ. Еще хотѣлъ я испытать силу своего краснорѣчія, но всепобѣждающая сила страха, признаюсь, сковала языкъ мой: ибо ратники, наклонивъ пики, грозили насъ поднять на нихъ. Я и капитанъ бросились въ сани — и только быстротѣ лошади, можетъ быть, обязаны жизнею.

Проѣзжая назадъ, видѣли мы въ улицахъ и другія роты также собравшимися и, наконецъ, обо всемъ донесли полковнику. Въ то время уже были у него всѣ баталіонные, нѣкоторые ротные командиры и много другихъ офицеровъ; всѣ они доносили о неповиновеніи ратниковъ и о томъ, что полкъ самъ собою собирается вмѣстѣ.

Полковникъ велѣлъ мнѣ написать къ генералу, командовавшему ополченіемъ, подробное донесеніе, и когда оно было готово, вручилъ его офицеру Юматову — съ приказаніемъ, какъ можно поспѣшнѣе, доставить къ генералу въ Пензу.

Все тѣмъ какъ будто было кончено. Никто не думалъ о послѣдствіяхъ происшествія. Изъ квартиры полковника не видно было ни одного ратника; большая площадь передъ оною представляла совершенную пустоту.

Было уже 11 часовъ утра, какъ мы увидѣли весь полкъ, вооруженный пиками, выходящимъ на площадь. Вытянувшись на оной, полкъ построился въ густую колонну, противъ самой квартиры полковника, разстояніемъ отъ нея саженяхъ во ста. Въ туже минуту полковникъ отправилъ одного изъ офицеровъ узнать о причинѣ прихода полка. Офицеръ возвратился и донесъ, что ратники требуютъ себѣ присягу и манифестъ, по которому составлено ополченіе. Вслѣдъ затѣмъ изъ полка вышло до 30 ратниковъ, которые, приближаясь къ квартирѣ полковника, того же требовали. Полковникъ приказалъ мнѣ взять манифестъ, и самъ слѣдовалъ за мною. Толпа ратниковъ сдѣлала изъ себя кругъ, въ срединѣ котораго громко прочелъ я манифестъ, ожидая отъ того благотворнаго вліянія на людей, находившихся въ заблужденіи. Но они не повѣ-

рили манифесту, потому что на немъ не было красной печати, которая, по ихъ мнѣнію, должна была непремѣнно находиться, и которую долго искали, осматривая манифестъ со всѣхъ сторонъ. Потомъ (ратники) требовали сказать имъ: куда ихъ хотятъ вести? Имъ отвѣчали: «въ походъ».

— «Вы обманываете насъ» возразили они съ грубостію: «мы не присягали, а безъ того нельзя солдату быть и въ походѣ. Да и собирать насъ государь не велѣлъ, а требовалъ однихъ дворянъ; но вы ведете насъ вмѣсто себя».

Полковникъ обѣщалъ имъ присягу и увѣрялъ, что безъ повелѣнія государя никто бы не осмѣлился собирать ополченія, и что дворяне не за себя посылаютъ ихъ въ походъ, а съ ними вмѣстѣ и сами идутъ для защиты православной вѣры и отечества. Но всѣ убѣжденія остались тщетными. Ратники побѣжали къ полку, произнося проклятія дворянамъ.

Возвратившись въ комнаты, полковникъ — какъ будто предчувствуя, что̀ могло случиться, — приказалъ затворить и запереть ворота, а у дверей поставить караулъ изъ ратниковъ и унтеръ-офицеровъ, казавшихся вѣрными, которыхъ было всего до 20 человѣкъ. Но могло ли все это привести насъ въ безопасное положеніе отъ нападенія четырехъ тысячъ человѣкъ!

Полкъ въ густой колоннѣ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Въ квартирѣ полковника находились тогда: не болѣе 15 офицеровъ, уѣздный судья, правившій должность городничаго, и стряпчій, прибывшіе по случаю этого происшествія, для совѣщаній съ полковникомъ; другіе же офицеры и самъ полковникъ вдругъ какимъ-то образомъ не извѣстно куда скрылись.

Съ трепетнымъ ожиданіемъ чего-то ужаснаго стояли

мы у оконъ, смотря на тысячи пикъ, блестящихъ въ рукахъ буйныхъ ратниковъ! Все было тихо такъ, что слышалось біеніе сердца въ груди у каждаго изъ насъ; лишь изрѣдка заглушали оное порывы вѣтра, начинавшаго кружить снѣжную пыль въ воздухѣ. Мы были какъ волшебнымъ жезломъ прикованы къ окнамъ: видѣли опасность, но не думали, не могли искать спасенія.

Вдругъ полкъ сдѣлалъ движеніе — мы ясно видѣли, что онъ подвинулся къ намъ ближе; еще движеніе — и еще нѣсколько шаговъ впередъ; чрезъ нѣсколько же минутъ онъ стоялъ уже въ 10 шагахъ отъ квартиры полковника — лицемъ къ лицу съ нами, такъ что насъ раздѣлялъ одинъ только палисадникъ. Въ комнатахъ у насъ сдѣлалось волненіе; часовые запирали двери; слышались стоны отъ нѣкоторыхъ офицеровъ, а одинъ маіоръ съ блѣднымъ лицемъ бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ и кричалъ:

— «Боже мой! страхъ какой!»

Вотъ нѣсколько ратниковъ вышли изъ рядовъ, и, облокотясь на палисадникъ, страшно смотрѣли къ намъ въ окна. Невольно мы удалились отъ нихъ къ задней стѣнѣ комнаты. И вдругъ за нами раздался чрезвычайный стукъ, сопровождаемый крикомъ. Побѣжали туда, и что же увидѣли? Маіоръ, о которомъ прежде говорилъ я, загнанный страхомъ въ сѣни, искалъ себѣ спасенія на дощечкѣ, которая была тамъ прибита къ стѣнѣ. Но какъ онъ былъ слишкомъ тяжелъ для слабо укрѣпленной доски, то и упалъ вмѣстѣ съ нею на полъ. Въ другое время и при иныхъ обстоятельствахъ было бы довольно странно видѣть штабъ-офицера съ сѣдыми волосами на головѣ, валяющагося по полу и безъ основательной причины кричащаго: «Боже мой! страхъ какой!» такимъ голосомъ, какъ-будто терзали

его жесточайшими пытками. Но эта минута была не для смѣха! Маіора подняли и ввели въ переднія комнаты. Между тѣмъ полкъ, какъ стѣна, все еще стоялъ неподвижно. Въ это время вбѣгаютъ къ намъ нѣсколько унтеръ-офицеровъ и доносятъ, что всѣ выходы съ полковниковой квартиры и даже городскія заставы — заняты ратниками.

Въ туже почти минуту отъ полка отдѣлился одинъ ратникъ и бросилъ къ намъ въ окна палку, которая разбила нѣсколько стеколъ. Это, кажется, было знакомъ настоящаго возмущенья.

Какъ громовой ударъ — раздался дикій вой четырехъ тысячъ ратниковъ! Съ быстротою молніи устремились они къ дому: палисадникъ, ворота, заборъ — все разрушилось мгновенно! Стекла изъ оконъ съ трескомъ полетѣли вонъ вмѣстѣ съ своими рамами... Но какое перо изобразитъ величайшій страхъ и смятеніе наше? Какая кисть можетъ представить блѣдныя дрожащія лица и тѣ черты ужаса, какія живописались на нихъ?

Много лѣтъ прошло уже послѣ этого страшнаго случая, но и теперь еще живо предстоитъ онъ глазамъ моимъ; еще и теперь, при одномъ воображеніи объ немъ, разливается холодъ въ жилахъ моихъ!

Въ смертномъ отчаяніи бросились мы въ заднія комнаты. Я первый хотѣлъ выбѣжать изъ дома, но лишь только отворилъ дверь въ сѣни, какъ острый конецъ пики, уставленный ратникомъ противъ моей груди, заставилъ обратиться назадъ. Тутъ первый предметъ представился мнѣ: лѣстница, ведущая изъ коридора въ мезонинъ; безъ размышленія, почти машинально, устремился я къ оной, а за мной слѣдовали и всѣ офицеры, судья, стряпчій и еще два или три ун-

теръ-офицера, изъ числа ратниковъ, пребывшіе вѣрными своему долгу. Напирая, стѣсняя одинъ другаго, взбѣжали мы въ мезонинъ. Онъ раздѣлялся коридоромъ на двѣ комнаты: одна изъ нихъ была окошками на дворъ, а другая — къ площади. Почти улиткообразная лѣстница, которая вела въ него, была такъ тѣсна, что по ней не возможно было входить рядомъ двумъ человѣкамъ.

Мезонинъ деревяннаго дома конечно не составлялъ безопаснаго укрѣпленія; но положеніе наше подобно было состоянію человѣка, который низвергаясь въ пропасть, успѣлъ схватиться за тонкую нить,—не помышляя, что она не въ силахъ удержать его.

Въ одну минуту осмотрѣли мы свое убѣжище; исправили оружіе (которое заключалось въ двухъ незаряженныхъ ружьяхъ, въ двухъ пикахъ и нѣсколькихъ сабляхъ), и привели себя въ оборонительное состояніе. На верху лѣстницы стали два офицера съ ружьемъ и съ пикою; мѣста у окошекъ и у двери, которая вела на верхній балконъ къ сторонѣ двора, также заняли офицеры.

Между тѣмъ внизу, въ домѣ, на улицѣ и на дворѣ происходилъ ужаснѣйшій шумъ и крикъ, который, мѣшаясь съ воемъ вѣтра, казалось, предвѣщалъ всеобщее разрушеніе. Но мы были забыты бунтующими. Однакожъ скоро открылось, что было тому причиною. Ратники, вломившись въ квартиру полковника, прежде всего предались грабежу; разбивъ ящикъ съ полковыми деньгами, занялись расхищеніемъ ихъ и всего, что попадалось имъ на глаза. Мы видѣли, какъ они, съ бѣшеною радостью, вырывали одинъ у другаго деньги, какъ выбрасывали изъ окошекъ разныя вещи,

и какъ, наконецъ, удалялись большими толпами отъ дома, съ угрозами разграбить весь городъ.

Наконецъ, при входѣ на лѣстницу, показалась голова ратника, но мгновенно исчезла, увидѣвъ вверху конецъ пики и дуло ружья, къ ней обращенныя. Вдругъ тысячи голосовъ закричали: «здѣсь! здѣсь! сюда! сюда!» и у лѣстницы вновь явилось нѣсколько человѣкъ ратниковъ. Но и у нихъ не доставало одного смѣлаго, который бы рѣшился взойдти на верхъ ибо пики и ружья полагали преграду ихъ неистовой злобѣ, а тѣснота лѣстницы мѣшала толпѣ ворваться въ наше убѣжище.

— «Сойдите сюда, мы васъ не тронемъ!» кричали намъ ратники; но мы рѣшительно отвѣчали имъ, что никто не сойдетъ, пока всѣ они не удаляться отъ дома. Потомъ спрашивали — что заставило ихъ, забывъ повиновеніе, сдѣлать такое буйство, которое никогда не простится?

Но они отвѣчали, что имъ велѣно розыскать: «на что собрано ополченіе и отчего худо продовольствовали ихъ пищею?»

Между тѣмъ, какъ внутри дома происходили такіе переговоры, извнѣ онаго летѣли къ намъ въ мезонинъ камни и пики: стекла всѣ были перебиты, вѣтеръ сильно бушевалъ на дворѣ и, съ ужаснымъ свистомъ, дулъ къ намъ въ разбитыя стекла, навѣвая кучи снѣга. Пусть представятъ себѣ наше положеніе: страхъ неизбѣжной смерти и безъ того густилъ кровь нашу, а отъ физическаго холода еще и болѣе застывала она ибо мы были въ однихъ мундирахъ, съ открытыми головами и безъ перчатокъ, къ сему присоединялся и голодъ. Все это доводило насъ до совершеннаго отчаянія! Бѣдные, невинные страдальцы: судья и стряпчій

болѣе другихъ находились въ жалостнѣйшемъ состояніи. Они чувствовали противъ бунтующихъ во всей полнотѣ свою невинность; но очень знали и то, что въ такихъ случаяхъ и правый, и виноватый должны терпѣть одинаковую участь. Оба они имѣли семейства и оба прощались съ ними въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ; цѣловали за-очно женъ и благословляли дѣтей своихъ.

Маіоръ, который прежде сего вотще искалъ спасенія на дощечкѣ, жалкой маіоръ приходилъ въ изступленіе разсудка. Онъ плакалъ, читая молитвы, становился на колѣни и умолялъ всѣхъ спасти его, потомъ вдругъ начиналъ бѣгать и обнаженною саблею рубилъ стѣны, принимая ихъ за ратниковъ.

Капитанъ С.... *), поступившій въ ополченіе прямо изъ исправниковъ, ходилъ подобно человѣку готовящемуся проститься съ жизнію и отдавая всѣмъ послѣднее цѣлованіе, исповѣдывалъ намъ, по долгу христіанскому, вольные и невольные грѣхи, отъ юности имъ содѣянные, а наипаче тѣ, которые, по исправничеству были у него въ свѣжей памяти.

Между тѣмъ толстый подпоручикъ Б.... столь громко читалъ: «живый въ помощи» — и такъ тяжело вздыхалъ, что мы не вдругъ могли услышать голоса ратниковъ, требовавшихъ отъ насъ выдачи полковника и двухъ ротныхъ командировъ, которые находились съ нами.

Какъ листочки осиновые затряслись у господъ офицеровъ всѣ члены отъ этого приглашенія — и пришли потомъ въ судорожное движеніе, когда бунтовщики

---

*) Фамиліи въ разсказѣ скрыты подъ заглавными буквами самимъ авторомъ. *Примѣч. издат.*

объявили, что за неумѣренную строгость ихъ хотятъ съ ними расплатиться.

—«Ихъ здѣсь нѣтъ»—мы отвѣчали ратникамъ; но эти послѣдніе съ страшными угрозами требовали выдать ихъ непремѣнно. «Умереть всѣмъ, но не выдавать ни одного!» произнесли мы единодушно. И въ ту же минуту одинъ изъ насъ вышелъ на балконъ, и просилъ бунтовщиковъ выслушать его, но съ условіемъ, чтобы въ это время они подалѣе находились отъ балкона, который былъ недовольно высоко отъ земли, — слѣдственно конецъ пики удобно могъ прервать слова оратора вмѣстѣ и съ его жизнію.

Ратники повиновались, и, удалясь на нѣсколько шаговъ, приготовились слушать. Тогда офицеръ началъ представлять имъ, какъ дурно они поступили, сдѣлавшись непокорными своимъ начальникамъ и произведя такое буйство, но что могутъ еще загладить вину свою, прекратя тотчасъ же возмущеніе и удалясь къ своимъ мѣстамъ.

—«Колите его ребята!» завопили бѣшеные — и ораторъ нашъ едва только оставилъ кафедру, какъ три или четыре пики воткнулись въ наружную стѣну, выше балкона.

Не смотря однакожъ на такую опасность, еще два офицера вышли на балконъ и, именемъ Бога, требовали отъ ратниковъ сказать: чего хотятъ они?

—«Выдайте намъ полковника!» отвѣчали ратники.

Тогда офицеры поклялись, что его нѣтъ, и что неизвѣстно — гдѣ онъ.

—«Такъ сойдите сами!» вскричали они: «мы отведемъ васъ къ казакамъ, которые пріѣхали судить дворянъ, и кто найдется виноватымъ, того на висѣлицу, а она уже готова».

Это утѣшеніе острымъ кинжаломъ проникнуло до глубины душъ нашихъ; мы увѣрились, что обѣщанный ратниками судъ никого изъ насъ не оправдаетъ, и рѣшились не оставлять своего убѣжища до крайней возможности.

Но судъ казаковъ, болѣе нежели насъ, устрашилъ несчастнаго товарища нашего—судью, потому, можетъ быть, что онъ короче другихъ зналъ, что судъ не всегда бываетъ праведенъ. Этотъ судъ поселилъ въ немъ мгновенно такое отчаяніе, которое заставило его забыть видимую опасность. Онъ бросился на балконъ— и тамъ, ставъ на колѣни съ воздѣтыми къ верху руками, жалобно кричалъ: «помилуйте! не дайте умереть безъ покаянія! Я скажу вамъ—гдѣ полковникъ».

—«Говори скорѣй, гдѣ онъ»? закричала толпа бунтующихъ.

«Тамъ, въ домѣ Головизнина».

Не знаю, какую цѣль имѣлъ г-нъ судья открывая полковника, но полагаю—онъ надѣялся, что ратники, устремясь за полковникомъ, дадутъ ему, между тѣмъ, свободу самому скрыться, или сдѣлавшись признательными къ его поступку, позволятъ ему удалиться домой. Какъ бы то ни было, но мѣстопребываніе полковника было открыто. Какъ въ урочное время отливаются отъ береговъ морскія волны, такъ толпы ратниковъ поспѣшно удалялись отъ нашего убѣжища и стремились къ дому Головизнина. Но господинъ судья, предавшій полковника, совершенно обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: бунтовщиковъ довольно еще осталось для надзора за нами, слѣдственно и не было никакого средства уйдти отъ нихъ.

Уже было три часа по-полудни, слѣдовательно заключенію нашему 3½ часа.

Силы наши, изнуренныя усталостію и холодомъ, начинали ослабѣвать, а умственныя способности исчезали во мракѣ страшныхъ событій; но сквозь оныхъ все еще мелькалъ слабый лучъ надежды, ободрявшій насъ. Мы думали свое спасеніе найдти въ жителяхъ города, полагая, что совокупными силами они могутъ остановить бунтующихъ, ибо тогда имъ тѣмъ удобнѣе было это сдѣлать, что ратники разсыпались по всему городу, грабя и разрушая все, имъ попадавшееся, и отворяя питейные дома, предавались пьянству. Но этотъ обольстительный призракъ надежды исчезъ, какъ исчезаетъ за черными тучами мерцаніе вечерней звѣзды. Скоро убѣдились мы, что жители не только не расположены прекращать буйства ратниковъ, но что и сами участвуютъ въ возмущеніи: ибо въ глазахъ нашихъ, крестьяне вмѣстѣ съ бунтующими, стремились въ разграбленные дома и похищали имущества. Между тѣмъ, жены нѣкоторыхъ ратниковъ, находившіяся въ городѣ, съ воплемъ бѣгали по площади и призывали благословеніе Божіе на погибель дворянъ-супостатовъ.

Вдругъ раздался на площади ужасный крикъ, и большая часть окружавшихъ насъ ратниковъ устремилась къ оному. Мы туда же обращаемъ взоры и— пусть вообразятъ нашъ ужасъ! — видимъ полковника посреди многочисленной толпы буйныхъ ратниковъ, всего окровавленнаго, влекомаго съ проклятіями и ругательствомъ! Поравнявшись съ нашей засадой, толпа остановилась, и сотни пикъ заколебались въ злодѣйскихъ рукахъ противъ одного обезоруженнаго! Произнося страшныя угрозы, ратники сдѣлали видъ, что жертву свою хотятъ поднять на пики; но въ одно мгновеніе нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, конечно менѣе ожесточенныхъ, бросились на защиту и пики

опустились. Съ полковника сорвали ордена, мундиръ и повлекли далѣе. Но каждый шагъ обагрялся его кровію: безчеловѣчные наносили ему жестокіе удары пиками; мы видѣли, какъ онъ простиралъ свои руки къ извергамъ, надѣясь отвратить наносимые ему удары, слышали его умолявшій голосъ, заглушаемый дикимъ воплемъ буйныхъ—и все это родило въ насъ такое мужество, что, презирая жизнь, готовы были стремиться на помощь къ полковнику.

«Пойдемте къ нему, смерть не страшна, когда погибаетъ начальникъ!» произнесли нѣкоторые изъ офицеровъ.

Но разсуждай, кто какъ хочетъ, а справедливый опытъ научаетъ, что въ рѣшительныя, страшныя минуты между жизнью и смертью, мы всѣ — эгоисты: никто не откажется продлить свое существованіе чрезъ ничтожество другаго. Я не говорю о тѣхъ случаяхъ, которые могутъ угрожать намъ лишеніемъ такихъ людей, въ коихъ заключается наше—все: для нихъ умереть можно и должно. Я полечу на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, чтобъ отвратить оныя отъ милой, съ существованіемъ коей слито мое собственное бытіе. Но жизнь людей, имѣющихъ съ нами простое знакомство, или какія либо другія соотношенія, людей постороннихъ и, смѣло скажу, даже жизнь пріятелей, конечно мы желаемъ продлить—только ни на счетъ своей собственной жизни. И если кто на словахъ утверждаетъ противное, тотъ лицемѣритъ: онъ никогда неотважится за жизнь своего друга рисковать лишеніемъ даже одного изъ своихъ членовъ. Если онъ и будетъ къ себѣ призывать смерть, чтобъ сохранить своего любимца, то, при появленіи оной, безъ сомнѣнія, поступитъ также, какъ сдѣлала молодая супруга въ баснѣ Крылова. Такъ сдѣ-

лали и господа офицеры. Ихъ чувство сострадания исчезло, ихъ геройскій духъ упалъ въ туже самую минуту, когда они положили было летѣть на спасеніе Полковника, ибо страшныя пики бунтующихъ были готовы принять ихъ на острые концы свои. Полковника увели изъ глазъ нашихъ: куда и для чего? — никто не зналъ.

Еще прошло полчаса мучительнаго времени, въ продолженіе котораго по всему городу раздавались бѣшенные крики бунтующихъ и вопли несчастныхъ жертвъ ихъ. Природа, казалось, акомпанировала этому ужасному смѣшенію голосовъ: сильно бушевалъ вѣтеръ, снѣжныя тучи быстро носились въ воздухѣ и мятель, какъ змѣя, извивалась по бѣлой поверхности сугробовъ. Толпы ратниковъ, разгоряченныхъ виномъ, въ отвратительныхъ видахъ, то уходили, то возвращались къ нашему убѣжищу. Кричали, угрожали намъ жесточайшими муками, и, наконецъ, умоляли нѣкоторыхъ изъ насъ (въ томъ числѣ и меня) сойдти къ нимъ, ничего не опасаясь. Но можно ли было надѣяться на обѣщаніе людей, находившихся въ изступленіи разума? Лучше хотѣли мы вмѣстѣ умереть, нежели разлучиться съ товарищами своей участи: «при людяхъ и смерть красна» — думали мы и отказались отъ приглашенія. Тѣмъ временемъ, сѣдая голова маіора нашего высунулась изъ дверей на балконъ. Ратники протянули къ нему руки и нѣсколько голосовъ произнесло:

— «Отецъ нашъ, ваше высокоблагородіе! сойдите сюда, мы честно проводимъ васъ, куда вы хотите! небойтесь ничего! вы добрый нашъ начальникъ!»

Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ слишкомъ снисходительный командиръ, и очень чувствовалъ свою невинность

противъ ратниковъ. Ласкательства ихъ на него подѣйствовали: онъ вышелъ на балконъ и объявилъ бунтующимъ, что съ довѣренностію предаетъ себя ихъ покровительству и что желаетъ сойдти къ нимъ. Но здѣсь встрѣтилось затрудненіе: какимъ образомъ сходить маіору? По лѣстницѣ — мы не могли ему позволить открыть шествіе, опасаясь, что тѣмъ воспользуются ратники и откроютъ себѣ къ намъ путь. Оставалось одно средство—спуститься съ балкона. Маіоръ избралъ эту кратчайшую дорогу, и просилъ ратниковъ принять его. Въ одну минуту множество рукъ переплелось и простерлось къ принятію этого драгоцѣннаго бремени. Маіоръ, хотя и очень вѣрилъ обѣщаніямъ ратниковъ, но, колеблемый нашими убѣжденіями не предаваться въ ихъ руки, въ страшной неизвѣстности приготовлялся къ рѣшительному путешествію. Наконецъ, простясь съ нами и еще разъ напомнивъ ратникамъ, что онъ имѣетъ жену и дѣтей, умолялъ для нихъ сохранить жизнь его. Ухватясь обѣими руками за рѣшетку балкона и закрывъ глаза, чтобъ не видѣть опасности, маіоръ спустилъ ноги. Но думаю, что не успѣлъ онъ еще ни одного раза вздохнуть, какъ бунтовщики сдернули его съ балкона, и, подобно хищнымъ звѣрямъ, въ одно мгновеніе, растерзали на немъ все платье на тысячу частей, выхватили часы, деньги, били и рвали сѣдые волосы своего добраго командира; какъ мячикъ катался маіоръ на рукахъ ихъ, не касаясь земли; страхъ лишилъ его всѣхъ чувствъ и только тогда мы услышали жалобный голосъ, когда ратники повлекли его почти полунагого, чрезъ площадь; лишь въ это время крикъ:— «Боже мой! страхъ какой!» увѣрилъ насъ, что несчастный еще живъ. Наконецъ и голосъ его и толпа ратниковъ, вмѣстѣ съ нимъ, исчезли изъ вида.

«Прощайте г. маіоръ!» — сказали мы, смотря въ ту сторону, куда увлекли его вѣроломные ратники.

Сумерки приближались. Болѣе и болѣе толпы ратниковъ собирались къ нашему укрѣпленію и, наконецъ, почти весь полкъ окружилъ оное. Хохотъ, ругательства и угрозы безпрестанно доходили до нашего слуха. Въ это время одинъ унтеръ-офицеръ—тронувшись, по особенному какому-то расположенію, бѣдственымъ моимъ положеніемъ,—предложилъ мнѣ, снявъ мой мундиръ, надѣть — его, съ тою цѣлію, что въономъ легко могутъ бунтовщики не признать меня за офицера. Гдѣ-бъ ты ни былъ, добрый человѣкъ, вездѣ и всегда я буду помнить твой великодушный, благородный поступокъ со мною! Богъ да наградитъ тебя всѣмъ, всѣмъ—чего ты достоинъ!

Вдругъ какъ молнія проскользнула въ головѣ моей мысль, что такая перемѣна платья въ самомъ дѣлѣ можетъ доставить удобнѣйшій способъ скрыться. Съ живѣйшею благодарностію принялъ я предложеніе унтеръ-офицера. Онъ отдалъ мнѣ свой мундиръ, оставшись въ одномъ полушубкѣ; а я, снявъ свое платье, эполеты и платокъ съ шеи, бросилъ все на чердакъ.

Едва только окончилъ я свое переодѣваніе, какъ на площади увидѣли мы повозку, которая на тройкѣ хорошихъ лошадей неслась прямо къ намъ: впереди и позади ея скакали нѣсколько верховыхъ въ странныхъ платьяхъ. Повозка остановилась у нашего дома — и полкъ, подобно пушечному выстрѣлу, закричалъ: «здравія желаемъ!» Тогда мы увидѣли, что въ повозкѣ находился одинъ ратникъ, лѣтъ сорока пяти отвратительной физіономіи: черты лица его выражали злобу и все то, что при первомъ взглядѣ дѣлаетъ на чувство непріятное впечатлѣніе. Онъ былъ въ большой мед-

вѣжьей шубѣ, на шеѣ и на груди имѣлъ всѣ ордена нашего полковника; на головѣ была у него высокая шапка съ привязаннымъ къ ней большимъ розоваго цвѣта платкомъ, развѣвавшимся по волѣ вѣтра. Злодѣй вышелъ изъ повозки и, какъ казалось, отдавалъ приказанія, которыхъ мы не могли слышать. Ратники съ почтительнымъ молчаніемъ стояли вытянувшись. Наконецъ нѣсколько человѣкъ закричали намъ:

— «Полковникъ приказываетъ вамъ теперь-же сойти или будетъ худо!»

Это удостовѣрило насъ, что въ пріѣхавшемъ чудовищѣ мы видѣли полковника, бунтовщиками изъ себя избраннаго.

Молчаніе наше было отвѣтомъ на ихъ приказаніе.

Тогда полковникъ-самозванецъ велѣлъ зажечь домъ. Множество ратниковъ побѣжало на гумна — и черезъ пять минутъ возвратились съ большими связками соломы, которую и сложили вокругъ дома.

Что оставалось намъ избрать: быть жертвою пламени, или предать себя въ волю злодѣевъ, которые могли медленными, жесточайшими мученіями лишить насъ жизни? Но человѣкъ никогда не перестаетъ надѣяться: надежда—его стихія. Мы видѣли, какъ дѣлались ужасающія приготовленія къ сожиганію насъ; воображали всепожирающій пламень—и надѣялись еще спасти себя отъ этой близкой погибели тѣмъ, чтобъ добровольно отдаться въ руки бунтовщиковъ.

По одинакому невольному побужденію устремились мы одинъ къ другому, и съ мертвымъ молчаніемъ обнимались—какъ будто въ послѣдній разъ. Въ эту торжественную минуту мы презирали смерть: жизнь не составляла для насъ никакого блага. Наконецъ, оставивъ полуразрушѐнную крѣпость, нѣсколько часовъ

насъ укрывавшую, мы начали по лѣстницѣ сходить внизъ.

Не помню, кто шелъ впереди; не видѣлъ, какимъ образомъ сошли всѣ мои товарищи: ибо предстоявшая опасность заставляла каждаго заботиться болѣе о себѣ; но, какъ ужасный сонъ, я вспоминаю теперь, что когда сошелъ я съ лѣстницы, то вбѣжалъ въ первую комнату, изъ которой находилось окошко на собственный дворъ одного помѣщика. Въ комнатѣ не было никого. Окошко—безъ стеколъ и безъ рамъ, которыя были выбиты,—представилось мнѣ удобнѣйшимъ путемъ. Я выпрыгнулъ изъ него и, перебѣжавъ дворъ, очутился у крыльца сосѣдняго дома. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, мужчинъ и женщинъ, стояли на крыльцѣ; двери въ домъ были затворены и заперты. Имянемъ Бога умолялъ я людей впустить меня въ домъ; но жестокіе— отказали мнѣ: «для того, какъ говорили они, чтобъ не подвергнуться мщенію бунтовщиковъ». Въ это время взошелъ на дворъ ратникъ, довольно уже омраченный виномъ; онъ, должно полагать, вслушался въ нашъ разговоръ и узналъ меня: ибо, подойдя ко мнѣ, началъ увѣрять, что можетъ проводить меня въ безопасное мѣсто. Нечаянное появленіе такого покровителя причинило мнѣ чрезвычайный испугъ; видъ его и состояніе, въ которомъ онъ находился, подавали мнѣ мало надежды имѣть въ немъ вѣрнаго защитника. Но, боясь оскорбить бунтовщика и надѣясь скорѣе избавиться его присутствія, я согласился на вызовъ его. Онъ повелъ меня за ворота и, показывая черезъ площадь къ солянымъ амбарамъ, велѣлъ бѣжать туда.

Едва только сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ, какъ этотъ вѣроломный закричалъ: «вотъ онъ! ловите его!»

Еслибъ изъ безоблачнаго неба молнія упала къ но-

гамъ моимъ, я менѣе бы испугался, нежели сихъ словъ, поразившихъ меня!

Обращаюсь на лѣво и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, вижу, въ кругу множества ратниковъ, несчастныхъ своихъ товарищей, которыхъ били съ необычайнымъ крикомъ и шумомъ. Конечно Ангелъ хранитель, невидимо парившій надо мною, внушилъ мнѣ мысль: я бросился какъ олень, преслѣдуемый охотниками, прямо въ толпу буйныхъ — и, мало по малу, замѣшался между ними. Притворившись нетрезвымъ, ходилъ косвенными шагами и кричалъ то же, что кричали они. Вѣроятно, это притворство, перемѣна платья и сумерки, равно ихъ состояніе внѣ разсудка, и наконецъ то, что въ это время ихъ вниманіе обращалось къ другимъ офицерамъ были причиною, что меня не узнали.

Толпа медленно двигалась впередъ и поровнялась съ моею квартирою. Ворота оной были отворены, и весь домъ почти былъ разрушенъ. Я шелъ близко отъ дома—и вдругъ пришло мнѣ на мысль скрыться въ немъ. Шатаясь дошелъ я до воротъ, потомъ — на дворъ; но тамъ не было ни одного надежнаго мѣста, гдѣ-бы можно было скрыться, а, между тѣмъ, страхъ не позволялъ мнѣ долѣе оставаться тутъ; я побѣжалъ на гумно и дальше.

Боясь оглянуться назадъ, бѣжалъ я по глубокимъ сугробамъ снѣга, въ которыхъ на каждомъ шагу тонулъ и падалъ. Предо мною, въ трехъ верстахъ отъ Инсара, на полугорѣ виднѣлась маленькая деревенька и возлѣ нея водяная мельница; за деревней возвышались горы, увѣнчанныя большимъ лѣсомъ *). Туда я

*) Инсаръ, — городокъ Пензенской губерніи, гдѣ происходила описываемая здѣсь драма — весьма не великъ, а именно версты двѣ въ длину и полторы въ ширину. Любопытно, что возникшій едва-ли не

направилъ шаги свои, и только что вышелъ на дорогу, какъ нагналъ меня крестьянинъ, ѣхавшій изъ города. Замѣтивъ, можетъ быть, мою усталость и чрезвычайное смятеніе, онъ сжалился и пригласилъ сѣсть къ нему въ сани. Я боялся всего и не довѣрялъ ничему; но, не колеблясь нисколько между страхомъ и надеждой, бросился къ нему въ сани — и мы поѣхали довольно скоро прямо къ мельницѣ. Въ продолженіе пути крестьянинъ, казалось, съ огорченіемъ говорилъ о происшествіяхъ того дня, бранилъ бунтовщиковъ, и увѣрялъ — что изъ жителей никто не участвовалъ въ возмущеніи, и что городъ отправилъ уже о томъ донесеніе въ Пензу.

Пріѣхавъ къ мельницѣ, я разстался съ добрымъ крестьяниномъ, поблагодаривъ его за поступокъ со мною; деревня была отъ меня только въ нѣсколькихъ шагахъ. Иду туда — и нахожу многихъ жителей, которые толпами стояли на улицѣ и, какъ должно думать, знали уже подробно о бунтѣ ратниковъ. Отъ деревни весь Инсаръ былъ видѣнъ какъ на ландкартѣ, и даже—мнѣ казалось—слышанъ былъ крикъ бунтующихъ.

— «Ради Бога, дайте мнѣ убѣжище» сказалъ я толпѣ крестьянъ умоляющимъ голосомъ: «позвольте на малое время укрыться у кого нибудь изъ васъ!»

въ концѣ только XVII столѣтія, Инсаръ былъ населенъ по волѣ Петра I — стрѣльцами. Рѣка Инсара дѣлитъ городокъ на двѣ части: верхняя — собственно городъ, гдѣ помѣщаются разныя казенныя зданія, крѣпость, церкви и проч., и нижняя — состоявшая въ описываемую эпоху изъ одной лишь слободки, населенной инвалидными солдатами. *Примѣч. издат.*

— «Убирайся отсюдова скорѣй, чтобъ и намъ не попасть съ тобой въ бѣду!» отвѣчали мнѣ безчеловѣчные.

Еще пробовалъ я самыми трогательными словами склонить ихъ къ состраданію, и, наконецъ, просилъ дать мнѣ хотя одну лошадь до перваго селенія, обѣщаясь щедро заплатить за то; но все было безъ успѣха. Они не хотѣли даже и отвѣчать мнѣ. Не имѣя болѣе надежды смягчить жестокосердыхъ, я хотѣлъ было идти на мельницу, чтобы тамъ выпросить себѣ спасеніе, но вдругъ отъ Инсары показалось нѣсколько человѣкъ верховыхъ, скакавшихъ по дорогѣ къ мельницѣ. Ужасъ обнялъ все существо мое, когда я вообразилъ, что меня преслѣдуютъ! Мнѣ казалось, что я вижу уже убійственныя орудія, занесенныя надъ моей головою, и что испытываю уже всѣ жесточайшія мученія, какія могли ожидать меня въ рукахъ бунтовщиковъ! Съ совершеннымъ отчаяніемъ въ душѣ побѣжалъ я по дорогѣ, извивавшейся вдоль лѣса; но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, повернулъ въ сторону прямо въ лѣсъ. До сихъ поръ не могу себѣ дать отчета — для чего я, оставивъ дорогу, предпринялъ столь невыгодный, опасный путь! Если для того, чтобъ избѣгнуть своихъ преслѣдователей, то надежда въ семъ случаѣ была самая неосновательная: ибо по глубокому снѣгу я не могъ бѣжать такъ скоро, какъ бы могъ — по гладкой, ровной дорогѣ; а обнаженный, хотя и частый лѣсъ, не доставлялъ безопаснаго убѣжища. «Но», сказалъ русскій военноплѣнный: «минуты, отъ коихъ зависитъ судьба человѣческая, рѣдко бываютъ тѣ, въ которыя совершенно владѣютъ они своимъ разсудкомъ».

Снѣгъ въ лѣсу былъ такъ глубокъ, что каждый шагъ стоилъ мнѣ неимовѣрныхъ усилій; морозъ, думаю, доходилъ до 25 градусовъ, и вьюга со всѣми

своими ужасами бушевала столь сильно, что занимала дыханіе. Я шелъ, безпрестанно борясь съ сугробами, и потъ градомъ катилъ съ лица моего; жажда меня мучила — я утолялъ ее, глотая снѣгъ. Мысль, что меня могутъ догнать по слѣдамъ, не позволяла останавливаться ни на одну минуту. Только тогда я почелъ себя безопаснымъ отъ преслѣдованія, когда ночь скрыла отъ глазъ моихъ всѣ предметы. Тутъ изнуренныя усталостію и страхомъ силы мои начали оставлять меня. Съ большимъ трудомъ переправился я чрезъ оврагъ, встрѣтившійся на пути, и, выбравъ одно дерево, сѣлъ на нижніе его сучья. Мало по малу волненіе чувствъ моихъ успокоилось. Весь рядъ ужасныхъ происшествій живо представился моему воображенію — и я не вѣрилъ, что миновалась опасность: казалось мнѣ, что слышу крики бунтующихъ, и что они недалеко отъ меня разъѣзжаютъ и перекликаются. Но, вслушиваясь внимательнѣе, я удостовѣрялся, что это былъ вѣтеръ, свистѣвшій по оврагу между обнаженныхъ деревьевъ.

Мѣсто отдохновенія моего, послѣ труднаго пути и послѣ всѣхъ ужасовъ, было для утомленныхъ членовъ моихъ — совершенною нѣгою. Оно казалось мнѣ столь пріятнымъ, какъ страннику, измѣрившему шагами знойную степь Африки, кажутся прохладными тѣни ароматныхъ рощей. За всѣмъ тѣмъ однакожъ, въ лѣсу, гдѣ я, подобно птицѣ, сидѣлъ на сучьяхъ, не зефиры вѣяли на меня бальзамическимъ воздухомъ, и не изумрудная зелень приглашала къ отдохновенію; но свирѣпствовала буря, которая заносила меня снѣгомъ и поражала слухъ пронзительнымъ воемъ и трескомъ сухихъ деревъ; въ немъ глубокіе сугробы снѣга не манили, но ужасали и казались отверстою могилою, въ которой я долженъ былъ погребстись; и потому

отдохновеніе мое не могло быть продолжительнымъ. Холодъ проникнулъ все существо мое: я спустился съ сучьевъ, чтобъ начать свое путешествіе. Но, прежде нежели отправился, долженъ былъ подумать: въ какую сторону направить шаги свои, ибо, не имѣя въ виду дороги и не зная мѣстоположенія, легко могъ или погибнуть въ глубокихъ снѣгахъ, или попасться опять въ гнѣздо злодѣевъ. Хотя и находился я въ сильномъ страхѣ, бѣжавъ отъ послѣдней деревни, — но, приводя на память направленіе своего бѣгства, могъ сообразить, что Инсаръ былъ у меня въ лѣвой рукѣ, не далѣе пяти верстъ, слѣдовательно, сторона моей родины должна была находиться отъ меня почти въ прямой чертѣ. Туда влекло меня сердечное желаніе! Я видѣлъ, какъ сквозь сонъ, или, справедливѣе сказать, видѣлъ какъ изъ того свѣта — любезныя душѣ мѣста своего дѣтства, — и, простирая къ нимъ оледенѣвшія руки, пошелъ въ ту сторону, то погружаясь въ пушистый снѣгъ, то выбиваясь изъ онаго.

Медленно, подобно тихоходу, подвигался я впередъ; быстро носилась вкругъ меня вьюга и кружила сухой снѣгъ, но я не чувствовалъ холода. Отъ сильнаго движенія моего, теплая кровь скорѣе обращалась въ жилахъ моихъ; обнаженныя руки горѣли какъ въ огнѣ — оттого, что, падая безпрестанно, я опирался ими на снѣгъ.

До сихъ поръ мнѣ не приходило еще на мысль, что, находясь въ большомъ лѣсу безъ оружія, могу сдѣлаться добычею голодныхъ волковъ, или что могу замерзнуть, выбившись изъ силъ: одна только опасность — попасться въ руки бунтовщиковъ — занимала все воображеніе мое. Но когда, прошедъ не болѣе одной версты, я употребилъ на то цѣлый часъ времени, — когда, почувствовавъ нужду въ отдохновеніи, и усмот-

рѣвъ кустарникъ, на вѣтвяхъ коего образовался снѣжный сводъ, я легъ подъ оный, — тогда весь ужасъ моего положенія живо представился мнѣ. Я видѣлъ, что силъ человѣческихъ мало для того, чтобы совершить путь, который предстоялъ мнѣ; думалъ, что жизнь моя окончится прежде, чѣмъ окончится ужасная ночь, и такія размышленія наполняли душу мою совершеннымъ отчаяніемъ. Скоро однакожъ физическія способности одержали верхъ надъ моральными: я начиналъ было такъ сладко, пріятно засыпать, какъ засыпаетъ счастливецъ на раскошной постели; но вдругъ, какъ будто кто шепнулъ мнѣ: «такъ засыпаютъ тѣ, которые дѣлаются жертвою мороза», — и я поспѣшно покинувъ снѣговую кровлю, пустился въ походъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, то шелъ я, то садился отдыхать подъ сугробами, стараясь всякій разъ находить такое мѣсто, которое могло хотя нѣсколько защитить меня отъ сильнаго вѣтра. Но никогда я не позволялъ себѣ предаваться сну, который при каждомъ отдыхѣ сильно клонилъ меня. Во все время этого путешествія не только не выходилъ я на дорогу, но даже не встрѣчалъ никакой тропинки: вездѣ былъ одинъ лѣсъ въ глазахъ, вездѣ одни большіе сугробы снѣга хрустѣли подъ ногами! Но зрѣніе мое часто обманывало меня: кустарники, занесенные снѣгомъ, казались мнѣ деревнями; а воображеніе находило въ нихъ даже и теплыя избы, и покойные господскіе дома, которые манили меня подъ кровъ свой. Въ этихъ случаяхъ я собиралъ всѣ силы и торопился достичь привѣтливаго жилища людей. Но всякій разъ, утомленный до крайности напряженіемъ силъ, наконецъ уже доползалъ до мечты своей. Горько было мнѣ обманываться — такъ горько, что я плакалъ неутѣшно!

Но, повторю еще: человѣкъ сколько бы ни обманывался, никогда не перестаетъ надѣяться! Несчастный, чувствующій тлѣтворное дыханіе смерти, теряющій уже всѣ способности, еще живетъ съ надеждою, еще оная, какъ благотворный лучь солнца, согрѣваетъ хладъ смертный!

Такимъ образомъ и я, сколько ни ошибался въ своихъ представленіяхъ, но вновь обманывался при первомъ случаѣ.

Вотъ наконецъ вдали вижу, что-то чернѣется высокое. Удвоиваю шаги свои, подхожу ближе, и усматриваю длинный рядъ крестьянскихъ домовъ; напрягаю зрѣніе и, кажется, различаю всѣ предметы. Сердце мое сильно забилось отъ радости. Я поспѣшаю впередъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, стремглавъ лечу внизъ вмѣстѣ съ огромной глыбою снѣга! Не знаю, сколько времени лежалъ я, оглушенный паденіемъ и весь почти засыпанный снѣгомъ, но, пришедши въ себя, съ большимъ усиліемъ выкарабкался изъ подъ него и узналъ, что нахожусь на гладкой поверхности льда неизвѣстной рѣки. Здѣсь я могъ хорошо разсмотрѣть, что упалъ съ утесистаго, очень высокаго берега, и что воображаемыя мною строенія были ни что иное, какъ противоположный высокій берегъ рѣки совершенно обнаженный. Поплакавъ довольно и простившись съ мечтою встрѣтить въ сей пустынѣ жилище людей, я вознесъ въ теплой молитвѣ благодареніе Творцу за безвредное свое паденіе, отъ котораго, въ противномъ случаѣ, легко могъ быть приведенъ въ такое состояніе, что былъ-бы принужденъ не только прекратить настоящее свое путешествіе, но и навсегда окончить земное поприще. Усердная молитва меня нѣсколько успокоила, но я чувствовалъ въ ней еще необходимость: ибо въ

крайнихъ опасностяхъ, когда нельзя ожидать никакой помощи, человѣкъ и самый невѣрующій обращается къ Богу, коего онъ оскорблялъ во дни своего благополучія; а я еще незадолго до сего времени, только-что вышелъ въ свѣтъ изъ рукъ матери — совершенной христіанки; еще въ памяти моей живо сохранялись и многія молитвы, и четьи-минеи: слѣдственно молитва моя тогда была чиста и искренна, какъ молитва кающейся Магдалины. Послѣ сего я опять началъ свое путешествіе. Ровная поверхность льда, на коемъ снѣгъ былъ не такъ глубокъ, представлялась мнѣ удобною дорогою. Нѣсколько времени я шелъ по ней довольно скоро, но наконецъ встрѣтилъ невозможность продолжать путь свой далѣе: ибо съ высокихъ береговъ рѣки вѣтеръ сдувалъ на нее снѣгъ съ такою силою, что облака онаго совершенно ослѣпляли и задушали меня. Къ тому же присоединялся еще страхъ, что не видя предметовъ, могу попасть или въ прорубь, или въ полынью, и все это заставило меня, хотя съ трудностію, выдти на берегъ.

Болѣе часа, полагаю я, продолжалось мое путешествіе по лѣсу, въ коемъ встрѣчались такія же точно препятствія, какія преодолѣвалъ я прежде.

Я долженъ былъ, борясь безпрерывно съ сугробами и усталостію, часто отдыхать. Наконецъ зашелъ въ такую чащу лѣса, что большаго труда мнѣ стоило пробираться сквозь почти сплетшихся древесныхъ вѣтвей. Такимъ образомъ, прошедъ не менѣе полуверсты, вдругъ наткнулся на плетень; но я не вѣрилъ болѣе глазамъ своимъ и ощупывалъ его руками; удостовѣрившись же въ существованіи плетня, пошелъ возлѣ него, и на другой сторонѣ увидѣлъ ворота, сарай и, нѣсколько далѣе, маленькую избушку.

Надобно быть въ моемъ бѣдственномъ положеніи: подобно мнѣ, въ жестокую Декабрьскую стужу, почти цѣлыя сутки находиться въ одномъ мундирѣ подъ открытымъ небомъ; блуждать по неизвѣстнымъ лѣсамъ въ самую ужасную бурю и мятель, которая каждую минуту угрожала прекращеніемъ жизни; надобно все это перенести, — чтобъ постигнуть ту небесную радость, съ какою увидѣлъ я признаки человѣческаго жилища. Подхожу къ воротамъ и прислушиваюсь..... вездѣ гробовая тишина; — разсматриваю всѣ строенія съ окрестностями и узнаю, что этотъ дворъ находится въ лѣсу только одинъ. Не видно было никакого слѣда ни отъ него, ни къ нему; казалось, что съ начала зимы нога человѣческая еще не ступала на сугробы, нанесенные въ воротахъ его. Радость моя поуменьшилась. Однакожъ я пробовалъ отворить ворота. Они противились моимъ усиліямъ — и я перелѣзъ на дворъ черезъ плетень. Не осмѣлившись вдругъ взойти въ избу, вошелъ подъ сарай. Тамъ увидѣлъ сложенными одинъ на другой — нѣсколько ульевъ: это доказывало мнѣ, что нахожусь на пчельникѣ. Я легъ возлѣ ульевъ, и все еще ожидалъ услышать что нибудь такое, что бы могло возвѣстить мнѣ о присутствіи живыхъ существъ; но не было ни шороха, ни движенія. Одинъ вѣтеръ нарушалъ тишину пустыни.

Горькая извѣстность, что это жилище необитаемо, вынудила у меня нѣсколько слезъ. Лежа подъ сараемъ, очень скоро почувствовалъ я дѣйствіе холода; ибо вѣтеръ еще сильнѣе проносился сквозь рѣдкой плетень и проницалъ меня на сквозь; со мною сдѣлалась жесточайшая лихорадочная дрожь. Я не могъ долѣе оставаться на одномъ мѣстѣ, но не могъ и идти такъ ско-

ро, чувствуя изнеможеніе всѣхъ силъ своихъ, а потому и рѣшился взойти въ избу.

Толкнувшись въ дверь и узнавъ, что она не заперта, я отворилъ ее и остановился на порогѣ. Изба была нетоплена и холодна, какъ ледникъ; внутри ея было такъ мрачно и темно, какъ въ могилѣ. Съ осторожностію отъ рожденія слѣпаго вошелъ я въ избу ощупывая все мнѣ встрѣчавшееся; но обойдя кругомъ, не нашелъ въ ней кромѣ печки, ничего такого на чемъ бы было можно пріютиться. И такъ, чтобы хотя нѣсколько подкрѣпить себя, долженъ былъ лечь на печку. Здѣсь хотя и было холодно, покрайнѣй мѣрѣ не проницалъ вѣтеръ, свирѣпствовавшій на дворѣ. Тогда, думаю, былъ часъ пятый по полуночи.

Окруженный глубокимъ мракомъ, я не имѣлъ ни одной порядочной мысли, въ головѣ моей вертѣлось все, какъ въ волшебномъ фонарѣ. Вдругъ пришли мнѣ на память разсказы дѣтскихъ лѣтъ и тѣ страшныя повѣсти, которыя читывалъ я въ этомъ счастливомъ возрастѣ. Домовые, вѣдьмы, волшебники и волшебницы, со всѣми своими штатами, явились моему воображенію и тянулись рядами мимо печки, на которой лежалъ я закрывши глаза. Но я не боялся, а желалъ ихъ присутствія; желалъ для того, чтобъ дѣдушка-домовой сказалъ: къ худу или добру нахожусь въ этомъ мѣстѣ; — чтобъ благодѣтельный волшебникъ или волшебница унесли меня на коврѣ-самолетѣ и чтобъ, наконецъ, злая вѣдьма обратила меня хотя въ сороку, но выручила бы изъ столь страшной пустыни. Еще все это представлялось моему разстроенному воображенію—и благотворный, но для меня пагубный сонъ перемѣнилъ картину моихъ мечтаній. Я видѣлъ себя въ домѣ родительскомъ посреди своего семейства; радо-

вался избавленію отъ опасностей и постигалъ всю цѣну жизни, которой едва было не лишился. Однакожъ эти сладкія мечты мѣшались съ чѣмъ-то непріятнымъ, тревожившимъ меня и во снѣ.

Я сказалъ выше, что этотъ сонъ былъ для меня пагубенъ—и вотъ доказательство. Проснувшись, почувствовалъ я, что пальцы у лѣвой руки моей были такъ тяжелы, какъ свинецъ и что ими не могу имѣть никакого движенія. Достовѣрно, что во время сна, когда кровь во мнѣ не могла скоро обращаться, они замерзли. Но какимъ образомъ и самъ я не сдѣлался жертвою стужи — отношу это къ чудесному промыслу вышняго.

Какъ описать это ужасное пробужденіе? Съ чѣмъ сравнить послѣдовавшее потомъ состояніе чувствъ моихъ?... Если бы преступникъ, коему объявленъ уже смертный приговоръ, могъ спокойно заснуть и видѣть во снѣ себя свободнымъ, получившимъ прощеніе — и вдругъ бы былъ пробужденъ рукою палача, готоваго вести его на эшафотъ: то какія бы чувства наполняли тогда его душу?... То чувствовалъ я, перенесясь изъ области пріятныхъ мечтаній въ ужасную существенность! Все прошедшее и настоящее видѣлъ я точно и вѣрно, а будущность еще болѣе устрашала меня.

Поспѣшно оставилъ я свое убѣжище. Въ рукѣ моей не ощущалъ никакой боли, кромѣ одной онѣмелости. Не знаю, сколько времени всего я пробылъ здѣсь; но когда вышелъ на дворъ, то вьюги уже не было и вѣтеръ прекратился; звѣзды ярко блистали въ голубомъ эѳирѣ, и высокій лѣсъ чернѣлся въ окрестностяхъ.

Я пошелъ опять по прежнему направленію и находилъ еще болѣе трудностей, ибо вьюга нанесла вездѣ огромные сугробы, а къ тому же, послѣ своего от-

дохновенія, я чувствовалъ боль въ ногахъ. Болѣе часа продолжалось мое путешествіе, но отдыхая безпрестанно, не прошелъ и одной версты. Наконецъ мракъ ночи мало по малу начиналъ исчезать и восточное небо зарумянилось. Я устремилъ впередъ свои взоры, и сквозь чащу лѣса увидѣлъ большую равнину съ группами мелкихъ кустарниковъ кой гдѣ разбросанными.

«Благодарю Тебя, Отецъ милосердія!» сказалъ я, ставъ на колѣна и обращаясь къ пурпуровому востоку: — «благодарю Тебя, что не погубилъ ничтожнаго своего творенія во мракѣ ночи, а сподобилъ его еще узрѣть величество восходящаго солнца!»

По немногу двигался я впередъ; частый лѣсъ остался за мною; я шелъ уже по равнинѣ, которая вдали ограничивалась цѣпью горъ. Вдругъ, съ лѣвой стороны, чуть-чуть коснулся до моего слуха лай собаки. Я остановился и приготовилъ все свое вниминіе, боясь обмануться. Но звуки лая стали слышнѣе — и я пошелъ на нихъ, удвоивая, съ крайнимъ усиліемъ, шаги свои. Чѣмъ далѣе подвигался впередъ, тѣмъ яснѣе слышалъ лай собакъ, который казался мнѣ столь пріятнымъ, какъ голосъ соловья. Наконецъ, прошедъ небольшой кустарникъ, глазамъ моимъ представилось довольно большое селеніе во всю длину его. Оно находилось отъ меня почти уже назади—разстояніемъ верстахъ въ двухъ.

Не буду говорить о чувствахъ моей радости: онѣ были такъ сильны, что языкъ смертныхъ недостаточенъ для выраженія ихъ. Тогда солнце только что начинало показываться на горизонтѣ; дымъ, выходившій изъ крестьянскихъ избъ, далеко разстилался по долинѣ. Я стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и пожиралъ взорами всѣ предметы, доказывающіе жилище людей отъ

которыхъ, незадолго до этого, я считалъ себя отторгнутымъ цѣлою вѣчностію; теперь простирая къ нимъ слабыя руки надѣялся опять быть въ ихъ сообществѣ. Эта утѣшительная мысль, сосредоточивъ всѣ силы мои, побудила меня спѣшить къ селенію. Но отъ этой-ли поспѣшности, или вообще отъ чрезмѣрнаго изнуренія,—не пройдя еще и половины пути, я не могъ идти дальше и упалъ на снѣгъ. Однакожъ видъ селенія ободрялъ меня—и какъ магнитъ влекъ къ себѣ. Шатаясь и падая на каждомъ шагу, пошелъ я отдохнувши. Оставалось уже не болѣе 100 саженъ до ближайшаго строенія — я совершенно лишился возможности идти далѣе. Вся бодрость моя изчезла — и отчаяніе заступило мѣсто ея. Сидя на снѣгу и не сводя глазъ съ цѣли своего желанія, я проливалъ горькія слезы, и старался встать, но безъ успѣха: изнуренныя труднымъ походомъ, ноги мои отказывались болѣе поддерживать меня. Съ полчаса протекло времени, пока я нѣсколько отдохнувъ, пришелъ въ состояніе подняться на нихъ. Но и тутъ, при каждомъ шагѣ, вновь падалъ, и наконецъ ползъ уже по хрупкому снѣгу, подобно человѣку лишенному употребленія способности ходить.

Такимъ образомъ преодолѣвъ величайшія трудности и избѣжавъ опасности мнѣ угрожавшія, добрался я до перваго строенія. То была водяная мельница, которая отстояла отъ селенія еще на полверсты. Я вошелъ пряму въ избу. Тамъ находилось нѣсколько человѣкъ Татаръ и Русскихъ, которые сидѣли вокругъ стола и завтракали. Мое нечаянное появленіе, какъ замѣтно было, встревожило ихъ—и они разсматривали меня съ головы до ногъ. Теплая изба казалась для меня совершеннымъ раемъ; а черствый хлѣбъ и квасъ,

которые находились на столѣ, были такъ привлекательны для голоднаго моего желудка, что я, безъ всякаго позволенія, принялся утолять прежде жажду, а потомъ голодъ, ибо должно вспомнить, что цѣлыя сутки я совершенно ничего не ѣлъ. Между тѣмъ спрашивалъ я о названіи этого селенія и о разстояніи онаго отъ Инсары.

Мнѣ сказали о томъ и о другомъ: селеніе было Мордовское и называлось Адашевомъ, а Инсаръ находился отъ него въ 17 верстахъ. Слѣдственно, блуждая безъ дороги по лѣсу, я могъ сдѣлать болѣе 25 верстъ.

Можетъ быть на мельницѣ сочли меня сначала за простаго ратника: ибо ко мнѣ были довольно снисходительны. Но когда я сталъ умолять и Русскихъ и Татаръ дать мнѣ лошадей, обѣщаясь заплатить столько, сколько они потребуютъ, — тогда ихъ тонъ перемѣнился.

— «Э! э!» заворчала старуха, которая принадлежала содержателю мельницы, инсарскому судьѣ и была здѣсь кухаркой: «Э! такъ я знаю—кто ты! но не уйдешь, никуда! Нѣтъ; это не Пугачево: тогда васъ не всѣхъ перевѣшали; а нынче ужъ не вывернетесь! нѣтъ, полно вамъ властвовать!»

Я во всѣ глаза смотрѣлъ на злую старуху—и съ ужасомъ внималъ словамъ ея, думая, что попалъ изъ огня въ полымя.

Между тѣмъ люди, сидѣвшіе за столомъ, окончили завтракъ и вышли изъ избы.

Я сидѣлъ на лавкѣ, а старая яга-баба продолжала говорить страшныя угрозы всѣмъ дворянамъ.

— «Ты бредишь, старуха!» сказалъ я наконецъ,

потерявъ терпѣніе: «дворяне всегда будутъ жить по прежнему; а ты попадешься въ бѣду съ своими разсказами».

Старуха выскочила изъ угла, и, чуть не выцарапавъ мнѣ глазъ, съ визгомъ закричала:

— «Ахъ, ты проклятой! да ты еще и стращаешь меня! такъ постой-же, мы съ тобой справимся: вотъ пріѣдетъ мой сынъ и отвезетъ тебя въ Инсаръ; тамъ для тебя будетъ лучше».

«Вы не смѣете этого сдѣлать», отвѣчалъ я.

— «Не смѣемъ? такъ вотъ я управлюсь съ тобой, по своему. Пошелъ вонъ отсюда, чтобъ и духу твоего здѣсь не было!»

Она взяла меня за руку и усиливалась тащить изъ избы.

«Подожди старушка!» возразилъ я: «мнѣ надобно немного поотогрѣться и я не пойду такъ скоро».

Тутъ, вырвавъ у нея свою руку, я вспрыгнулъ на печку и легъ на ней, думая про себя: пусть что ни случится со мною, но добровольно не оставлю своего мѣста.

Старуха удалилась опять въ свой уголъ, и ни на одну секунду не переставала объявлять своего гоненія на дворянъ. Еще продолжалось ея ворчанье, а я утомленный усталостію и, такъ сказать насквозь проникнутый холодомъ, нѣжился на теплой печкѣ, какъ султанъ на парчевомъ диванѣ. Ни ворчанье старухи, ни страхъ ожидаемаго несчастія не могли удалить отъ меня сладкаго сна; онъ тихо слетѣлъ ко мнѣ и принялъ меня въ свои объятія.

Но я не долго находился въ пріятныхъ мечтаніяхъ его: жестокая боль руки скоро заставила меня проснуться. Теплый воздухъ имѣлъ на нее такое вліяніе,

что въ продолженіе сна она распухла — и обмороженные пальцы почернѣли. Злая старуха все еще сидѣла въ своемъ углу и уже молчала; но когда я, оставивъ печку, занялъ мѣсто на лавкѣ, она опять начала осыпать меня ругательствами и угрозами. Ко всему можно привыкнуть, говорятъ умные люди — и говорятъ очень справедливо. На этотъ разъ какъ ни несносна была безпрестанная брань глупой старухи, но она не только что болѣе не пугала меня, но даже не приводила въ досаду. Къ тому же усиливавшаяся боль въ рукѣ гораздо существеннѣе занимала меня. Я лежалъ на лавкѣ, не въ состояніи почти ни о чемъ думать.

Въ избу вошло нѣсколько человѣкъ крестьянъ, вѣроятно пріѣхавшихъ на мельницу молоть хлѣбъ; крестьяне, сказавъ старухѣ «здравствуй!» разсѣлись по лавкамъ. Тогда у нихъ начался разговоръ о томъ и о другомъ, наконецъ и о бунтѣ ратниковъ.

При этомъ, интересномъ для меня разговорѣ, я приготовилъ весь слухъ свой.

Крестьяне спрашивали у старухи — не знаетъ ли она чѣмъ кончилась въ Инсарѣ потѣха, и что будетъ впередъ?

—«Какъ мнѣ не знать?!» отвѣчала старуха: «тамъ, я думаю, теперь ни одного господина не осталось уже на бѣломъ свѣтѣ: такая и дорога имъ! Пошли Богъ того же и нашему барину!... Но говорятъ, что ихъ много разбѣжалось; однакожъ не уйдутъ, проклятые»!

«Куда имъ и уйдти?!» сказали, въ одинъ голосъ, крестьяне слушавшіе злую разскащицу.

—«Вотъ видите ли вы» продолжала она: «государь велѣлъ однимъ дворянамъ идти подъ Француза; но не тутъ то было: наши дворяне вздумали послать за себя проливать кровь своихъ крестьянъ, а сами хотѣли

остаться дома; государь узналъ объ этомъ и прогнѣвался на нихъ».

«Да какъ и не прогнѣваться!» сказали крестьяне.

—«А прогнѣвавшись», начала опять старуха: «велѣлъ ихъ всѣхъ перевѣшать. Сынъ мой вчерась былъ въ городѣ, своими глазами видѣлъ о томъ царскій указъ съ золотою печатью, и слышалъ, что такіе указы разосланы и вездѣ».

«Да! да!» повторили крестьяне: «мы слышали и сами объ этихъ указахъ; но къ намъ они еще не дошли».

—«Такъ скоро дойдутъ» прибавила старуха: «и тогда смотрите, не пропускайте ни одного дворянина — ни малаго, ни большаго: ловите ихъ и отсылайте въ Инсаръ. Вотъ ужъ у меня одинъ и готовъ».

Тутъ злая старуха изсохшею рукою показала на мѣсто, гдѣ я лежалъ, и глаза слушателей страшно искосились на меня.

«Кто это такой?» спросили они.

—«Бѣглый дворянчикъ изъ Инсары» отвѣчала старуха: «онъ недавно пришелъ сюда—и теперь я дожидаюсь только своего сына; а когда онъ пріѣдетъ, то отвезетъ его въ Инсару».

«А ежели сынъ твой не скоро возворотится, то можно будетъ дворянчика отдать ратникамъ; они вѣдь, какъ слышно, скоро сюда будутъ».

Пусть представятъ себѣ весь ужасъ моего положенія! пусть, кто можетъ, вообразитъ мой страхъ, мое смятеніе, умножавшіеся при каждомъ словѣ злой старухи и глупыхъ крестьянъ! Разсудокъ мой помрачался; сердце обливалось кровью и билось такъ сильно, что хотѣло вырваться изъ груди моей. Никакой надежды, никакого утѣшенія не представлялось мнѣ въ моемъ

злополучіи! Я начиналъ даже сожалѣть, что оставилъ въ Инсарѣ своихъ товарищей. Лучше бы было скорѣе умереть — думалъ я — нежели жить въ страданіяхъ, ожидая каждую минуту вѣрной смерти. Разсказы старухи и отвѣтъ крестьянъ ясно давали мнѣ чувствовать, что возмущеніе ратниковъ можетъ имѣть слѣдствія самыя бѣдственныя. Кто остановитъ, кто отвратитъ оныя въ такихъ обстоятельствахъ, когда силы всѣхъ устремлены противъ внѣшнихъ враговъ отечества нашего?... Но, положимъ, что умоляющій голосъ несчастныхъ жертвъ возмущенія и скоро достигнетъ до слуха защитниковъ спокойствія, то прежде, нежели они поспѣютъ къ избавленію, этотъ голосъ, вмѣстѣ съ жизнію несчастныхъ, уже прекратится рукою бунтующихъ мятежниковъ.

Такъ думалъ я, внимая ужаснымъ разговорамъ, своихъ собесѣдниковъ, — и, устремивъ неподвижный взоръ на святые образа, передо мною стоявшіе, поручалъ Богу свою душу! Еще въ ушахъ моихъ отзывались послѣднія слова крестьянъ, что ратники скоро сюда будутъ, еще продолжались о томъ разговоры со старухою: какъ въ избу отворилась дверь—и—вошелъ ратникъ!...

«Господи! прости согрѣшенія мои и пріими духъ мой!» прошепталъ я и закрылъ глаза, чтобы не видѣть занесенной надъ собою убійственной руки злодѣя!

—«Кто здѣсь изъ Инсары?» спрашивалъ ратникъ басистымъ голосомъ, приведшимъ всѣ члены мои въ такое оцѣпенѣніе, что я насилу могъ перекреститься.

«Какой нибудь дворянчикъ» отвѣчала старуха ласково смотря на ратника: «вонъ лежитъ онъ на лавкѣ».

—«Здравія желаю!» сказалъ ратникъ, обращаясь ко мнѣ: «Петръ Андреевичъ Семеновъ прислалъ къ ва-

шему благородію узнать: кто вы?... и просить къ нему».

«Не обольщающій ли голосъ сирены доходитъ до моего слуха? Не мечта ли обманываетъ чувства мои?» спросилъ я самого себя и, собравъ силы, взглянулъ на ратника, и спросилъ его:

«Гдѣ Петръ Андреевичъ, и какъ онъ узналъ обо мнѣ?»

—«Петръ Андреевичъ» отвѣчалъ ратникъ: «здѣсь въ селеніи. Ему кто-то сказалъ, что на мельницѣ есть офицеръ; а потому онъ и прислалъ меня узнать объ васъ».

«А ты кто?» спросилъ я у ратника.

—«Я — деньщикъ его».

«Кланяйся Петру Андреевичу» сказалъ я наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія: и проси его самого хотя на одну минуту пріѣхать ко мнѣ; еслижъ онъ не можетъ этого сдѣлать, то, по крайней мѣрѣ, пусть напишетъ записку и пришлетъ за мною лошадь: пѣшкомъ я не въ силахъ идти къ нему».

Ратникъ вышелъ. А я началъ разсуждать о своемъ положеніи. Вѣроятно — думалъ я — этотъ ратникъ обманываетъ меня: онъ приходилъ ко мнѣ совсѣмъ не отъ Семенова, а отъ своихъ товарищей бунтовщиковъ, которые отъ кого нибудь узнали о моемъ мѣстопребываніи; а еслибъ точно Семеновъ узналъ обо мнѣ, то онъ, какъ офицеръ одного полка и какъ человѣкъ, находящійся со мною въ одинакихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, конечно бы поспѣшилъ самъ пріѣхать ко мнѣ. Но для чего же ратнику нужно было выдумывать такую басню, когда онъ могъ и безъ того взять меня и отвесть къ своимъ товарищамъ, а въ случаѣ сопротивленія, могъ даже и лишить жизни? Развѣ потому, что онъ имѣлъ повелѣніе напередъ только удостовѣриться обо мнѣ?

Такія размышленія занимали меня въ то время— и могъ ли я иначе думать? Могъ ли предполагать такой счастливый случай, чтобы встрѣтиться съ офицеромъ своего полка, тогда, когда я ежеминутно видѣлъ только одну смерть передъ глазами? Слѣдовательно, какимъ образомъ можно было вѣрить словамъ ратника?

Колеблемый этими страшными думами, я не зналъ на что рѣшиться: ожидать ли здѣсь спокойно прихода бунтовщиковъ или бѣжать, чтобъ скрыться отъ нихъ? Наконецъ я рѣшился было на послѣднее. Всталъ съ лавки и хотѣлъ идти изъ избы; но сдѣлавъ одинъ шагъ, зашатался и упалъ опять на лавку; силы мои такъ ослабѣли, рука такъ жестоко болѣла, что не оставалось никакой возможности уйдти отъ преслѣдованія.

Глубокая горесть моя не тронула старой фуріи: она смотрѣла на меня съ злобнымъ равнодушіемъ и произносила ругательства на весь дворянскій родъ. Я занялъ прежнее мѣсто на лавкѣ и находился въ положеніи близкомъ къ смерти. Мысленно прощался со всѣмъ, что привязывало меня къ жизни, и просилъ Бога о скорѣйшемъ прекращеніи ея-такъ усердно, какъ умоляютъ его нѣжный супругъ о сохраненіи здоровья своей милой подруги.

Наконецъ, чрезъ полчаса времени, тотъ же ратникъ опять явился и подалъ мнѣ письмо. Трепещущею рукою я взялъ у него письмо и, развернувъ, началъ читать. Но когда я увидѣлъ, что оно было писано не ко мнѣ, а къ г. Семенову отъ жены его, то сомнѣнія мои еще болѣе умножились. Я видѣлъ уже очень ясно, что ратникъ старается вѣроломно обмануть меня. Но, не показывая своего страха, я старался, сколь можно было, сохранять присутствіе духа, — и, голосомъ довольно твердымъ, сказалъ ратнику, что это

письмо не принадлежитъ мнѣ, и просилъ у него записки отъ Семенова. Ратникъ отвѣчалъ мнѣ, что Семеновъ далъ письмо для одного удостовѣренія меня о его пребываніи здѣсь, что самому ему писать некогда, и что онъ прислалъ за мною лошадь.

— «Я не могу ѣхать», сказалъ я ратнику: «я слишкомъ ослабѣлъ и не имѣю силъ двинуться съ мѣста».

— «Поѣдемте, ваше благородіе» возразилъ онъ: «я перенесу васъ въ сани. Петръ Андреевичъ велѣлъ мнѣ просить васъ приѣхать къ нему какъ можно скорѣе, потому что онъ самъ спѣшитъ отправиться отсюда».

— «Поѣзжай и проси его пріѣхать за мной» отвѣчалъ я.

Но ратникъ увѣрялъ, что сего нельзя сдѣлать, ибо пройдетъ много времени, и убѣждалъ согласиться ѣхать съ нимъ. Но я все еще медлилъ дать свое согласіе. Тогда ратникъ сталъ на колѣни и, ради Бога, просилъ скорѣе ѣхать. Тутъ старуха, которая вѣроятно считала ратника за настоящаго бунтовщика, стремительно вскочила съ своего мѣста, гдѣ она въ продолженіе нашего разговора тихо ворчала, — и, задыхаясь отъ злости, закричала ратнику:

— «Бей его до смерти! Что ты еще упрашиваешь проклятаго!»

Ратникъ оттолкнулъ злую старуху до самаго угла, въ которомъ она, подобно жабѣ, всегда гнѣздилась, и — велѣлъ ей молчать. Между тѣмъ онъ не переставалъ убѣждать меня скорѣе отправиться.

Что оставалось мнѣ дѣлать?

Здѣсь злоба обвѣтшалой отъ времени женщины дошла уже до послѣдней степени и угрожала излиться на меня со всею силою; а тамъ — что ожидало меня,

еще неизвѣстно, и можетъ быть спасеніе: и такъ рѣшительное: «я ѣду»—вылетѣло изъ устъ моихъ. Ратникъ въ одинъ мигъ взялъ меня на свои руки и вынесъ въ сани, которыя стояли у крыльца.

Мы поѣхали; я слышалъ, какъ вслѣдъ за нами сильно хлопнула дверь, и злая старуха, выбѣжавъ на крыльцо, кричала и бранила меня.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы пріѣхали въ селеніе. Въ срединѣ улицы, у воротъ крестьянскаго двора, находилось до 500 человѣкъ крестьянъ. Здѣсь остановились мы.

«Вотъ — думалъ я, осматривая толпу съ робкимъ любопытствомъ — вотъ здѣсь-то окончится жизнь моя, или начнутся мученія, которыя гороздо страшнѣе и самой смерти!»

Проводникъ мой сошелъ съ саней и, расталкивая толпу, велъ лошадь, — и такимъ образомъ въѣхалъ я на дворъ и остановился у крыльца.

Еще я сбирался выйдти изъ саней, какъ увидѣлъ на врыльцѣ г. Семенова. Я вскрикнулъ отъ радости и хотѣлъ говорить, но слова замерли на губахъ моихъ; сердце мое было полно какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ восторга. Семеновъ казался мнѣ не простымъ смертнымъ, но существомъ вѣчной радости, жителемъ неба! Онъ подбѣжалъ ко мнѣ, и, съ помощію ратника, ввелъ въ избу. Тамъ, чрезъ нѣсколько времени я начиналъ приходить въ себя, и благотворныя слезы сняли свинцовую тяжесть съ груди моей.

— «Какъ ты спасся? гдѣ былъ, и что перенесъ?»— были вопросы, которые мы дѣлали другъ другу. Въ короткихъ словахъ я разсказалъ Семенову, что случилось со мною: но обо всемъ, что онъ разсказывалъ о себѣ, мы намѣрены говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь будемъ продолжать по порядку.

Тутъ же съ Семеновымъ былъ волостной голова, татаринъ, котораго я имѣлъ случай еще прежде видѣть въ Инсарѣ. Онъ былъ довольно благоразумный человѣкъ, имѣлъ хорошее состояніе и былъ принимаемъ въ благородныхъ обществахъ. Онъ имѣлъ приказаніе отъ земской полиціи — принять самыя строгія мѣры къ недопущенію бунтовщиковъ имѣть сообщеніе съ жителями по селеніямъ. Для этого-то и многочисленная толпа крестьянъ, которую я видѣлъ на улицѣ, была собрана головою. Этотъ магометанинъ былъ добрый человѣкъ, довольно умный и съ хорошимъ достаткомъ. Окончивъ здѣсь нужныя распоряженія свои, онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, который находился въ другой деревнѣ, не, болѣе какъ въ трехъ верстахъ.

Три опрятныя комнаты татарина приняли насъ подъ кровъ свой; а хозяинъ съ радушіемъ старался доставить намъ все спокойствіе и угостить хлѣбомъ-солью. Въ минуту закипѣлъ самаваръ и ароматный чай пріятно согрѣлъ насъ. Я чувствовалъ сладкую нѣгу въ своихъ членахъ, душа моя была полна чистой радости и удовольствія. Но здѣсь однакоже мы не считали себя совсѣмъ безопасными, а желали ѣхать далѣе. Хозяинъ нашъ тотчасъ велѣлъ приготовить для насъ лошадей. И когда мы были готовы ѣхать, привели къ нему одного ратника, задержаннаго жителями въ деревнѣ. Я узналъ въ немъ одного изъ бунтовщиковъ, и хотя онъ увѣрялъ, что не былъ въ числѣ ихъ, а что напротивъ отклонялъ и прочихъ отъ возмущенія, и наконецъ тихонько скрылся изъ Инсары, чтобы донести о происшествіи начальству,—но достаточно было одного моего слова, чтобъ увѣрить Голову въ ложномъ показаніи ратника. Его взяли подъ караулъ и заковали.

Снабженный великодушнымъ татариномъ на дорогу теплымъ платьемъ, въ которомъ я имѣлъ крайній недостатокъ, и принеся ему живѣйшую благодарность, за все добро для меня имъ оказанное, я поѣхалъ съ Семеновымъ по тракту въ Наровчатъ.

Часа за два до разсвѣта мы пріѣхали въ этотъ городъ. А по утру часу въ седьмомъ, я былъ уже въ домѣ родительскомъ.

Какъ бы желалъ я теперь представить вѣрную картину моего вступленія туда. Но могу ли описать тѣ взаимные восторги радости, которые выше всякаго выраженія?... Могу ли изъяснить тѣ чувства, которыя неизъяснимы ни на какомъ языкѣ? Нѣтъ! перо мое слабо изобразить и тѣнь всего, что я чувствовалъ увидѣвши родныхъ моихъ. Мнѣ казалось, что я былъ уже въ могилѣ, но освободившись изъ челюстей смерти чудеснымь образомъ, явился опять посреди родныхъ своихъ; все настоящее казалось пріятнымъ сновидѣніемъ и долго не вѣрилъ я своему существованію.

Мало по малу успоиоилось волненіе, меня колебавшее; я получилъ способность мыслить и говорить.

Родные мои уже знали о происшедшемъ въ Инсарѣ, и трепетали за жизнь мою. Я сообщилъ имъ что случилось со мною,—и всѣ мы въ теплой молитвѣ возблагодарили Провидѣніе, чрезъ тысячу опасностей благополучно меня проведшее къ желаемой пристани!

Обмороженные пальцы мои страдали—и къ вечеру я лишился трехъ ногтей, которые отпали съ чрезвычайною болью. Я полагалъ непремѣннымъ, что простуда, сильное изнуреніе силъ моихъ и потрясенія душевныя навлекутъ на меня жестокую болѣзнь, но благость Вышняго предохранила меня и отъ этого несчастія. Въ послѣдующую ночь я чувствовалъ только

небольшой жаръ и не имѣлъ спокойнаго сна, который безпрестанно прерывался ужасными мечтаніями минувшихъ событій; но на другой день здоровье мое возстановилось совершенно, выключая одной руки, леченіемъ которой я тотчасъ и занялся.

Такимъ образомъ, испытавъ столько ужасовъ, и перенеся множество различныхъ бѣдствій, которыя на одну лишь черту раздѣляли меня отъ вѣчности,—наконецъ я находился подъ кровомъ родительскаго дома. Молва о бунтѣ ратниковъ носилась здѣсь съ большими прибавленіями: ожидали, что возмущеніе распространится и будетъ имѣть гибельныя послѣдствія; но чрезъ два дни, бывши въ Наровчатѣ, я увидѣлся съ нѣкоторыми офицерами своего полка, пріѣхавшими изъ Инсары. Они увѣряли меня, что бунтъ совершенно кончился, и что въ Инсаръ для усмиренія бунтующихъ изъ близкихъ мѣстъ отправлены на почтовыхъ отряды войскъ.

Прошелъ еще одинъ день; мой человѣкъ, котораго я послалъ въ Инсаръ для развѣдыванія о послѣдствіяхъ бунта и для отысканія остававшихся вещей, возвратился назадъ. По его словамъ въ Инсарѣ все было уже тихо и генералъ Ки—овъ съ отрядомъ войскъ былъ уже тамъ. Наконецъ въ тотъ же день увидѣлся со мною нашъ офицеръ М....., и приглашалъ меня ѣхать съ нимъ въ Инсаръ, утверждая, что болѣе нечего опасаться, и что всѣ офицеры, скрывавшіеся отъ бунтовщиковъ, уже возвратились туда. Я видѣлъ необходимость отправиться въ Инсаръ и поѣхалъ съ М....

Подъѣзжая къ мѣстамъ, въ коихъ за четыре дни до сего, я видѣлъ неизбѣжную смерть, не могъ не содрогнуться и не пролить нѣсколькихъ слезъ, исторгнутыхъ чувствомъ благодаренія къ Творцу моему.

Пріѣхавъ наконецъ въ Инсаръ, я былъ пораженъ видомъ полуразрушенныхъ домовъ; повсюду находились слѣды возмущенія безразсудныхъ людей; но вездѣ была такая глубокая тишина, что городъ казался необитаемъ. Квартира моя также представляла одни руины: все, что было въ ней принадлежащаго мнѣ— всѣ приготовленныя къ походу вещи и запасъ — пропали. Одна только лошадь возвратилась на квартиру, вѣроятно потому, что похитители отпустили ее тогда, какъ уже не могли воспользоваться ею.

Мы заѣхали къ одному знакомому, у котораго домъ, по счастію, остался не разграбленнымъ. Надобно было тотчасъ явиться къ генералу; но на мнѣ былъ простой фракъ—и потому я пошелъ прежде въ бывшую квартиру полковника, надѣясь отыскать тамъ мундиръ и эполеты, мною оставленные. Но тамъ не осталось камня на камнѣ—и я возвратившись ни съ чѣмъ, долженъ былъ ограничиться тѣмъ платьемъ, которое находилось на мнѣ, и явился къ генералу. У него нашелъ я своего полковника — всего израненнаго и едва только живаго, и многихъ другихъ офицеровъ, болѣе или менѣе, также изувѣченныхъ.

Но чтобы наблюсти совершенный порядокъ въ описаніи, необходимо нужно теперь обратиться ко времени начала бунта и объяснить весь ходъ происшествія вообще и его частныхъ подробностей.

Слѣдуетъ привести на память, что написанное мною, по приказанію полковника, донесеніе къ генералу, для доставленія по принадлежности было вручено офицеру Юматову. Поспѣшая исполнить порученіе, онъ летѣлъ уже на тройкѣ почтовыхъ, какъ, при самомъ выѣздѣ изъ города, былъ остановленъ ратниками, окружавшими тогда весь городъ. Они вытащили Юматова изъ

саней, сняли съ него платье, изорвали конвертъ, заключавшій въ себѣ наше спасеніе, а наконецъ и самаго курьера отвели въ острогъ. Тамъ, разогнавъ напередъ инвалидную стражу, охранявшую острогъ, и предоставя арестантамъ свободу бѣжать изъ него, ратники поставили свой караулъ. Такимъ образомъ Юматовъ былъ первою жертвою бунтовщиковъ!..... *).

Когда же были сдѣланы распоряженія на счетъ защищенія квартиры полковника отъ нападенія ратниковъ, стоявшихъ въ колоннѣ на площади, — тогда полковникъ отправился въ домъ помѣщика Головизнина; (для чего? — знаетъ только онъ).

Находясь въ этомъ домѣ и видя, что возмущеніе усиливается, полковникъ искалъ средствъ скрыться; его заключили въ подвалѣ, подъ домомъ; тамъ накрыли его разными платьями, постелями и все сдѣлали такимъ образомъ, чтобы и малѣйшій признакъ не могъ открыть его присутствія.

Возмущеніе вспыхнуло — и ратники, прежде всего, устремились въ тѣ дома, въ которыхъ квартировали офицеры. Все чтò было тамъ изъ вещей офицерскихъ, все чтò принадлежало самимъ хозяевамъ — бунтовщики расхитили, ниспровергли. Если находили офицеровъ, тиранили ихъ побоями и отводили въ тюрьму. Наконецъ не щадили и прочихъ домовъ мирныхъ гражданъ: врывались въ нихъ съ звѣрскимъ ожесточеніемъ, грабили и, вынуждая у хозяевъ деньги, били ихъ самихъ; потомъ стремились въ питейные домà, съ жадностью предавались пьянству, и, отворяя кабаки, предоставляли каждому свободный входъ и право пить вино безъ всякой платы.

---

*) Здѣсь въ нашей рукописи недостаетъ одного или двухъ листиковъ. *Примѣч. издат.*

Такимъ образомъ, переходя отъ одного злодѣянія къ другому, мятежники разносили по всему городу страхъ и ужасъ. Но и посреди этихъ преступныхъ своихъ дѣяній, и въ самомъ изступленіи ума отъ дѣйствія горячихъ напитковъ, ратники не упустили изъ вида главной своей цѣли: отысканія всѣхъ офицеровъ,— и лишь только услышали о мѣстопребываніи полковника, то вторгнулись въ домъ Головизнина, въ мигъ тамъ превратили все въ развалины и нашли полковника.

Мы не будемъ повторять, съ какою жестокостью влекли его бунтовщики: мы уже говорили о томъ прежде; но прибавимъ только то, что они бросили полковника, почти полумертваго, въ тюрьму, и, удвоивъ караулъ, выбрали потомъ своего полковника, — который надѣвъ на себя похищенные ордена, какъ будто наслѣдственные знаки командирства, вступилъ во всѣ права начальника бунтовщиковъ.

Мы говорили также и о несчастномъ маіорѣ, который добровольно отдался ратникамъ: онъ имѣлъ одну участь съ полковникомъ.

Послѣ того, какъ приготовленія мятежниковъ сжечь домъ, въ которомъ мы защищались, принудили насъ сойти внизъ, — ратники съ звѣрскою лютостію бросились на трепещущихъ моихъ товарищей, били ихъ пиками, разтерзали на нихъ платье и потащили въ тюрьму. Но каждый ихъ шагъ туда былъ ознаменованъ жестокостью бунтовщиковъ и страданіемъ невинныхъ: ибо всякую минуту ратники были готовы поднять офицеровъ на пики, и не одинъ разъ даже спорили между собою о преимуществѣ, кому изъ нихъ выполнить это варварское намѣреніе.

Въ продолженіе этихъ споровъ, толпа ратниковъ то увеличивалась вновь приходившими мятежниками,

то уменьшалась отбытіемъ другихъ для грабежа и пьянства. Наконецъ тѣ изъ нихъ, которые были нѣсколько потрезвѣе, замѣтивъ, что безпорядокъ, крикъ и споръ только лишь мѣшаютъ имъ продолжать путь,— начали уговаривать прочихъ предоставить имъ однимъ конвоировать офицеровъ. Всѣ согласились и разошлись въ разныя стороны. Осталось не болѣе ста человѣкъ, которые, раздѣливъ между собою число жертвъ своихъ, отвели ихъ въ тюрьму. Въ томъ числѣ находились и судья со стряпчимъ.

Но между тѣмъ изъ этихъ несчастливцевъ нѣкто молодой офицеръ Ф.... человѣкъ отличныхъ свойствъ и съ хорошими способностями, лучшій товарищъ мой по службѣ, — доставшись по раздѣлу на руки четыремъ бунтовщикамъ, шелъ съ ними въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главной толпы. Проводники Ф . . . . были уже довольно въ нетрезвомъ состояніи; двое изъ нихъ шли назади и двое впереди его, имѣвъ въ рукахъ своихъ пики. Ф.... былъ веселаго характера, имѣлъ пріятный голосъ и любилъ пѣніе. Въ эти минуты горести и отчаянія, конечно машинально, онъ запѣлъ какую-то скорую простонародную пѣсню: вдругъ пара переднихъ конвойныхъ начала плясать, ни мало не останавливая своего шествія.

Ф.... кончилъ пѣніе.

— «Ну-ка еще!» сказали ратники.

Тотъ повиновался—и другая пара запрыгала. Такимъ образомъ, по очереди, то тѣ, то другіе безпрестанно плясали. И вотъ, поравнявшись съ питейнымъ домомъ, пригласили Ф.... выпить.

— «Ну, братъ, ты славно насъ распотѣшилъ» говорили ратники ему: «пойдемъ же теперь выпьемъ!»

Входятъ въ питейный домъ, и, продираясь сквозь

толпу ратниковъ, производившихъ безпорядочный крикъ и шумъ, проводники Ф.... требуютъ вина. Но въ такомъ ужасномъ смятеніи и многолюдствѣ, они не могли скоро удовлетворить своего желанія. Между тѣмъ Ф.... стоялъ въ питейномъ домѣ безъ всякаго надзора и видѣлъ благопріятный случай къ своему спасенію. Пользуясь шумомъ пирующихъ и темнотою ночи, онъ, непримѣтнымъ образомъ, вышелъ изъ питейнаго дома, и былъ далеко уже тогда, какъ веселые проводники его узнали, что они обмануты!

Ф.... имѣлъ въ Инсарѣ родственниковъ; ему извѣстны были не только улицы города, но и всѣ дома;— и потому скрывшись на первый разъ у одного своего родственника, Ф.... съ разсвѣтомъ дня нашелъ средство уѣхать изъ города.

Вся слѣдующая ночь прошла въ безпрерывныхъ грабежахъ и буйствахъ. Жители города (я разумѣю дворянство, разночинцевъ и купечество) или бѣжали изъ города, оставляя имущества свои на расхищеніе, или скрывались у себя въ домахъ. По всему городу разносился страшный голосъ мятежниковъ; въ отвратительныхъ видахъ, съ ужаснымъ шумомъ ходили они толпами изъ дома въ домъ, и отыскивали вездѣ офицеровъ, которые имѣли счастіе избѣгнуть ихъ злобы.

Но число офицеровъ, имѣвшихъ возможность спасти себя, простиралось не болѣе какъ до десяти человѣкъ. Сверхъ того одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, бывшихъ съ нами въ мезонинѣ, нашелъ способъ уйдти изъ Инсары, и отправился въ Пензу съ донесеніемъ начальству. Нѣкоторые офицеры скрылись въ безопасныя мѣста при самомъ началѣ бунта, другіе—въ продолженіе его, и нѣкоторые уже ночью. Они имѣли къ своему спасенію разные случаи: вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Два офицера квартировали въ одномъ домѣ. Когда начался бунтъ, они были въ своей квартирѣ и скрылись въ большомъ количествѣ сѣна, сложенномъ въ сараѣ. Мятежники нѣсколько разъ вторгались туда съ страшнымъ крикомъ и втыкали въ сѣно острыя пики: но, по счастію, не причинили офицерамъ никакого вреда. Наконецъ, наступившая ночь способствовала этимъ офицерамъ оставить свое убѣжище. Тотчасъ были запряжены лошади — и вооруженные ружьями и саблями офицеры поскакали изъ города. При выѣздѣ изъ него, на заставѣ, встрѣтили они нѣсколько ратниковъ, которые хотѣли ихъ остановить; но выстрѣлъ изъ ружья и ударъ саблею очистили путь къ спасенію.

Одинъ офицеръ, скрывшійся изъ квартиры полковника въ то самое время, когда полкъ стоялъ на площади, пришелъ въ свою квартиру — и, при началѣ возмущенія, пробрался на дворъ одного крестьянина и спрятался въ банѣ. Тамъ пробылъ онъ до самаго окончанія бунта, имѣвъ во все время безмолвнымъ своимъ товарищемъ — одного теленка, который мирно раздѣлялъ съ нимъ тѣсное убѣжище. Изрѣдка только великодушная хозяйка приходила навѣщать ихъ, давала обоимъ имъ потребную пищу и утѣшала не прошеннаго гостя невѣрными надеждами на усмиреніе бунта. Эта женщина знала уже, кто скрывается у нее въ банѣ: но въ первый разъ своего прихода туда, не ожидая никого тамъ встрѣтить, кромѣ одного теленка, она съ изумленіемъ и страхомъ усмотрѣла человѣка, лежащаго подъ полкомъ. Сначала вообразила она, что видитъ домоваго и опрометью побѣжала назадъ. Но офицеръ, опасаясь, чтобы мѣстопребываніе его не было открыто, удержалъ ее и ставъ на колѣни, умолялъ не говорить объ немъ никому, и, въ подкрѣпленіе своей прось-

бы, далъ ей денегъ. Все это подѣйствовало на добрую женщину: она поклялась въ молчаніи — и сдержала свое слово. Когда же приходомъ войска прекратился мятежъ, въ ту же минуту принесла своему плѣннику радостное о томъ извѣстіе.

Семеновъ, которому я обязанъ своимъ избавленіемъ съ мельницы, квартировалъ въ домѣ исправника, который въ день возмущенія находился въ уѣздѣ. Еще при началѣ бунта Семеновъ спрятался на чердакъ, а семейные исправника велѣли запереть ворота и закрыть у окошекъ ставни. Все было исполнено. У воротъ сталъ на стражѣ инвалидный старый солдатъ съ тупымъ тесакомъ, покрытымъ ржавчиною — доказательство, что онъ никогда не вынимался изъ ноженъ. Инвалидъ этотъ находился у исправника для разсылокъ. Толпы бунтовщиковъ, предавшись грабежу, не замедлили было явиться и къ дому исправника съ намѣреніемъ разграбить его. Но храбрый инвалидъ съ убивственнымъ тесакомъ своимъ стоявшій у воротъ, мужественно противился имъ—словами:

— «Что вы хотите дѣлать?» говорилъ имъ старый воинъ: «здѣсь живетъ исправникъ, у котораго на рукахъ казенныя дѣла; я берегу ихъ, и если онѣ пропадутъ, то вы будете наказаны государемъ».

Слова солдата и онъ самъ имѣли дѣйствіе спасительное для дома исправника и для господина Семенова. Онъ, дождавшись ночи, нашелъ средство уѣхать изъ города. По счастію, какъ мы видѣли уже выше, Семеновъ пріѣхалъ въ село Адашево и — тамъ нечаянно услышалъ отъ крестьянъ бывшихъ на мельницѣ о моемъ тамъ пребываніи.

Но я ограничиваюсь, въ отношеніи такихъ слу-

чаевъ, этимъ только описаніемъ и буду говорить о главнѣйшемъ происшествіи.

Утро послѣдовавшаго дня представляло глазамъ тоже ужасное зрѣлище мятежа какое было и въ прошедшій день: грабежъ и буйство не прекращались; толпы мятежниковъ безпрестанно скитались по всему городу.

Заключенные въ тюрьмѣ, на мѣстѣ преступниковъ, несчастные, изувѣченные офицеры каждую минуту опасались смерти. Они не ожидали и не могли ожидать себѣ никакой помощи: чтобы получить ее надобно было совершиться чудесамъ.

Вокругъ тюрьмы былъ многочисленный караулъ изъ ратниковъ: его очень часто осматривалъ полковникъ-самозванецъ, и, при каждомъ осмотрѣ, дѣлалъ офицерамъ угрозы замучить ихъ величайшими терзаніями. Однакоже имъ приносили пищу, которую съ ругательствомъ бросали въ тюрьму. Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ подходили къ окошку тюрьмы и говорили съ офицерами — но говорили не утѣшенія, а угрозы, ругательства и насмѣшки, называя ихъ выдуманными именами. Такъ напримѣръ, одинъ изъ злодѣевъ принесъ нѣсколько калачей, бросилъ ихъ въ тюрьму и сказалъ:

— «Кушайте, дворяне! сытымъ умирать лучше; а вамъ не долго остается пожить».

Другой же ратникъ, смотря въ окошко, говорилъ полковнику:

— «Здорово братъ Марка Васильевъ (имя полковника), какъ поживаешь? что дѣлаешь и весело-ли здѣсь вамъ? Но хотя и скучно, однакожъ потерпите немного: васъ всѣхъ вздернутъ скоро на висѣлицу, тамъ будетъ веселѣе!»

Около полудня смертный страхъ повергъ офицеровъ почти въ безчувственное состояніе: они увидѣли, что угрозы бунтовщиковъ готовы исполниться: ибо передъ глазами ихъ, недалеко отъ тюрьмы, воздвиглись руками варваровъ страшныя орудія смерти—три висѣлицы. Послѣдній ударъ топора, окончившій ихъ, извѣстилъ несчастныхъ узниковъ о послѣднихъ минутахъ ихъ собственной жизни.

Вопли отчаянія раздались въ мрачной темницѣ, но ни мало не трогали безчеловѣчныхъ, а, напротивъ, казалось, составляли для нихъ пріятную забаву.

Съ дикимъ хохотомъ подходили бунтовщики къ тюрьмѣ, и указывая на висѣлицы, спрашивали офицеровъ: «хорошо-ли онѣ сдѣланы?»

Однакожъ и этотъ мучительный для офицеровъ день прошелъ безъ дальнѣйшихъ несчастій. Въ продолженіе ночи заключенные не слышали близь себя никакого шума; одни шаги караульныхъ нарушали ихъ ужасное молчаніе. Но вдали слышались крики мятежниковъ, которые подобно звѣрямъ рыскали во мракѣ ночи по всему городу.

На другой день, поутру, число несчастныхъ жертвъ мятежа умножилось однимъ инвалиднымъ офицеромъ, котораго въ полномъ мундирѣ, со шпагою, бунтовщики толкнули въ тюрьму.

— «Здравствуйте товарищи!» сказалъ онъ кланяясь офицерамъ; «я попалъ сюда за васъ: думалъ уговорить бѣшеныхъ къ прекращенію бунта, но не успѣлъ; такъ и быть! станемъ отвѣчать вмѣстѣ».

Онъ сѣлъ между полумертвыхъ офицеровъ, нѣсколько минутъ насвистывалъ веселую пѣсню, и наконецъ заснулъ такъ спокойно, какъ будто у себя дома.

Офицеръ этотъ находился тогда въ такомъ поло-

женіи, въ которомъ море кажется по колѣно. Впрочемъ онъ былъ довольно умный и добрый человѣкъ. Вообразивъ, что можетъ убѣдить бунтовщиковъ обратиться къ повиновенію, онъ одѣлся во всю форму и устремился въ толпы ихъ—но не сказалъ еще и двухъ словъ, какъ очутился въ тюрьмѣ.

Въ продолженіе этого дня происходили вокругъ тюрьмы такія-же ужасныя сцены, какъ и наканунѣ. Но къ вечеру явился ложный полковникъ съ многочисленною толпою ратниковъ, и, остановясь возлѣ тюрьмы, громко отдалъ приказаніе—вѣшать офицеровъ. Невинные мученики окаменѣли, услышавъ варварское повелѣніе... Но эти ужасныя минуты не могутъ быть описаны! Самое живое, самое пламенное воображеніе слабо для представленія того мучительнаго состоянія чувствъ, которое тяжелѣе самой смерти и которое наполняло тогда души офицеровъ! Нѣкоторые изъ офицеровъ имѣли еще столько силъ, чтобъ, ставъ на колѣни, приносить послѣднюю молитву ко Всевышнему; другіе сидѣли на одномъ мѣстѣ и, подобно мраморнымъ статуямъ, не показывали ни малѣйшаго знака жизни; а иные, помышляя еще о спасеніи себя, прятались подъ широкія лавки.

Одинъ инвалидный офицеръ сохранялъ все присутствіе духа: море хотя уже не казалось ему такимъ болотомъ, въ которомъ можно только обмочить ноги, однако онъ не видѣлъ еще въ немъ и такой неизмѣримой глубины, которая могла-бы устрашить его. Онъ обнажилъ свою шпагу и сталъ у дверей.

Съ величайшимъ крикомъ и хохотомъ устремились ратники къ двери, и въ одно мгновеніе она отворилась.

— «Ни шагу впередъ!» закричалъ инвалидъ, по-

трясая шпагою: — «первый, кто хотя немного подвинется, будетъ насквозь проколотъ!»

Бунтовщики остановились.

Тогда храбрый защитникъ офицеровъ со всѣмъ жаромъ особаго рода краснорѣчія началъ говорить ратникамъ, изумленнымъ его отважнымъ поступкомъ, что они и такъ уже заслужили довольно наказанія такимъ множествомъ своихъ злодѣяній; но что это наказаніе можетъ еще облегчиться, если они, принеся во всемъ чистосердечное раскаяніе, теперь-же прекратятъ свои неистовства. «Но ежели,—продолжалъ онъ—вы довершите свои преступленія еще ужаснѣйшимъ злодѣйствомъ — смертью невинныхъ офицеровъ, то съ вами поступятъ такъ, какъ поступили съ бунтовщикомъ Пугачевымъ: васъ будутъ колесовать. Я свидѣтельствуюсь Богомъ, что завтра-же придетъ сюда войско— и вы всѣ погибнете. Вы знаете, что многіе офицеры успѣли скрыться отъ васъ: они донесли о вашемъ возмущеніи начальству—и, повѣрьте мнѣ, что войско уже отправлено сюда. Оставьте-же свои злодѣйскія покушенія и ступайте отсюдова къ своимъ мѣстамъ!»

Ратники, какъ пораженные громомъ, стояли неподвижно и ничего не отвѣчали. Офицеръ не давъ имъ придти въ себя, оттолкнулъ стоявшихъ близко къ двери и затворилъ ее.

Къ чему отнести неожиданное дѣйствіе, какое произвели на мятежниковъ слова инвалиднаго офицера? Какъ могло случиться, что голосъ одного человѣка такъ скоро достигъ до ожесточенныхъ сердецъ варваровъ? Отнесемъ все это къ милосердію Того, чье всемогущество сильно было произвести этотъ счастливый переворотъ бѣдственныхъ обстоятельствъ. Инвалидный офицеръ не зналъ навѣрное, и не могъ знать, о ско-

ромъ приходѣ войска, а говорилъ о томъ наудачу,— бывъ извѣстенъ, что нѣкоторые изъ скрывшихся офицеровъ уѣхали въ Пензу. Вѣроятно и сами бунтовщики слышали о движеніи войска, хотя и не ожидали скораго прихода его. Но слова, произнесенныя офицеромъ въ тонѣ пророческомъ, устрашили бунтовщиковъ. Они съ тихимъ (?) шумомъ удалились отъ тюрьмы; однакожъ караулъ ихъ еще остался вокругъ нее.

Настала ночь. Несчастные офицеры, видѣвшіе отсрочку своей казни, нѣсколько успокоились и пришли въ себя. Любовь къ жизни въ нихъ снова пробудилась, но надежда мало подкрѣпляла ихъ. Въ эту ночь не было слышно во всемъ городѣ ни шума, ни крика, а вездѣ царствовала глубокая тишина. При появленіи утра заключенные усмотрѣли съ удивленіемъ, что вокругъ тюрьмы нѣтъ никакого караула.

Скоро потомъ показался у окошка одинъ унтеръ-офицеръ изъ ратниковъ, неучаствовавшій въ возмущеніи, и сказалъ офицерамъ, что въ шести верстахъ отъ Инсара ночевалъ отрядъ войска, и что бунтовщики, узнавъ о томъ, разошлись по квартирамъ. Офицеры радовались этому извѣстію и вмѣстѣ страшились,—страшились потому, что считали его еще не вѣрнымъ: ибо все то, чего мы слишкомъ желаемъ, кажется намъ невозможнымъ.

Но, вслѣдъ затѣмъ, прибѣжало нѣсколько человѣкъ бунтовщиковъ, которые, отперевъ тюремную дверь, объявили офицерамъ, что они свободны,—и потомъ съ поспѣшностью ушли. Надежда вѣрнаго спасенія оживила страдальцевъ; они какъ будто вновь начинали жизнь свою, и всѣ проливали сладкія слезы неизъяснимой радости. Нѣкоторые осмѣлились выдти изъ тюрьмы, чтобъ удостовѣриться въ своей свободѣ; но хотя ни-

кого не было изъ мятежниковъ ни около тюрьмы, ни вдали на площади, однакожъ офицеры не воспользовались свободой, а согласились дожидаться въ этомъ заключенiи своихъ избавителей. Но инвалидный офицеръ, спасшiй заключенныхъ отъ висѣлицы, не хотѣлъ долѣе оставаться въ такомъ невыгодномъ мѣстѣ. Онъ простился съ ними и, осыпанный ихъ справедливою благодарностiю, отправился домой.

Еще прошло два или три часа, въ продолженiе которыхъ офицеры то надѣялись, то отчаявались, — и вдругъ чуть-чуть послышался имъ бой барабановъ; но чрезъ нѣсколько минутъ звуки раздавались все громче, громче—и вотъ почти передъ самою тюрьмою внятно скомандовали: «стой!» Офицеры стремительно бросились къ дверямъ. Какова-же была ихъ радость, когда они увидѣли отрядъ войска, артиллерiю и генерала К..... *) съ его свитою! Они едва не лишились памяти отъ сильныхъ чувствъ своего благополучiя: бѣгали по мрачной тюрьмѣ, крестились, всѣ вмѣстѣ говорили, не понимая другъ друга, и обнимались съ восхищенiемъ похожимъ на изступленiе разума.

Генералъ К..... вошелъ въ тюрьму и торжественнымъ голосомъ объявилъ офицерамъ свободу и спасенiе. Офицеры видѣли въ немъ ангела-хранителя, и едва не упали передъ нимъ на землю. Генералъ подалъ полковнику руку и вывелъ его изъ тюрьмы; за ними послѣдовали и всѣ прочiе.

Генералъ К.... командовалъ всѣмъ Пензенскимъ ополченiемъ. Къ нему-то, при началѣ бунта, былъ отправленъ офицеръ Юматовъ съ донесенiемъ, но попался въ тюрьму. Когда-же возмущенiе, какъ быстрый

---

*) Фамилiя скрыта авторомъ разсказа. *Прим. издат.*

потокъ, разлилось и низпровергло весь порядокъ, всю власть, тогда изъ числа бывшихъ съ нами въ мезонинѣ унтеръ-офицеровъ—одинъ, какъ уже сказано выше, нашелъ случай выдти изъ города и, нанявъ лошадей, поѣхалъ въ Пензу, первый донесъ генералу о происшествіи со всею подробностію *). Вслѣдъ за нимъ еще нѣкоторые офицеры, избѣгнувшіе рукъ мятежниковъ, также явились въ Пензу и подтвердили донесеніе.

Слѣдствіемъ того было то, что генералъ К.... дѣятельнѣйшимъ образомъ сдѣлалъ зависѣвшія отъ него распоряженія, и съ нарочными курьерами отнесся ко всѣмъ вблизи находившимся военнымъ командамъ, требуя прибытія ихъ въ Инсару на подводахъ. Между тѣмъ генералъ былъ въ затруднительномъ положеніи: онъ въ то же время имѣлъ еще извѣстіе, что и другіе полки ополченія, одинъ нъ Саранскѣ, а другой уже на походѣ въ Чембарѣ, произвели мятежъ, но съ меньшимъ противъ нашего полка ожесточеніемъ: ибо тамъ ратники отказались только отъ повиновенія начальникамъ. За всѣмъ тѣмъ однако-же, чѣмъ дольше-бы оно продолжилось, тѣмъ было бы опаснѣе — и наконецъ могло имѣть однѣ послѣдствія съ Инсарскимъ бунтомъ. Такимъ образомъ генералъ К.... положилъ, какъ можно скорѣе, прежде прекратить безпорядокъ въ главномъ пунктѣ, въ Инсарѣ, а потомъ уже обратиться для того и въ другія мѣста.

Въ то время находились въ Пензѣ: двѣ сотни Башкиръ, сотня уральскихъ казаковъ, гарнизонный баталіонъ, конный полкъ ополченія и четыре орудія артил-

*) За такой поступокъ этотъ унтеръ-офицеръ, по представленію полковаго командира, получилъ впослѣдствіи знакъ отличія военнаго ордена. *Примѣч. автора.*

лерiи, бывшей въ составѣ ополченiя же. Но ни этотъ полкъ, ни артиллерiю нельзя было полагать въ общiй счетъ; ибо они могли сдѣлаться измѣнниками, и, принявъ сторону ратниковъ, какъ своихъ товарищей, могли обратить оружiе противъ справедливой стороны. Однакожъ, покоряясь необходимости и не замѣчая въ нихъ ни малѣйшаго расположенiя къ вѣроломству, генералъ К.... со всѣми съ ними поспѣшно выступилъ изъ Пензы.

На другой день, съ отрядомъ своимъ, онъ былъ уже въ четырехъ верстахъ отъ Инсара и могъ къ ночи быть въ этомъ городѣ. Но, желая съ одной стороны предупредить всякую опасность, а съ другой, окончить все дѣло безъ пролитiя крови, генералъ расположился ночевать въ деревнѣ, и сдѣлалъ планъ вступленiя въ Инсаръ. Въ ту-же ночь онъ отправилъ туда двухъ надежныхъ офицеровъ изъ своей свиты съ порученiемъ развѣдать о положенiи бунтовщиковъ. Чрезъ нѣсколько часовъ посланные возвратились и донесли генералу, что въ Инсарѣ всѣ ратники находятся по квартирамъ, и что тамъ все тихо такъ, какъ будто никогда ничего не происходило.

Съ разсвѣтомъ, на другой день, весь отрядъ въ боевомъ порядкѣ, съ заряженными ружьями и пушками двинулся къ Инсару. Въ авангардѣ находились уральскiе казаки и рота гарнизоннаго баталiона; за ними непосредственно слѣдовала артиллерiя подъ прикрытiемъ Башкиръ, потомъ—конный полкъ ополченiя; остальныя-же роты баталiона и часть Башкиръ составляли аррiергардъ.

Приближаясь къ своей цѣли, генералъ еще разъ посылалъ рекогноссировать, и получилъ донесенiе о совершенномъ спокойствiи въ Инсарѣ. Наконецъ онъ

вступаетъ въ этотъ городъ и удостовѣряется въ справедливости донесеній. Во время прохода войска по нѣкоторой части города, не только не встрѣчалось ни одного изъ бунтовщиковъ, но даже не видно было и ни одного жителя.

Генералъ К..... зная, что офицеры содержатся въ тюрьмѣ, привелъ отрядъ свой прямо туда—и такимъ образомъ имѣлъ наконецъ удовольствіе быть избавителемъ несчастныхъ, ожидавшихъ неминуемой смерти.

Выйдя изъ тюрьмы, офицеры боялись уже удалиться отъ генерала и послѣдовали за нимъ въ занятую имъ квартиру, въ корпусѣ присутственныхъ мѣстъ. Въ туже минуту генералъ послалъ часть Башкиръ и казаковъ отыскивать бунтовщиковъ, съ приказаніемъ всѣхъ представлять къ нему. Артиллерія была поставлена возлѣ квартиры генерала—и конониры стали съ зажженными фитилями; гарнизонный баталіонъ расположился внутри двора присутственныхъ мѣстъ; а послѣдней части войска, подъ командою избранныхъ офицеровъ, велѣно было назначать въ городѣ для всего отряда квартиры и занять всѣ караулы на заставахъ и въ прочихъ мѣстахъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ, къ генералу было уже представлено до двухъ-сотъ человѣкъ бунтовщиковъ, которыхъ и отдали подъ караулъ. Никто изъ нихъ не только не оказывалъ ни въ чемъ сопротивленія, но напротивъ съ глубокимъ повиновеніемъ исполняли приказанія. Отрядъ Башкиръ и казаковъ, отыскивавшій бунтовщиковъ, донесъ генералу, что всѣ прочіе ратники находятся въ порядкѣ по квартирамъ,—и потому, не видѣвъ въ сборѣ ихъ, въ случаѣ надобности, никакого препятствія, генералъ ограничился на этотъ разъ однимъ приказаніемъ отобрать отъ нихъ всѣ пики.

Къ вечеру же пики цѣлаго полка были представлены къ генералу и отданы за строгій караулъ. Офицеры нашего полка отправились по квартирамъ и нѣкоторые изъ жителей города стали собираться въ свои разрушенные дома. Весь отрядъ войска также занялъ квартиры вблизи генерала.

На другой день, немедленно, была открыта въ Инсарѣ коммисія военнаго суда подъ предсѣдательствомъ генерала К...ва, и начались розысканія. По показаніямъ ратниковъ, каждый изъ нихъ былъ правъ во всемъ: никто не начиналъ возмущенія, не производилъ его и даже не зналъ—какъ и отъ кого все случилось. Наконецъ строгія мѣры, при разпросахъ ратниковъ употребленныя (?), хотя и вынуждали отъ нихъ признанія, но только въ томъ, что они участвовали въ общемъ возмущеніи, не знавши зачинщиковъ его. Но многихъ изъ главныхъ бунтовщиковъ узнавали сами офицеры и жители города, которые подавали въ коммисію записки о всѣхъ вещахъ разграбленнаго у нихъ имущества.

Чрезъ нѣсколько дней дѣятельнаго и неутомимаго розысканія, коммисія открыла до трехъ сотъ человѣкъ ратниковъ, болѣе другихъ виновныхъ въ возмущеніи; въ томъ числѣ былъ отысканъ и полковникъ-самозванецъ вмѣстѣ съ присвоенными имъ орденами настоящаго полковаго командира.

Въ коммисію приносили ограбленныя у офицеровъ и жителей разныя вещи; но въ числѣ ихъ не было ни денегъ, ни вещей, стоившихъ довольной цѣны: все это пропало безвозвратно.

Между тѣмъ, по распоряженію начальства, для усмиренія ратниковъ прибылъ въ Инсаръ изъ Арзамаса баталіонъ егерей, который съ самаго мѣста по-

спѣшалъ на перемѣнныхъ лошадяхъ. Въ это же время, отъ командировъ тѣхъ двухъ полковъ ополченія, которые были виновны почти въ подобныхъ безпорядкахъ, генералъ К...въ получилъ донесенія, что между ратниками возстановлены совершенное спокойствіе, порядокъ и повиновеніе.

Подробности всего произшедшаго въ этихъ полкахъ, между прочимъ, заключались въ слѣдующемъ: первый полкъ, квартировавшій въ городѣ Саранскѣ, началъ безпорядокъ тѣмъ же, чѣмъ и нашъ полкъ, т. е. онъ отказывался идти въ походъ безъ присяги. Потомъ, собравшись въ одно мѣсто, производилъ крикъ и угрозы офицерамъ. Но офицеры успѣли скрыться за крѣпкими стѣнами монастыря, находящагося посреди самаго Саранска.

Архимандритъ этого монастыря, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ за ворота святой обители и здѣсь ожидалъ ратниковъ. Они не замедлили явиться. И едва только архимандритъ началъ убѣждать ихъ къ повиновенію — толпа бѣшеныхъ не позволила ему продолжать увѣщаній а, забывъ страхъ Божій и все уваженіе къ сану архимандрита, бросилась къ почтенному пастырю. Но онъ предупредилъ нападеніе ратниковъ — скорымъ бѣгствомъ въ ограду монастыря, и только часть одежды его досталась въ руки мятежниковъ, которые успѣли оную оторвать.

Ворота монастырскія были поспѣшно затворены и заперты за архимандритомъ. Ратники покушались отворить ихъ, но безъ успѣха. И наконецъ, какъ-будто ужаснувшись поступковъ своихъ, оскорблявшихъ святость обители, они разошлись по квартирамъ, прекратили всякой безпорядокъ и тѣмъ все кончилось.

Второй полкъ, выступившій въ походъ изъ Мокша-

на, во время дневки своей въ городѣ Чембарѣ, открылъ возмущеніе неповиновеніемъ противъ своихъ начальниковъ; потомъ ратники забирали офицеровъ подъ караулъ. Но, къ счастію, въ то же время находился въ Чембарѣ походомъ небольшой отрядъ егерей: онъ присоединился къ защищавшимся офицерамъ ополченія, и нѣсколькими удачными выстрѣлами изъ ружьевъ разсѣялъ толпы ратниковъ. Все усмирилось и пришло въ порядокъ. Оба города — Саранскъ и Чембаръ—нимало не потерпѣли отъ возмущенія.

Коммисія военнаго суда въ Инсарѣ продолжала свои занятія. По соображеніи всѣхъ розысканій сдѣлалось достовѣрнымъ, что планъ возмущенія былъ заранѣе обдуманъ ратниками, и что самое начало его между ними было условлено: ибо мятежъ во всѣхъ мѣстахъ обнаружился въ одинъ день—9 декабря. Цѣль мятежниковъ заключала въ себѣ безразсудное намѣреніе людей, погруженныхъ въ невѣжество: они хотѣли, истребивъ офицеровъ, отправиться цѣлымъ ополченіемъ къ дѣйствующей арміи; явиться прямо на поле сраженія, напасть на непріятеля и разбить его; потомъ, съ повинной головою предстать предъ лице монарха, и, въ награду за свою службу, выпросить себѣ прощеніе и вѣчную свободу изъ владѣнія помѣщиковъ. Но кто былъ первый, у котораго родилась такая нелѣпая мысль,—кто былъ первый, принявшій на себя исполненіе дерзкаго намѣренія: того никакія розысканія, никакія строгія мѣры (?) не могли открыть; это осталось навсегда глубокою тайною.

Коммисія военнаго суда не имѣла времени производить дальнѣйшія розысканія, потому что велѣно было всему ополченію поспѣшить выступленіемъ въ походъ.

Чрезъ три недѣли, дѣйствія коммисіи окончились. Въ нашъ полкъ былъ назначенъ новый полковой командиръ: ибо изувѣченный ратниками полковникъ Кушнеревъ вышелъ въ отставку. Рѣшительный приговоръ коммисіи былъ объявленъ: болѣе трехъ сотъ ратниковъ присуждено къ наказанію—соотвѣтственно винѣ каждаго. И наконецъ приступлено было къ выполненію этого приговора.... Но отвратимъ взоры отъ позорища — для человѣчества — ужаснаго! Три дня лилась кровь виновныхъ ратниковъ и многіе изъ нихъ лишились жизни подъ ударами палачей! Изъ уцѣлѣвшихъ, оставшихся послѣ наказанія ратниковъ, часть отправлена въ каторжную работу, часть—на поселеніе, а другіе—на вѣчную службу въ дальнѣйшіе сибирскіе гарнизоны. Подобно этому поступлено съ бунтовщиками перваго и втораго полковъ — съ меньшею, однакожъ, строгостію, потому что они были не такъ много виновны.

Между тѣмъ послѣдовало повелѣніе о приведеніи ополченія къ присягѣ; а на мѣсто убылыхъ мятежниковъ велѣно было укомплектовать полки изъ четвертаго полка ополченія, который поступилъ въ составъ резерва, съ оставленіемъ его въ Пензенской губерніи.

Съ поспѣшностію, каковая требовалась обстоятельствами, полки были приведены къ присягѣ, укомплектованы, и наконецъ отправились въ походъ—но однакожъ подъ прикрытіемъ одного баталіона пѣхотныхъ егерей и двухъ конныхъ башкирскихъ полковъ, изъ которыхъ егерскій баталіонъ конвоировалъ ополченіе до Кіева, а Башкиры—до границы Россіи.

Подъ Кіевомъ начальникъ всѣхъ ополченій, графъ Петръ Александровичъ Толстой, доставилъ намъ высочайшій приказъ, которымъ объявлялось пензенскому

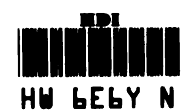
ополченію всемилостивѣйшее прощеніе во всѣхъ безпорядкахъ, произведенныхъ мятежниками.

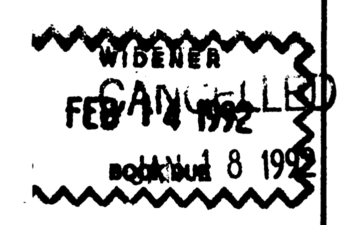
Должно согласиться, что ратники были слишкомъ виновны, оказавъ себя не покорными и нарушивъ порядокъ въ такое время, когда смутныя обстоятельства цѣлой Россіи обязывали каждаго изъ насъ, внимая гласу своего отечества, безстрашно летѣть на пораженіе врага, дерзнувшаго оскорбить и святость вѣры и славу народа русскаго. Такъ ратники всѣ были виновны выше всякой мѣры; заслужили наказаніе и получили оное. Всѣ ли вообще носившіе имя ратника подлежали строгой отвѣтственности — узнается тамъ, гдѣ нѣтъ никакой тайны, гдѣ добро и зло никогда не смѣшивается.

Заключимъ все немногими словами. Эти самые ратники впослѣдствіи времени—совершенно оправдали себя безропотнымъ перенесеніемъ всѣхъ трудностей похода, глубокимъ повиновеніемъ начальству и, наконецъ, самыми даже битвами съ непріятелемъ страшнымъ и по силамъ своимъ и по опытности въ военномъ искусствѣ. Конечно, ратники не оказали важнѣйшихъ услугъ своему отечеству; но Дрезденъ, Магдебургъ и Гамбургъ не напрасно засвидѣтельствуютъ, что побѣда есть также принадлежность и русскаго ополченія.

Ноября 6 дня, 1828 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.


HW 6E6Y N


WIDENER
CANCELLED
FEB 14 1992
BOOK DUE
JAN 18 1992